

# ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ  
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 3 (674) • 2012

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.



Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: [unost-contact@mail.ru](mailto:unost-contact@mail.ru)  
<http://unost.org>

*Весь 2012 год  
на обложках журнала «Юность»  
иллюстрации Анны Дудяковой*

© Анна Дудякова, рисунок  
на первой стр. обложки, 2012

## РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ  
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ  
Валерий ЗОЛОТУХИН  
Елена ИСАЕВА  
Кирилл КОВАЛЬДЖИ  
Валерий КОЗЛОВ  
Владимир КОСТРОВ  
Нина КРАСНОВА  
Татьяна КУЗОВЛЕВА  
Валентина ЛАНЦЕВА  
Евгений ЛЕСИН  
Георгий ПРЯХИН  
Владимир РАДЧЕНКО  
Ольга РЫЧКОВА  
Александр СОКОЛОВ  
Борис ТАРАСОВ  
Елена ТАХО-ГОДИ  
Олег ТОЛКАЧЕВ  
Игорь ШАЙТАНОВ

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,  
заведующий отделом поэзии  
**Валерий ДУДАРЕВ**

главный художник  
**Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ**

заведующая отделом критики  
**Анна КОЗЛОВА**

ответственный секретарь  
**Ярослав ЛИТВИНЕНКО**

заведующий отделом культуры  
**Александр МАХОВ**

заместитель главного редактора,  
заведующий отделом прозы  
**Игорь МИХАЙЛОВ**

главный консультант  
**Эмилия ПРОСКУРНИНА**

заведующая отделом  
духовного наследия  
**Марина РЫБАКИНА**

заведующая отделом  
публицистики  
**Екатерина САЖНЕВА**

консультант главного редактора  
**Евгений САФРОНОВ**

директор по развитию  
**Светлана ШИПИЦИНА**

## ТЕМА НОМЕРА: И ДО ЖНИВ НЕ ДОЖИЛ

### ПОЭЗИЯ

#### // Молодые поэты Грузии //

Вступительная статья Елены Исаевой .....	3
Дмитрий ЛОСКУТОВ .....	4
Давид МЕЗУРНИШВИЛИ .....	5
Марина ЛАМАР .....	6
Дмитрий СПОРЫШЕВ .....	7
Игорь ЭИБОВ .....	8
Ада ДЖИЛАВДАРОВА .....	9
Анна ЛОБОВА .....	10
Сусанна АРМЕНЯН .....	11
Анна ЦИЛОСАНИ .....	12
Георгий АРУТЮНОВ .....	13
Андрей АВАЛОВ .....	14

Елена КАНТОР .....	37
Маргарита ШУВАЛОВА .....	116

### ПРОЗА

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ Рассказы .....	23
Елена САЗАНОВИЧ	
<b>ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК</b> Роман (Продолжение) .....	41
Владимир СЕМЕНЧИК	
<b>КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ</b>	
<b>ВОПРОСАМ</b> Повесть из жизни офисного планктона (Продолжение) .....	70

### НАСЛЕДИЕ / ТЕМА НОМЕРА

Василь СТУС	
<b>И ДО ЖНИВ НЕ ДОЖИЛ</b> (Перевод и вступление Александра Купрейченко) .....	15

### ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
<b>НУЖНАЯ ХРЕНЬ</b> .....	36

### РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА

Михаил БАЛЬМОНТ	
<b>БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ</b> (Из жизни Константина Дмитриевича Бальмонта) .....	63

### КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

Марианна ТАРАСЕНКО	
<b>ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ ПАРЫ</b> .....	94
Петр ПУСТОВАЛОВ	
<b>КОГДА НАШЕ УХО ГЛУХО...</b> .....	95

### БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ	
<b>УВИЖУ САМ</b> Человекотекст, книга 3 (Окончание) .....	100

### БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДА

Эдвард ЛИР	
<b>ЛИМЕРИКИ</b> (Перевод и вступление Генриха Варденги) .....	104

### ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Джеймс СТИВЕНС	
<b>РОЖДЕНИЕ БРАНА</b> (Рубрика Евгения Никитина) .....	109

### ПУТЕШЕСТВИЯ

Феликс ШВЕДОВСКИЙ	
<b>ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК</b> (Продолжение) .....	113

### ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Дарья НУРИЕВА (Карелия) .....	120
Ирина КАЗАЧИНИНА (Алтайский край) .....	121
Сергей ШУВАЛОВ (г. Москва) .....	124
Ольга ГОЛУБ (Иркутск – Москва) .....	127
Йосси ВЕРДИ (Азербайджан) .....	133
Сергей КУРЕНЕВ (г. Хабаровск) .....	134

### В КОНЦЕ КОНЦОВ

#### // Детектив на ночь //

Валерий ИЛЬИЧЕВ	
<b>АГЕНТУРНЫЙ РОМАН</b> .....	139

#### // Зеленый портфель //

Надежда ГЛУШКОВА	
<b>НОВЫЙ РАЗГОВОР</b>	
<b>С НАРОДНЫМ ПОЭТОМ ПИСУГИНЫМ</b> .....	143

#### // «До востребования» //

Галка ГАЛКИНА	
<b>ЗНАМЯ БОРЬБЫ С ПОЛОВОЙ РАСПУЩЕННОСТЬЮ</b> .....	146

#### // VERIDIA VERIS //

Шалун ГЕО, человек-реестр	
<b>И МУЖИК ЛЕТИТ В ОКНО (ИЗ ВИТЕБСКА),</b>	
<b>А ШАГАЛУ ВСЕ РАВНО!</b> .....	147

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Художник-иллюстратор

Анна ДУДЯКОВА

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,  
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность представленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН,

ОП «ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,  
Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 974-69-76

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №



## МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ГРУЗИИ

«МОЛОТ О.К.»: В Тбилиси молодежь пишет стихи на русском. Пока!

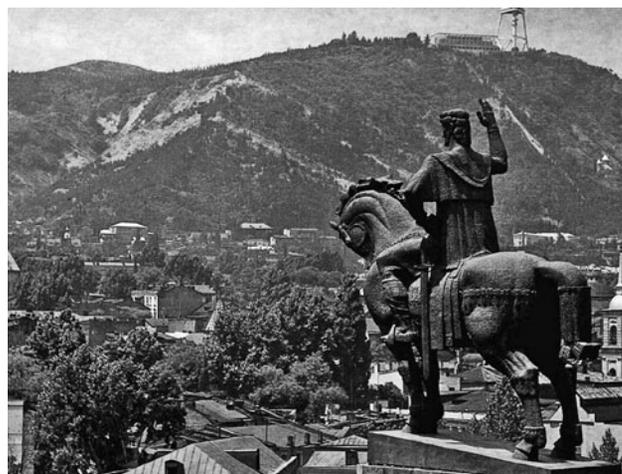
Говорят, что название определяет судьбу. Я в это очень верю. Во всяком случае, история объединения русскоязычных литераторов Тбилиси это подтверждает. «МОЛОТ О.К.» — это не только аббревиатура от «Молодежное объединение литераторов, обитающих в Тбилиси» + О.К. Это еще и несомненная многосмысловая метафора. Ассоциативно представляешь себе сразу много-много молотков, дружно строящих, возводящих одно большое здание — общее дело, в данном случае литературное. Молоток — это инструмент строительства. И главный принцип основателей лито — «научить молодых людей делать все самим — организовывать среду, разбирать тексты, анализировать, издавать и издаваться».

Тут же возникает образ молоточков, бьющих по струнам где-то в глубине рояля. Каждый из них высекает свою нотку, свой особенный неповторимый звук — а все вместе они сливаются в симфонию русской речи.

И, конечно же, молот всегда в руках того, кто сам кует свою судьбу. И этого у «молотков» не отнять.

Объединение возникло в Тбилиси в 2005 году по инициативе Анны Шахназаровой и Михаила Ляшенко (которые и по сей день им руководят) — кураторов журнала русской поэзии в Тбилиси «АБГ» (по первым буквам грузинского алфавита в русской транскрипции). Оно объединило молодых людей, пишущих на русском.

Занимаясь и обычной для лито студийной работой, его участники периодически проводят публичные акции, театрализованные презентации коллективных и авторских сборников, концерты, вечера памяти поэтов и бардов (в том числе памяти Высоцкого, Бродского, Гумилева), переводят современную грузинскую поэзию на русский язык (уже переведено более двадцати авторов — на хорошую антологию тянет!). Приветствуется тут и коллективное творчество. Например, студийцы вместе написали и сами же поставили и сыграли на малой сцене Тбилисского драматического театра им. А. С. Гри-



боедова пьесу в стихах и песнях «Между прессой и наковальней».

Надо сказать, что Русский театр в Тбилиси, как и Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб», президентом которого является директор Грибоедовского театра Николай Николаевич Свентицкий, всегда поддерживал и поддерживает «молотков» во всех их начинаниях.

Этим летом в рамках Международного поэтического русскоязычного фестиваля, проводимого «Русским клубом» и Международной федерацией русскоязычных писателей, прошел конкурс по нескольким номинациям — на лучшие произведения малых форм на русском языке. В жюри входили известные русские писатели и критики. Победителями стали и участники «Молотка».

В этом номере мы печатаем стихи нескольких студийцев, таких разных, но объединенных одним — они пишут на русском языке. И несмотря на то, что Россия и Грузия переживают сложный этап взаимоотношений, никто не сможет помешать нам слышать, читать и любить друг друга.

И вот вам еще одно «неформальное» толкование названия — «молотки»! Молодцы то есть!

*Елена Исаева*



## Дмитрий ЛОСКУТОВ



*Дмитрий Лоскутов родился в 1978 году. Выпускник факультета физики Тбилисского государственного университета. Победитель конкурса Фонда Б. Н. Ельцина на лучший перевод с национального языка на русский язык (номинация «Молодое перо», 2008). Дипломант конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011) в номинации «Поэзия». Член редколлегии периодического издания «Лист О.К. АБГ» ассоциации литераторов «АБГ». Публиковался в местных (журнал «Литературная Грузия») и зарубежных — «Дети Ра» (переводы), «Контрабанда», «Каталог (2011) лучших произведений молодых писателей» — литературных изданиях. Автор поэтических сборников «А. с Б. И.» («Ангел с бутылкой истины», 2006) и «СПУСТЯК 30 лет» (2010). Стихи переведены на грузинский и шведский языки.*

\* \* \*

Она жила в простой винничкой деревушке.  
Ее отец — казак, потомок Запорожской Сечи —  
(Но видела его редко) сын вольных степей  
И порогов. А пироги... Да с яблоками... Да вечер

Тот выдался, как ни странно, теплый.  
Но радио притягивало левитаново.  
Кто ушел, а многие не верили. И замерли  
«22-го, в 4, вероломно», и заново

Каждый читал на лицах. Кто прятал  
Дойных коров, а кто дочерей  
В ямах. Ее спрятали. Да не надолго.  
Не верь. Война скоро кончится. Не верь.

Она не верила. Эшелон. Какой-то «бург»,  
А может, «штадт». Да какая разница,  
Если дочка хозяйская помнить должна.  
Да адрес остался в памяти. Дразнятся

Подруги-соседки, мол, 5 тысяч евро  
Могла получить, а мозгов не хватило  
Справку-то выбить, ведь муж наперво-перво  
Вытащил из ада. Поторопилась.

Домой захотелось. А где он?  
Киев, восток, пустота. И Тбилиси.  
Дом, «милый дом», смирилась.  
Внуки и правнуки: лозами вились

Дальше сыны, дочери — внуки,  
У внучки своих двое.  
Вырастут, вспомнят.  
60 лет назад сажали в вагоны, везли по прямой, мы  
Прячем глаза.

Стыдно? Нет! Дискомфорт!  
Но награда нашла героя.  
Мама, письмо дойдет —  
Я согласен. Вот только  
Дней 900 обожди. Жди...  
Верь. Война скоро кончится. Верь.

\* \* \*

Я отвыкаю от тебя, Кура.  
Мне заполняют пропуски с лихвою  
4 комнаты и в них же 3 стола:  
2 — для работы, 3-й — для запоя.

И я лысею, как твоя гора  
Безвольно отступает пред прогрессом —  
3 ресторана, 2 парковки, кран —  
Густеет арматурное полесье.

Рыбак в ботфортах, как моя душа,  
На ивовый кукуан насадит слезы  
Твои, Кура, ты плачешь не спеша.  
К другому берегу меня теченьем сносит.

Болтаюсь на поверхности, как шар,  
Надутый чьим-то любящим дыханьем.  
Вот только приспускают кореша,  
На перекатах донкою стихаю.

А мне бы в прошлое закинуться блесной,  
Цепляться за плывущий сор и рваться...  
В мазаевскую лодку (сам не свой)  
Уставшим от билетов наглым зайцем.

---

## Давид МЕЗУРНИШВИЛИ



*Давид Мезурнишвили родился в 1980 году. Окончил Тбилисский государственный институт экономических отношений и Тбилисский институт медицинской общей и прикладной психологии при Академии наук. Дипломант конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011) в номинации «Поэзия». Участник форума молодых писателей в «Липках» (2009, 2011). Публиковался в местных и зарубежных («Итоговый сборник международного поэтического фестиваля «Поэтех-2009») литературных изданиях. Вошел в сборник «Молодые писатели России». Солист рок-группы «Пилигримы». Стихи переведены на грузинский и шведский языки.*

\* \* \*

Вдали стояла церковь,  
всю глубину ее широкой белизны  
трава зеленая, трава живая подчеркнула.  
Серое небо, опустившись,  
протекло, заливши холм, овраг:  
всю эту местность тихую —  
кусочек земли лохматой, отдающий пухом,  
камень, на котором можно посидеть,  
попробовав переварить букет  
еще неспелых впечатлений,  
вытянуть руки и лететь  
в твои пушистые объятия молодой сирени.  
Конечно же, цветы, конечно,  
полевые, скрывают наготу,  
меняют цвет лица,  
дают возможность блеску глаз явиться.  
Так хочется дышать,  
здесь так приятно жадно пить  
сырые литры кислорода.  
А тишину спокойствия  
лишь птицы редко взмахом крыльев нарушают,  
своим внезапным криком целясь в дуб,  
под толщиной  
озонового  
слоя...



## Марина ЛАМАР



*Марина Ламар (Чачуа) родилась в 1973 году. Лауреат конкурса Фонда Б. Н. Ельцина на лучший перевод с национального языка на русский язык (номинация «Молодое перо», 2008). Лауреат конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011) в номинации «Драматургия». Участник форума молодых писателей в «Липках» (2009). Печаталась в местных и зарубежных — «Звезда», «Дети Ра» (переводы с грузинского) — литературных изданиях. Вошла в сборник «Новые писатели России». Автор двух поэтических сборников: «Я слышу мысль» (2002), «Грани» (2008). Стихи переведены на грузинский и шведский языки.*

\* \* \*

Дрогнули струны,  
но звука не слышно.  
Последние руны  
разбились о лед.  
Знаю, что вышло  
ущербно и сыро,  
знаю, что небо  
меня не возьмет.  
Я не хочу плесневелого сыра,  
можешь икрой намазать блины,  
только не скрою —  
за снежной горюю  
слишком уж много  
холодной вины.  
Я впасть не хотела б  
в твое состоянье,  
я в пасть твоей львице  
швыряла огонь.  
Случайное дело — как звон подаянья.  
Попробуй взгляни  
и свой взор обездонь.  
Взорви монолитность трусливого быта,  
прими неизбежное после борьбы,  
пойми же голодного, будучи сытым,  
забудь бесконечное «вот если бы...».  
Скажи своим долгим молчаньем о многом,  
попробуй сыграть  
на последней струне.  
Проямлив под утро о Боге и долге,  
ты днем мне расскажешь,  
что видел на дне.

\* \* \*

Мне случайностью быть довелось.  
Обещать в этом мире нет смысла.  
Прямо в сердце галактики ось  
Расцвела, завертелась, зависла.  
  
Что Кура мне, что Волга, что Висла?!  
Камень тонет, откуда ни брось.  
Календарные ежатся числа —  
Им декабрь неудобен, небось.  
  
Мы ни вместе, ни близко, ни врозь.  
Улыбаемся вежливо-кисло.  
Ты мне душу, прошу, не занозь,  
Не срывай мои спелые мысли.

---

## Дмитрий СПОРЫШЕВ



*Дмитрий Спорышев родился в 1981 году. Окончил Тбилисский театральный институт. Дипломант конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011) в номинации «Проза». Публиковался в местных и зарубежных (итоговый сборник фестиваля «Поэтех-2009») литературных изданиях. Стихи переведены на грузинский и шведский языки.*

\* \* \*

Она ушла,  
разбив мне сердце.  
Но ничего,  
до свадьбы заживет.  
Вот хорошо, что уходя,  
она не вздумала разбить  
мою любимую чашку.

\* \* \*

Нет того дома уже,  
в котором детство прошло.  
Детство прошло?  
— Детство прошло.  
Вошло в память о маме.

Подевались куда-то детали:  
цвет воскресенья, запах субботы.  
Может, детство проспали,  
как школу?  
Проснулись — пора на работу?

Нет дома моего детства.  
Не осталось никого, кто помнит  
В парке парня с красавицей (парочка).  
Только очень знакомый  
глядит на меня с фотокарточки.



## Игорь ЭИБОВ



*Игорь Эибов родился в 1971 году. Выпускник Грузинского технического университета. Дипломант конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011) в номинации «Поэзия». Публиковался в местных и зарубежных — «Дети Ра» (переводы с грузинского) — литературных изданиях. Стихи переведены на грузинский и шведский языки.*

\* \* \*

Качели ветра,  
 пыльный запах трав,  
 ночного города  
 замедленные звуки,  
 где небосвод,  
 светясь, к реке припав,  
 забыл о вечности  
 и просто моет руки.

Почти уже весна.  
 Весне 12 лет,  
 ей снится музыка,  
 а может, только ноты.  
 Предчувство света,  
 огнекрылый лев,  
 цветенье крестное,  
 в печальных кельях соты.

\* \* \*

А день прекрасен, помимо  
 тягот, разочарований  
 помимо смертей и болезней,  
 помимо пустых одиночеств.  
 Просто прекрасен, как чудо,  
 рассказанное случайно,  
 просто и откровенно...  
 И ничего не важно,  
 и ничего не нужно —  
 Надо дышать и слушать,  
 что говорит твое сердце.

---

## Ада ДЖИЛАВДАРОВА



*Ада Джилавдарова родилась в 1972 году. Художник-аниматор. Дипломант конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011) в номинации «Перевод с грузинского». Член редколлегии периодического издания «Лист О.К. АБГ» ассоциации литераторов «АБГ». Публиковалась в журнале «Литературная Грузия». Стихотворения переведены на шведский язык.*

\* \* \*

Поклониться тени  
погладить руками листву  
войти в прохладу, поддаться лени  
можно пойти вброд, пройтись по мосту  
окупнуться в воду, испугаться лангуста  
вынырнуть — услышав чье-то пение  
оказавшись в картине жизни  
где жизнь — искусство...  
игра светотени...

### Портрет

*Посвящается С. А.*

Она не ездила на метро,  
она не носила мини-юбки.  
Она держала в кармане пальто  
все, что другие прятали в сумки, —  
бычки, сигареты, штукатурку на фейс,  
свисток и фонарик на поздний час.  
Она не спрашивала, есть ли  
у вас деньги. Иногда запас  
медной копейки находила в пудренице.  
Тогда зеркало отражало ее анфас,  
и некто, подобный ангелу, смотрел из глаз,  
проецируя добродетель на ее лицо.  
...что касалось профиля ее, то все,  
что его касалось, пряталось за ним,  
умалчивалось и открывалось —  
подобно вырезанной в камне камее,  
было классическим — вечным и бранным...  
Все эти нежные девы, единороги,  
амазонки, укрощавшие носорогов, —  
были ничто по сравнению с нею,  
вернее, с ее профилем,  
профилем Галатеи...



## Анна ЛОБОВА



*Анна Лобова-Кубецова родилась в 1977 году. Аспирант кафедры славистики философского факультета Карлова университета в Праге. Лауреат конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011) в номинации «Поэзия». Лауреат международного поэтического турнира «Стихоборье» (2009). Публиковалась в местных — журнал «Литературная Грузия» — и зарубежных — «Дети Ра» (переводы с грузинского), итоговый сборник «Стихоборье» — литературных изданиях. Стихи переведены на грузинский и шведский языки.*

\* \* \*

Сомкнуть не получится глаз  
под рев реактивных валькирий.  
Я тоже по-своему ас,  
Бог тоже по-своему лирик,  
и весь этот сбивчивый джаз  
в продвинутом, двинутом мире —  
про нас.

\* \* \*

остановись, мгновенье, ты как рыба  
поглубже пальцы в жаберные щели  
держу держу, а вы вот так смогли бы  
об этом ли тогда сирены пели  
привязанному к корабельной мачте  
хрипел, как пес хрипел и рвал ошейник  
меня уносит в глубину, не плачьте  
нас всех когда-то этот мир поженит  
с мечтой поженит, разведет и снова  
я вынырну уже в другие волны  
я выдохну совсем другое слово  
ну вот, мгновенье, отпускаю. Вольно.

\* \* \*

Твоя тотальная толерантность.  
Моя мышинная мягкотелость.  
А так хотелось...

---

## Сусанна АРМЕНЯН



*Сусанна Арменян родилась в 1971 году. Окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета. Обладатель Гран-при конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011). Член редколлегии периодического издания «Лист О.К. АБГ» ассоциации литераторов «АБГ». Публиковалась в местных и зарубежных — «Вавилон», «Контрабанда», «Дети Ра» (переводы с грузинского) — литературных изданиях. Стихотворения переведены на грузинский и шведский языки. Автор поэтического сборника «у.е.динение» (2010).*

\* \* \*

С магнитной ленты льется тихий Сплин.  
Привычно выбиваю клином клин,  
Над домом ночь — она лежит на крыше,  
Пытаясь разглядеть в небесной нише  
И в звездной гуще чью-нибудь судьбу.  
Она луну таскала на горбу,  
Надкусывала край, роняла крошки,  
Прокладывала лунные дорожки.  
Устала. Черепица под лопаткой,  
Под локтем водосточный желоб шаткий.  
На шиферной подстилке голова.  
Уютно ей. И нам двоим не спится.  
И звездной пылью вниз летят слова,  
И музыка росой на них ложится.

\* \* \*

Не до стихов! Как только карандаш  
К бумаге подношу —  
Из белизны листа  
Твое лицо всплывает.  
И к нему  
Мне нечего добавить.



## Анна ЦИЛОСАНИ



*Анна Цилосани родилась в 1990 году. Студентка факультета психологии Университета им. Ильи Чавчавадзе. Публиковалась в местных и зарубежных (итоговый сборник фестиваля «Поэтех-2009») литературных изданиях. Стихи переведены на шведский язык.*

\* \* \*

Куда ты смотришь... Потерянность,  
толпа, одиночество.  
Мне хочется смотреть на небо.  
Уже не помню твое имя и отчество.  
Неужели все тропинки нужны лишь для снега?!  
Не видно звезд..  
Темно, как в засаде.  
Война заснула на диване, тише..  
Смотри, похоже, ты не враг.  
Время вздохнуло.  
Сердце пишет.

---

## Георгий АРУТЮНОВ



*Георгий Арутюнов родился в 1983 году. Окончил университет г. Лампетера, Уэльс. Публиковался в местных и зарубежных (итоговый сборник международного поэтического фестиваля «Поэтех-2009») литературных изданиях. Стихотворения переведены на шведский язык.*

\* \* \*

Когда от этих дней останутся лишь сумерки, а мы,  
Озираясь друг на друга из тьмы неведомого завтра,  
Протянем друг другу руки в полусне  
И ночной ветер обовьет наши лица, направив их к седым кронам деревьев,  
Или когда ты, как прежде, куда-то мчась, вдруг остановишься,  
Задумавшись о цветах прошлого лета,  
Когда волны вновь накроют меня с головой, и я, мокрый,  
Упаду на каменистый берег,  
Когда ветер, твой ночной ветер возведет тебя на крышу дома,  
А ты будешь смеяться,  
Пусть тогда звезда из глубины небес расскажет нам обо всем,  
Чего мы не знали при жизни.



## Андрей АВАЛОВ



*Андрей Авалов родился в 1990 году.  
Публиковался в местных и зарубежных (журнал «Пролог», «Литерарус») литературных изданиях. Стихи переведены на грузинский, шведский и финский языки.*

\* \* \*

*Умереть легче, чем заснуть.*

Джоан Роулинг

Телевизор выключен, информация молчит,  
Осенний дождь за окном...  
Сложно сказать, есть ли печаль более сильная,  
Чем настоящая любовь.  
Кажется, я вновь увидел те дни,  
Когда дома, как птицы черные, смотрели...  
Последний мой взгляд из окна застрял  
в облаке, и пошел серый дождь.  
В пространстве много ненужных точек.  
Пусть в иллюзии жалкой работы ценят себя — их жизнь — без  
всяких прикрас — ужасна.  
И ледящий сердце крик издает каждый из них.  
Так почему так сложна участь того, кто уходит во тьму,  
Хотя преимущества явно существуют...  
Жизнь оправдана не во всех,  
Для них время тянется, как ребенок к игрушке,  
Но когда мы с другом шли под зелеными деревьями,  
Я верил в то, что каждая минута — не капля в пространстве —  
никто их не запомнит, те дни, которые не кончаются...  
Поэзия остается в тетради. В стихах не нужно знать, что все  
уже так — не нужно знать, что кончится работа.  
Нужно потерять определенность...  
В стихах можно открыть пространство  
более глубокое, чем дно аквариума —  
и только — ибо море непознаваемо.  
Жизнь — вопросы... Не больше.

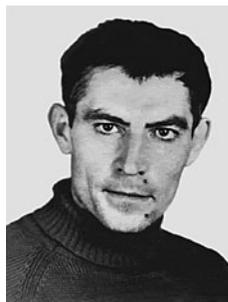
\* \* \*

Вчерашних дней обетованье  
Летит ко мне ворохом воспоминаний.  
Постой же, ложь.  
Я помню птиц без голосов,  
Но расцвели весной дома.  
Чрез запыленное окно старого дома  
Я видел тусклый луч фонаря.

Нависли холмы над Соллолаки.  
Солнце спряталось в тучи,  
Глухо стало и темно,  
Лишь одна луна пред ночью  
Розовела в облаках.

Там, в глуши подъезда, слышен  
Крысиный визг,  
Разноцветные стекла на этажах  
Преломляют медовый свет огней вечерних,  
Машины желтыми фарами  
Развеивают сумрак.

Василь СТУС

*От редакции*

*Когда заходит разговор о Василе Стусе, неизбежно вспоминается и судьба Анатолия Марченко. Для обоих любовь к своей земле была немислима без борьбы за свободу на этой земле. Оба родились в январе 38-го. Оба погибли в лагерях: Стус — в самом начале своей голодовки, Марченко — после окончания своей, стосемнадцатидневной.*

*Погибли они с разницей всего в один год. Очевидно, уровень самосознания Стуса и Марченко настолько же отличался от общего уровня самосознания в правозащитной среде, насколько сама эта среда отличалась от советской действительности в целом. Пожалуй, только эти двое ни разу в жизни не дали ни малейшей слабину и держать удар умели так, как будто не было у них семей, даже прошлого и будущего как будто не было. Держать именно сейчас, вот в эту самую минуту, что бы ни случилось, поскольку в следующую (они знали это) удар будет еще сильнее. Анатолий Марченко успел написать автобиографические «Мои показания», Василь Стус — создать пронзительные стихи, определяющие его летописную судьбу.*

*Стус не был правозащитником, пишущим стихи. Он был поэтом, отстаивающим права человека, хотя и затаскано выражение «права человека» нынешними продажными «либералами».*

*В данной публикации мы умышленно уходим от лагерных мотивов в поэтическом наследии Василя Стуса. Любовь и Свет в этих стихах сильнее боли, заполнившей жизнь поэта.*

*В январе 2013 года Василю Стусу исполнилось бы 75 лет.*

## И ДО ЖНИВ НЕ ДОЖИЛ

*Редкостная, трагическая нераздельность поэзии и судьбы.*

Иван Дзюба о Стусе

**В** 1985 году в последнем концлагере ГУЛАГа погиб Василь Стус, выдающийся украинский поэт. Он прожил на земле 47 лет, столько же, сколько и его великий предшественник Тарас Шевченко. Погиб во время горбачевской как бы перестройки («У нас нет политзаключенных!»), совсем немного не дожив до краха тоталитарной системы, до амнистии, ставшей для него — посмертной. Была ли у него возможность уцелеть? Конечно, была. Цена ей — бумажка, просто подпись на отречении.

Но вот вопрос. Остался бы он самим собой, остался бы Стусом, если бы прекратил борьбу, не пошел до конца, если бы выжил? Проклятый вопрос. Наверное, в той системе, в той жизни такой человек, который так думал, веровал, так писал, не мог не погибнуть...

Василь Стус родился на Рождество 1938 года в селе Рахnivка Винницкой области Украины. В 1941-м семья Стусов, спасаясь от «раскулачивания», перебирается в Сталино (Донецк). С 1944 по 1954 год — учеба в средней школе, потом педагогический институт по специальности «украинский язык и литература». Затем учительствовал, два года — в армии. Снова — учитель в Горловке Донецкой области. В 1963 году несколько месяцев работал литературным редактором «Социалистического Донбасса» в Донецке. С ноября 1963 года — аспирант Института литературы АН УССР в Киеве.

Вот что он писал о себе в 1970 году. «Первые уроки поэзии — мамыны. Знала много песен и умела очень интимно их петь. Наибольший след на душе —



от маминой колыбельной “Ой, люли, люли, мое дятко”. Шевченко над колыбелью — это не забывается...

Еще были — впечатления от детства. Хорошего детства...

Институтские годы — трудные. Первая публикация в стихах. Увлечение Рыльским и Верхарном...

Армия... Почувствовал себя мужчиной. Стихи, конечно, не писались, поскольку на плечах — погоны. Но там пришел ко мне Бажан. Тогда же — первые напечатанные стихи — 1959 год.

После армии — было уже временем поэзии. Это была эпоха Пастернака и — безрассудно большая к нему любовь. Освободился только где-то в 1965-1966 годах. Сейчас больше всего люблю Гете, Свидзинского, Рильке. Славные итальянцы (те, что знаю). Особенно Унгаретти, Квазимодо.

Еще люблю «плотную» прозу Толстого, Хемингуэя, Стефаника, Пруста, Камю.

Увлекает — и очень — Фолкнер.

Поэтом себя не считаю. Держу себя за человека, который пишет стихи. И мысль такая: поэт должен быть человеком. Тем, что полон любви, преодолевает природное чувство ненависти, освобождается от нее, как от скверны. Поэт — это человек. Прежде всего. А человек — это прежде всего творец добра. Если бы жить было лучше, я б стихов не писал, а — работал бы на земле.

Еще — презираю политиков. Еще — ценю умение честно умереть».

«Презираю политиков...» Кто застал те времена — с начала второй половины шестидесятых, тот, наверное, помнит, какая «политика» велась тогда в отношении литературы, и может представить, насколько душно было Стусу в той общественной атмосфере, насколько не соответствовало его творчество тем литературным нормам, которые были установлены государством. Но была и другая причина, по которой ему было почти невозможно публиковать свои произведения.

В августе 1965 года снова начались аресты интеллигенции по политическим мотивам в Киеве, Львове, Ивано-Франковске, Луцке и других городах.

Четвертого сентября 1965 года в Киеве в кинотеатре «Украина» перед началом общественного просмотра фильма «Тени забытых предков» состоялась акция протеста против политических преследований. После короткого выступления режиссера фильма Сергея Параджанова на сцене неожиданно появился человек, который от слов о значении фильма для самосознания украинцев незаметно и неожиданно перешел на опасную тему — репрессий против инакомыслящих. И это в зале, где было полным-полно сотрудников КГБ! Выступавший был — Иван Дзюба.

Раздались выкрики: «Националист! Столкните его со сцены! Бей националистов!» Дзюбе не дали договорить и вытеснили со сцены. И тогда в зале со своих мест поднялись его товарищи — Вячеслав Черновол и Василь Стус, который быстро, чтобы успеть до начала фильма, начал говорить о том, что КГБ были арестованы двадцать восемь представителей украинской интеллигенции. И начал читать список с фамилиями арестованных. Все-таки всех назвать не успел — его слова заглушили воем сирены. Затем выключили свет. Так начался фильм «Тени забытых предков»...

Реакция воспоследовала быстро. Уже 20 сентября Стус был исключен из аспирантуры, а потом уволен из Государственного исторического архива. Работал на строительстве, кочегаром, инженером технической информации в проектно-конструкторском бюро. Это было время интенсивной творческой работы: поэзия, переводы, критика, опыты в прозе. И одновременно — открытые письма в Президиум Союза писателей в защиту В. Черновола, редактору журнала «Отчизна» в защиту И. Дзюбы, в ЦК КПУ и КГБ, в Верховный Совет УССР, где он горячо доказывает гибельность политики ограничения свободы слова, кричащих нарушений прав человека.

В 1965 году В. Стус женился на Валентине Попелюх — женщине, которая в его поэзии выступает в образе верной спутницы, хранительницы домашнего очага, убежденной в правоте каждого слова и поступка мужа.

Евген Сверстюк, поэт-шестидесятник, диссидент, политзаключенный: «Кажется, все творчество Василя Стуса дотюремного периода было еще вызреванием — в школе Гете, Рильке, Пастернака. Переводы элегий Рильке — это было его типовое занятие. Символика поэзии, мир поэзии, мир эстетики и философии — был его миром.

Разумеется, это был мир подозрительный, ибо спецслужбы воспринимали его как прикрытие: они не верили, что человек на самом деле может жить в сфере духа. Они тогда злобно следили, чтобы подозрительный поэт не напечатал свои стихи и не выступил перед аудиторией. Они обеспечивали вокруг личности культурный вакуум и узаконивали тривиальность и полуправду в условиях полусвободы.

В таком мире гром, война, арест — это надежда на изменения...

Арест — это всегда удар, но онемевшему телу удар не болен. В камере ощущаешь свободу от суеты половинчатого житья и становишься лицом к небу».

Двенадцатого января 1972 года Стус был арестован и обвинен в антисоветской агитации и пропаганде. Ему инкриминировали четырнадцать

стихотворений и десять правозащитных литературоведческих статей. Седьмого сентября 1972 года осужден Киевским областным судом на пять лет лагерей строгого режима и три года ссылки.

«Я боролся за демократизацию — но это оценили как попытку возвести поклеп на советский строй; мою любовь к родному народу, обеспокоенность кризисным состоянием украинской культуры заквалифицировали как национализм; мое непризнание практики, на грунте которой выросли сталинизм, бериевщина и другие подобные явления, признали особо злобным поклепом...»

Находясь в лагере в Мордовии, Стус, не прекращая своего поэтического творчества, продолжал писать заявления-протесты против преследований инакомыслящих в СССР. «Судебные процессы на Украине — это суды над человеческой мыслью, над самим процессом мышления, суды над гуманизмом, над проявлениями сыновней любви к своему народу», — писал Стус в своем публицистическом письме «Я обвиняю».

Его часто карали: карцером, различными запретами — за весь свой срок Стус имел только одно свидание. Время от времени во время шмонов отбирали стихи, нависала угроза их уничтожения, что было для Стуса самым страшным испытанием. Старался как можно больше стихов пересылать в своих письмах жене. В Мордовии это удавалось (позднее, во время второго срока, стало невозможным).

В. Овсиенко, товарищ Стуса по заключению, вспоминает: «Василю удавалось из Мордовии отсылать почти все стихи, записывая их сплошной строкой и заменяя отдельные слова подобными по звучанию: тюрьма — юрма, Україна — Батьківщина, колючий дрiт — болочий світ, щоб не мозолить глаза цензору “неблагозвучными” и нежелательными к употреблению в письмах словами. Так же и я переписал всю его белую тетрадь в клеточку, страниц на шестьдесят, сберег стихи до своего освобождения и счастливо привез их домой 5 марта 1977 года.

Когда он творил? Хоть [я] и жил некоторое время в одном со Стусом бараке и работал почти рядом, но видеть это доводилось редко. Ведь и писать в зоне — вещь не совсем безопасная: любой надзиратель может поинтересоваться, что ты пишешь, а то и заберет “на проверку”. Поэтому Стус только записывал стихи, а слагались они ему всегда и всюду. Это был человек, чей разум работал без отдыха. И труд его мозга становился заметным тогда, когда отдельные слова внутреннего голоса прорывались наружу. Особенно после карцеров, где человеку свойственно что-то бубнить самому себе, где самоконтроль слабнет. Напряженное, болезненное, сосредоточенное лицо редко прояснялось, разве что в компании хороших товарищей, да еще во сне — тогда можно было

увидеть совсем другого Василя, какого-то детского. Казалось мне, что этот человек всю жизнь держит себя в железной колее, заковывает свою утонченную душу поэта в латы воина».

Осенью 1975 года Стус едва не погиб в результате прободения язвы желудка. Перед госпитализацией его привозят в Киев, где тщетно пытаются заставить написать покаянное заявление (этого было достаточно для освобождения!). Десятого декабря в больнице для заключенных под Ленинградом его прооперировали.

Несмотря на тяжелую операцию (ему удалили три четверти желудка), в марте 1977 года его этапируют в Магаданскую область в ссылку — во исполнение приговора 1972 года — на каторжные, фактически, работы — под землей в руднике.

Известно письмо Стуса от 15 февраля 1978 года академику Сахарову, из которого хорошо видно, под каким давлением жил тогда поэт.

«10 февраля работал в штольне с утра. Около 11 часов меня срочно вызвали в отдел кадров. Оказалось, меня ждал наряд работников КГБ — из Усть-Омчуга, Магадана и, кажется, Киева. Магаданский следователь предъявил мне ордер на обыск в комнате общежития, где я проживаю. При обыске у меня были изъяты мои стихи, копия обвинительного заключения, выписки из следственного дела 1972 г., письма ко мне. Изъята и записная книжка с адресами лиц, с кем я обмениваюсь письмами...»

Кроме, так сказать, административных преследований, была инспирирована настоящая травля Стуса в местной прессе и на «собраниях трудящихся», где его называли злобным националистом, фашистом и т. п.

В августе 1979 года Стус, отбыв срок ссылки, вернулся в Киев.

Вот как вспоминает встречу с ним и его женой Валентиной жена Евгена Сверстюка в письме мужу, еще отбывающему срок в Бурятии: «Смотрели на красивое волевое лицо без каких-либо следов утомления или старости, слушали интересные, с юмором рассказы и делали выводы: “Все тот же, а может, еще и лучший”. Что пролетели годы — это видно только по Вале. Тон — совсем не такой, как в письмах. Увлечен твоим “Сервантесом” и даже продиктовал мне в тетрадь одну строфу, которая там не была вписана. Пролистал тетрадь с переводами, многое что оценил...»

Недолгий период до нового ареста Стус работал формовщиком в литейном цеху, на конвейере обьединения «Спорт».

Выступил в защиту репрессированных членов Украинской Хельсинкской группы и вскоре вошел в нее, ослабленную арестами.



Четырнадцатого мая 1980 года, всего через семь месяцев по возвращении с Колымы, — снова арест. Стараниями несправедливого суда, да и подставной «защиты» — десять лет лагерей особо строгого режима и пять лет ссылки. Объявлен особо опасным рецидивистом. Так страна готовилась к открытию XXII Олимпиады — города зачищали от «нежелательных» элементов.

Девятнадцатого октября 1980 года академик А. Д. Сахаров обращается с письмом в защиту Стуса в адрес Мадридского совещания по проверке выполнения Хельсинкского соглашения.

Срок Стус отбывал в лагере особого режима в Пермской области. Условия содержания тут были очень тяжелые: постоянные притеснения администрации, лишение свиданий, болезни. В начале 1983 года держал голодовку восемнадцать суток. Упрятан на год в одиночку. Но и в этих условиях много писал. Как ему это удавалось здесь?

«Нам же давали карандаш только заявление написать — и забирали! — вспоминает Евгений Сверстюк. — Стус голодовками завоевал себе эту привилегию. И чтобы жена передала два тома Гете. Это было необычайно тяжело. Он был человеком прямой позиции. Он требовал, чтобы с ним считались, пока он живой. В каждой строчке он такой, как есть. Нигде не согнулся, не пошел легким путем. И это главный урок Василя Стуса для нас всех. Это шевченковский урок. Возьмите его подцензурную переписку. Она такая содержательная, будто того цензора не существовало! Или “Феномен доби” — он ссылается на запрещенных авторов! Это тогда, когда девяносто девять процентов пишущих прикидывались, что они и не слышали тех запрещенных авторов... Но за все это нужно было платить!»

Приблизительно двести пятьдесят стихотворений, написанных верлибром, и двести пятьдесят переводов должны были составить книгу, названную им «Птах душі». Но все написанное немедленно конфискуется. Судьба этих стихов (собранных в тетрадь, которую видел и держал в своих руках Василь Овсиенко) до сих пор неизвестна. В 1983 году Стусу удалось передать на волю текст с названием «Из лагерной тетради». После его опубликования на Западе давление на него усилилось. Выдающийся писатель Генрих Белль (1917–1985), нобелевский лауреат, неоднократно выступавший в защиту Стуса, в интервью немецкому радио 10 января 1985 года сказал: «Его (Стуса) так называемое преступление состоит в том, что он пишет свои поэзии по-украински, а это интерпретируют как антисоветскую деятельность... Стус пишет сознательно по-украински. Это единственный упрек, который мне известен. Даже не упрек в национализме, что также

легко применяют, а исключительно на основании украинского творчества, которое трактуют как антисоветскую деятельность».

Двадцать восьмого августа 1985 года Стус в очередной раз был брошен в карцер, где объявил голодовку «до конца»...

Литературные критики — на Украине и вне Украины — признают, что Стус был самой масштабной фигурой в украинской поэзии второй половины, а может, и всего XX столетия. При жизни об этом практически никто не говорил вслух. Во-первых, боялись. Даже те, кто знал настоящую цену слова Стуса — украинские советские писатели и литературоведы.

Во-вторых, современники практически не имели возможности читать его произведения — последняя (прижизненная) его публикация в Советском Союзе была в журнале «Донбасс» в начале 1966 года. А следующая — только в 1989 году — в газете «Молодежь Украины». Благодаря усилиям семьи поэта и творческого коллектива, возглавляемого Михайлиной Коцюбинской (1931–2011), во Львове было подготовлено и издано в 1999 году многотомное собрание сочинений поэта.

Но те люди, которых судьба связывала со Стусом, не могли не признавать величия этой фигуры. Михаил Хейфец, ленинградский писатель, товарищ Василя по мордовскому периоду заключения, как только вышел из лагеря и эмигрировал из Советского Союза, написал: «В украинской поэзии большего нет...»

В Киеве на старинном Байковом кладбище, в дальней верхней его части на участке № 33, есть три приметные могилы. Три стоящих рядом мощных каменных креста сразу привлекают внимание. Здесь в родной земле обрели покой три украинских патриота, три узника совести, три побратима по лагерной доле.

В 1989 году в Киев из далекой Перми самолетом были привезены и с почестью перезахоронены останки Юрия Литвина, Олексы Тихого, Василя Стуса.

«Около тридцати тысяч человек вышло на улицы Киева», — вспоминает Василь Овсиенко о похоронной процессии 19 ноября 1989 года.

На кресте, стоящем над могилой Стуса, в камень врезались рукописные строки:

Пылай, душа. Пылай, а не рыдай.  
В белесой стуже солнце Украины.  
А ты ищи червонный след калины,  
на черных водах тень ее узнай...

*Перевод А. Купрейченко*

Эти слова стихотворения, написанного поэтом на смерть талантливой художницы, диссидентки Аллы Горской, погибшей при загадочных обстоятельствах в 1970 году, теперь возносятся над его могилой. Над его второй могилой, потому что первая была в селе Борисово (вблизи поселка Кучино) Чусовского района Пермской области. Рядом с могилами других заключенных. Деревянный столбик с жестяной табличкой «№ 9» — такой чести удостоила держава великого украинского поэта, замученного морально и физически по тюрьмам, зонам и ссылкам и погибшего в ночь с 3 на 4 сентября 1985 года в колонии ВС-389/36-1.

Система подло и мелко мстила поэту даже после его смерти. Не успели увянуть цветы, еще не высохла земля, принявшая перезахороненные останки узника ГУЛАГа, как были сожжены венки и ленты на них, сломан деревянный крест. Та же участь постигла и могилы лагерных побратимов Стуса — Литвина и Тихого. Виновных, конечно, не нашли. (В 1993 году на могилах вместо прежних дубовых были установлены резные казацкие кресты из серого песчаника.)

В 1990 году Стус был реабилитирован. По-смертно...

Наверное, никто из живших тогда теперь уж и не вспомнит о себе: что он делал, что думал в начале сентября 1985 года... Да, была уже перестройка, Горбачев, в общем — демократия. А в это время — в холодном тюремном карцере держал свою последнюю голодовку протеста талантливейший поэт и нестигаемый человек, вся вина которого была в том, что он любил свою родину. Не вообще одну шестую часть земли — СССР, а свою далекую Украину, где родился и вырос, где его корни, его народ, его язык. И жить ему оставалось несколько дней...

В 1975 году, за десять лет до смерти, поэт писал: «Изо всех возможных героизмов при наших условиях существует только один героизм мученичества, принудительный героизм жертвы. Пожизненным позором этой страны будет то, что нас распинали на кресте не за какую-то радикальную общественную позицию, а за сами наши желания иметь чувства самоуважения, человеческого и национального достоинства».

*Александр Купрейченко*

\* \* \*

Ко мне, о память, возвратись моя!  
 Пускай на сердце ляжет сладкой болью  
 моя земля с печалью и любовью,  
 пусть дарит трели горло соловья  
 ночному лесу. Память, возвратись  
 из чабреца июльской жарою.  
 Пусть яблоки осеннего настоя  
 червонным сном окрашивают высь.  
 Пусть величая Днепра струя,  
 хоть и во сне, как в дни былые, дышит.  
 Я позову. И край меня услышит.  
 Вернись, о память светлая моя!

\* \* \*

Признавалась ты мне очами,  
 признавалась ты мне плечами,  
 признавалась ты мне устами  
 и молчала.  
 Ты молчала, как ночь завьюжена,  
 ты молчала, как печь, натужно,  
 ты молчала, как мяч, беспмятно,  
 ты кричала,



ты кричала — и сосны сохли,  
увлажненные горла грелись,  
ты кричала — миры звенели  
кучеряво-взволнованно.  
Кольхалось светило дневное,  
на земле деревья качались,  
ты бесстыдницей вслед за мною  
засмущалась.

\* \* \*

Где берег белый-белый от песков  
залив Днепра очерчивал в тумане,  
где лишь ивняк густой, и ночь, и ты,  
и — ни души, над удочкой застывши,  
сновал я думу долгую. Рассвет  
чуть трепетал над кручею. Кричала  
пичуга малая и слабая во тьме,  
и земснаряд внезапно заливался  
высоким криком двух своих сирен.  
Там я постиг себя и мир и время,  
и жутко стало. Встрепенувшись, разом  
представил я совсем другое вдруг:  
что это вот не я живу, а кто-то  
рожденный до меня, в меня вошел,  
сразил мой дух и душу спеленал,  
и что я сам, к нему привыкнув с детства,  
себя не знал, ведь никогда и не был  
самим собой. Как в близнецах сиамских,  
мы с ним соединились и живем.

\* \* \*

На Лысой горе остывает потухший костер,  
осенние листья на Лысой горе догорают.  
А я позабыл, где стоит та гора, и не знаю,  
забыла меня или помнит она до сих пор.  
О время вечерних твоих тонкогорлых разлук!  
Уже я не знаю, не знаю, не знаю, не знаю,  
я жив или умер, а может, живьем умираю,  
ведь все отгремело, поблекло, погасло вокруг.  
И над безысходностью ты — словно птица летишь —  
над нашей с тобой,  
над отчаянным света несчастьем.  
Прости. Я не буду. Прорвалось.  
Ну что за напасти...  
О, если б могла ты узнать, как во мне ты болишь...  
Еще они пахнут печалью — ладони твои,  
и горько-соленые губы — их запах мне снится,

и тень твоя, тень пролетает — испуганной птицей,  
и глухо, соленую кровью в аортах  
гремят соловьи.

\* \* \*

На этом поле, синем, словно лен,  
где только ты и ни души нет боле,  
застыл, увидев: колыхались в поле  
сто теней. В поле, синем, словно лен.  
А в этом поле, синем, словно лен,  
тебе с судьбою выпало свиданье,  
чтоб свой удел познать, как покаянье,  
на этом поле, синем, словно лен.  
Сто черных теней заслоняют путь,  
Растут, как лес, как молодняк сосновый,  
приблизилась, достать тебя готовы.  
Бежать? Путь собственный в клубок свернуть?  
Нет. Выстоять. И до конца стоять.  
Стоять вот тут, на этом синем поле,  
что словно лен. И боль своей неволи  
в родной чужбине до конца познать.  
На этом поле, синем, словно лен,  
противник твой — как сто *тебя* напротив,  
стал на пути в единственной заботе:  
не зная ни запретов, ни препон  
не ведая, лишь гневом опьянен,  
как камень в лоб, швырнет проклятье он,  
то, что в твоей прошедшей жизни тлело.  
Дух одичал и не узнает тела  
на этом поле, синем, словно лен.

\* \* \*

И до жнив не дожил,  
в поле жита не жал.  
Так и недолюбил,  
и не жил, и не жаль.  
Что ж, земная судьба  
человеку — межа?  
Смерть зарежет раба,  
и пускай — без ножа.  
Только жить — слишком мало.  
Бороться — умей,  
чтобы сын твой с младенчества  
не онемел.  
Не замкнул бы уста,  
не оглох бы от бед.  
Пусть умрешь!



Но за на-  
ми оста-  
нется след.  
Сгинем — пусть!  
Пусть — ославлены.  
Пусть — не беда,  
таратайка веков  
все же тащится вдаль.  
По годам, по останкам  
в обмерзших гробах  
наводнение руслу  
пробьет новый шлях.  
А до жнив не дожил,  
в поле жита не жал,  
слишком мало любил —  
так, ей-богу, не жаль.

\* \* \*

Все Киев тянется за мною в снах:  
цвет спелых, налитых черешен первых  
и зелень хвои. Выдержали б нервы:  
ведь впереди — твой крах, твой крах, твой крах.  
Лежит дорога — в вековых снегах,  
вдаль горбится отчаянно и горько.  
О, мой родимый край, остался только  
приданным ты для смерти — в головах.  
Седая мать мой навевает страх.  
Рука ее костлявая, как ветка  
вся в намерзи. Звучит веснянка где-то,  
светлеет путь. И гул стоит в степях.

*Перевод Александра Купрейченко*



*Александр Купрейченко родился в 1949 году в городе Стародубе Брянской области. По образованию инженер-механик. Окончил Брянский институт транспортного машиностроения. С 1971 года живет в Киеве. Переводами с украинского, в основном произведений В. Стуса, занимается с 2006 года. Собственных стихов никогда не писал, за исключением японских — хайку, танка. Является также автором коротких рассказов в японском стиле хайбун. Печатался в журналах «Дружба народов» (Москва), «Добродетель» (Белгород). В 2009 году в издательстве «Права человека» (Харьков) вышла двуязычная книжка переводов А. Купрейченко из В. Стуса «Поезії — Стихи».*



Татьяна ГОГОЛЕВИЧ



*Татьяна Гоголевич родилась в 1962 году в Ставрополе-на-Волге Куйбышевской области (теперь Тольятти Самарской области) в семье преподавателя химии и горного инженера. Жилось в нем, особенно в 60–70-е годы, довольно весело. ВАЗ строили итальянцы, а кроме того, в городе жили французы, англичане, немцы — целыми домами, так как приезжали на несколько лет, с семьями. Всем ровесникам запомнились «итальянские» классы в школах, «итальянские отряды» в пионерлагерях.*

*В 1988 году окончила дневное отделение лечебного факультета Куйбышевского медицинского института, в 1989-м — интернатуру по психиатрии, в 1999-м — аспирантуру на кафедре психотерапии Российской медицинской академии последипломного образования (Москва). Кандидат медицинских наук.*

*Писать начала с пяти лет. Печатается с 1979 года — стихи и проза в периодических изданиях Тольятти, Самары, Москвы, Екатеринбурга, книга стихов «Алые яблони» (2004), книга прозы «Мой остров» (2009).*

## РАССКАЗЫ

*Рисунки Елизаветы Горяченковой*

## ФЕВРАЛЬ

*Алисе*

**В**се произошло довольно быстро. Я болталась по студенческому общежитию, прикидывая, чем занять себя в десятом часу февральского вечера, когда он появился из холодной темноты между этажами и спросил, не пойду ли я с ним с ночевкой на Волгу. Мы шли по разным прямым трехмерного пространства, внезапно пересекшимся в одной точке, как бывает, когда лестница, холл, коридор смешиваются в кучу, и когда он заговорил со мной, мы оба еще продолжали движение. У него был немного странный голос, его лицо оставалось в тени.

Возможно, именно от неожиданности я спросила, когда и куда он собирается со мной. Прямо сейчас, ответил он, теперь. Автобус уходит около одиннадцати, мы успеваем. Это важно? Да, сказал он. У тебя есть спальник, свитер? Наверное, минуту назад я начинала думать, что имеет смысл согреться в душе и

забраться в постель, но тут вдруг ощутила знакомый подъем — словно в открывшееся окно подул теплым ветром. Хотя в реальности за окнами при минус двадцати ветер был промозглым. Я сказала, что, должно быть, смогу найти что-нибудь из вещей. Он на мгновение вышел из тени, приблизился, посмотрел на меня бешеными глазами. Не исключаю, он ожидал, что я откажусь.

Мы учились на разных курсах одного института, жили в одном общежитии и познакомились пару месяцев назад в кружке по научному атеизму, куда я попала довольно случайно, а он — по сложным идейным причинам. Вернее, он подошел ко мне после кружка и что-то спросил, и я увидела его и увидилась, что не увидела раньше.

Вскоре я узнавала его шаги среди других, входящих к нашей комнате. Он прибежал с книгами,



философскими и художественными, реже с поэзией, раскрывая книгу ради нескольких строк прямо на пороге. Запомнился Паустовский: «Нищета, чашка жидкого кофе, радость величайших достижений и неутолимая тоска, от которой у менее сильных ржавет сердце».

Потом я лежала с бронхитом в больнице, а у них там шла практика, и он заходил ко мне каждый день, но я не придавала этому особого значения, скорее, было бы странно, если бы медик не зашел к знакомому медику. На зимних каникулах он уезжал с альпинистами в Крым, на скалы. Вернувшись, показывал слайды, сделанные почти профессионально: горы, Генуэзская крепость в Судаке, скользящие в изломах камня скалы и крепости облака, немного моря. И еще — снимки Кавказа, где он лазил по скалам годом раньше.

Горы и небо у него были основными действующими лицами (гор всегда немного больше, чем неба), слайды походили на смягченные картины Рериха, что-то среднее между Рерихом и Рокуэллом Кентом. Пожалуй, для меня слишком много камня. Мне больше нравилось, что небо как прозрачная вода, а море походило на небо, оно лежало внизу синим туманным облаком, словно он поставил слайд наоборот, и хотелось смотреть на тропинку между камнями, походившими на разбитые черепки. Что-то еще сквозило в его снимках, общая смазанность стандарта, особые оттенки, неуловимо позволяющие воображению идти дальше. На его кавказских скалах легко представлялись козы, пастухи, какие-нибудь грязные овцы с колокольчиками, четко и тонко звучащими в ясном воздухе.

На гитаре он тоже играл почти профессионально. Как-то метельной январской ночью я сидела у него в комнате часов до четырех утра, и он поил меня чаем, играл и негромко пел. Он и потом пел для меня — на лестнице под чердаком или в холле, то есть в тех местах, где мы могли встретиться.

Но все это обычные вещи для общежития, где вообще можно, поссорившись глубоким вечером с соседкой по комнате, уйти и случайно попасть в незнакомую компанию, где тоже будут и чай, и гитара, и кто-нибудь оставит тебе ключ от комнаты, который, уходя, нужно засунуть под раковину. Ты проснешься среди ночи в пустой комнате, засунешь ключ под раковину и пойдешь к себе, а потом не найдешь ни эту комнату, ни этих людей — не вспомнишь, на каком этаже все было, не узнаешь вечерние теплые обrazy в общем потоке лиц.

У него был притягивающий образ модного в те годы бродяги-интеллигента: очки, борода. В начале той зимы он ходил по общежитию, где форма одежды была более чем вольной, в строгом костюме. При

этом он мог оставаться незаметным, время от времени будто бы растворяясь в пространстве, а потом внезапно появляясь из него.

Думаю, меня лично привлекали в нем замкнутость и недоступность в сочетании с ощутимой внутренней теплотой. Он относился к вещам в себе, которые открывались, только когда им самим нравилось происходящее вокруг них. У меня вызывали симпатию такие люди. В любом случае в нем была определенная противоположность назойливости, одно это было хорошо. Я не умела ценить, когда слишком многое открывалось сразу.

Словом, неожиданно, с некоторым ощущением нереальности происходящего, я отправилась искать теплые вещи. Бывший товарищ, ночной комендант общежития, к которому я зашла за спальником, вдруг разозлился и вместо спальника выдал лекцию о том, что у меня лежит заявление в загсе, а я собираюсь на ночь глядя неизвестно с кем. Со странным чувством подумала, что вместо угрызений совести меня занимает одно — откуда стало известно про заявление, мне казалось, что я никому не говорила об этом.

И вот мы шли по промерзшей дороге далеко за городом. Наступила полночь. Холод пробирал нас сквозь — через толстый овечий свитер, его кавказский свитер, и то, что нашлось у него же: теплые альпинистские штаны, ветровку. Как выяснилось, он все приготовил заранее, даже сшил вместе два спальника, вопрос о теплых вещах прозвучал формально.

Вообще говоря, было так холодно, будто скованное морозом небо лопнуло и космос спустился до самой дороги, по которой мы шли. Меня не оставляло чувство легкой нереальности, знакомое чувство — одна реальность кончилась, другая еще не началась, и пространство переливалось, готовое в любой момент изменить свою сущность.

— Хочешь, почитаю английские стихи? — спросил он. До того мы молчали — с тех пор, как вышли из общежития. Даже на остановке, где ждали пригородный автобус, когда он сзади притянул меня к себе, чтобы согреть.

Я повернула к нему лицо, он ответил спокойным взглядом. Не дожидаясь ответа, он стал читать английские стихи — тексты народных английских песенок, сначала на английском языке, потом на русском, кажется, в переводе Маршака. Он окончил английскую школу, у него был хороший английский. Голос его, контрастируя с выражением лица, звучал в ломкой тишине взволнованно и незнакомо.

Мимо проехал автомобиль, и снова повисла такая тишина, как если бы остального человечества не существовало. Облачко выхлопных газов, отделившись от машины, двигалось по дороге и не

распадалось, только немного изменяло форму. Оно походило на космическую туманность, оболочку светящегося газа вокруг какой-нибудь умирающей звезды. Мы догнали и обошли его.

У него был чудесный негромкий голос, мягкий и нежный, но с сильным и даже жестким внутренним ритмом. Мы тогда уже оба планировали работу в психиатрии, и было совершенно ясно, что из него выйдет врач этой специальности. Он умел формулировать свои и чужие мысли и умно, и художественно. Все-таки скорее первое, чем второе, но в его случае это было не очень важно: он мог завораживающе произнести любую чепуху, наполненную для него хотя бы каким-то минимальным смыслом.

Я не очень хорошо представляла себе, куда мы идем. Еще в общезитии, неотчетливо спросив, в чем смысл всего этого, услышала неотчетливый же ответ про палатку на середине Волги. Позднее выяснилось, что он планировал наш поход чуть ли не с ноября. Но почему именно середина Волги — загадка до сих пор.

Дорога шла мимо большой горы, где в адекватное время года и суток тренировались альпинисты — они называли ее Слоенкой. Древняя, ветхая, гора выступала из череды других гор крутым лысым уступом, напоминающим слоеный пирог или торт. Туда мы повернули сначала. Скорее всего, чтобы, изменив идею, поставить палатку в снегу под каменной стеной — спастись от ночного февральского холода. Но в ту зиму падало много снега. Под скалой намело целые снежные стога, в которые мы провалились по горло. Поставить палатку там не получалось.

Однако я не очень хорошо запомнила гору, словно она была не из той ночи. Она стала не более чем внезапно проступившей горстью подробностей: скала уходила ввысь лестницей, снег вокруг белел, отражая непонятный свет (не было ни луны, ни звезд), трескались в умерших до весны лесах кустарники и деревья. Представилось, как заточенный морозом звук, рассеиваясь в холодном воздухе, летит над крышами спящего с другой стороны горы городка.

Я подумала, не в первый раз той ночью, что происходящее — чистое сумасшествие. Но при этом было легко. Ночь углублялась, казалось, что весь мир спит, будет спать еще вечность, и в то же время чувствовалось, как в ночной глубине зарождается не имеющая границы легкость. Как во сне, когда может присниться все что угодно, или когда позволяешь мысли течь, как ей захочется, разрешая любые свободные ассоциации.

Все действительно было странно и случайно — случайностью рифмы.

Возможно, я сама немного начинала спать на ходу: только что у подножья росли какие-то дерев-

ца, их корни веером прошивали глыбы камней и слежавшегося снега, и вот мы уже за дорогой, шли к Волге. Собственно, это был берег.

Если, конечно, это называлось берегом. Там долго тянулись брошенные дачи или лодочные станции — странные участки, как соты, заполненные вязким снегом, в котором то выступали повернутые на бок дырявые лодки, то угадывался огород с ветхим штaketником и рассыпавшимся чучелом. Жалкие кусты, обросшие застарелым инеем, лоскуты железа, доски, еще какой-то мусор.

Наверное, строго говоря, оно не было ни дачами, ни лодочными станциями — все вещи там имели слишком разнокалиберный смысл. Все это, одновременно воровское и бездомное, разошедшееся, вспучившееся, сгнившее, бил озноб, и оно издавало ржавое дребезжанье и скрип. И все это походило на останки древней чужой цивилизации или даже на бродячий театр, в котором действие остановилось на полуслове, и с тех пор прошла добрая тысяча лет. Особенно уныло выглядело мерзлое железо, возможно, потому что сам воздух был как мерзлое железо. Казалось, оно примерзает к тебе, пока идешь мимо.

Зато Волгу видно не было. Под снегом она выглядела невзрачным бледным полем, выпадением пространства между очерком лодок, железок и заборчиков с этой стороны и пригоршней неровных и мелких, как звездная пыль, огней вдаль. Трудно было представить, что по этому пространству летом ходили корабли.

Я думаю, что мы все-таки дошли до края берега, когда начался буран. Он опустился на землю внезапно, сверху. Небо открылось, как окно, и с ревом посыпалось, полетело, понеслось, вычеркивая белым черное, ослепляя и бодря. Мы не могли идти дальше. Все пропало: не стало огней ни на другом берегу, ни на том, где мы находились. Сами берега исчезли. Да и весь мир дальше полутора метров исчез.

Что интересно, за несколько минут (или даже секунд) до пурги ее ничто не предвещало. Разве что небо из томительно мертвенно-черного приобрело другой оттенок, немного фиалковый, и горы на обоих берегах подошли ближе, засветились, как светится в темноте хорошо промытый фарфор, — на мгновение, не больше.

А снежные волны неслись уже не сверху вниз, а параллельно земле. Как змеи или как щупальца огромного морского зверя, они извивались, гнулись, пригибались к земле, подбрасывая вверх клочья снега. Во все стороны завертело снежную пену. В этой белой каше он взял меня за руку, приблизил лицо с очками, залепленными снегом, — на расстоянии двух вытянутых друг к другу рук уже ничего не было вид-



но. «Буйный сумасшедший», — сказал он про буран. Мне стало весело. Нет, мне уже было весело от этого великолепного хаоса. Спать больше не хотелось.

На берегу недалеко от места, где нас застигла метель, стоял — мы его прошли — небольшой, немного больше палатки, металлический ангарчик непонятного предназначения — две боковые стены и крыша. Он каким-то образом нашел его в этом снежном фейерверке, отвел меня к нему и что-то пытался прокричать — вероятно, просил не уходить. Сам же ушел, чтобы принести откуда-то кусок не то жести, не то фанеры. Поставить палатку было невозможно — ее бы тут же унесло.

Вначале, когда снег только пошел, стало еще холодней. Его потоки, как проволока, царапали лицо. Я стояла, держась рукою за угол ангара, ощущая тяжесть и биение растущей белой мглы, дыша ею, и мне казалось, что сама земля накренилась и летит сквозь поток, медленно набирая скорость.

Вообще же вся эта колкая громада мчалась с юга. В ней была такая бурлящая и дикая жизненная сила, обширная, радостная, грозная и могучая, что я каким-то древним инстинктом почувствовала к ней почтение. В одно мгновение ураган содрал с пустыни, по которой мы шли сюда, ее уродство и тление, лишил лишнего смысла. Размазывая берега в кашу и брызги, прошивая насквозь взлетающую землю, обескураживая скоростью, он рождал чувство одновременно кончившихся пространства и времени.

Потом или я немного привыкла, или стало чуть теплее. Я так и стояла, не раскрывая глаз, в сердцеvine смерча, но даже при зажмуренных глазах в них мельтешили точки и тире снега.

Появился мой спутник и стал сооружать дополнительную стену там, где пока была пустота. То, чем он закрыл проем, сорвало. Тогда он притащил, также непонятно откуда, какие-то камни, что-то более тяжелое, словом. Сосредоточенно укладывая все это, он вдруг обернулся ко мне и хорошо, по-умному, засмеялся, смягчая неловкую странность ситуации.

Потом мы уже были в железном сарайчике, где он все-таки смастерил третью стену, причем довольно надежно, — она получилась глухой и не продуваемой, хотя была с той стороны, откуда летели снежные волны. Четвертую, входную, он сочинил из палатки и камней, придавливающих полотно снизу. Как ему это удавалось — не вникала. Я сидела, обхватив колени руками, на полу, а вернее — на снегу, поверх которого он бросил спальник, и с удовольствием наблюдала за ним.

Его крепкие руки и ноги очерчивались сквозь джинсы и свитер — штормовку он снял. Не напрягаясь, он казался хрупким, но в движении проступа-

ла сила. И у него была манера чуть резко улыбаться — не проявленная, смягченная резкость, как если бы ножик сфотографировали мягкой оптикой. Это шло к общему выражению лица — сосредоточенно-живому, всегда немного слишком нервному или, напротив, немного слишком отрешенному. Кроме того, у него имелась просто хорошая улыбка.

Она делала его глаза и губы почти детскими. Уже видела, как его глаза из таких, почти детских и ласковых, мгновенно становились холодными и энергичными.

И уже знала, что, когда он нервничал или сердился, его голос начинал звенеть. Но это не отталкивало. Еще у него были подвижные руки. Мне нравится, когда у человека живые руки.

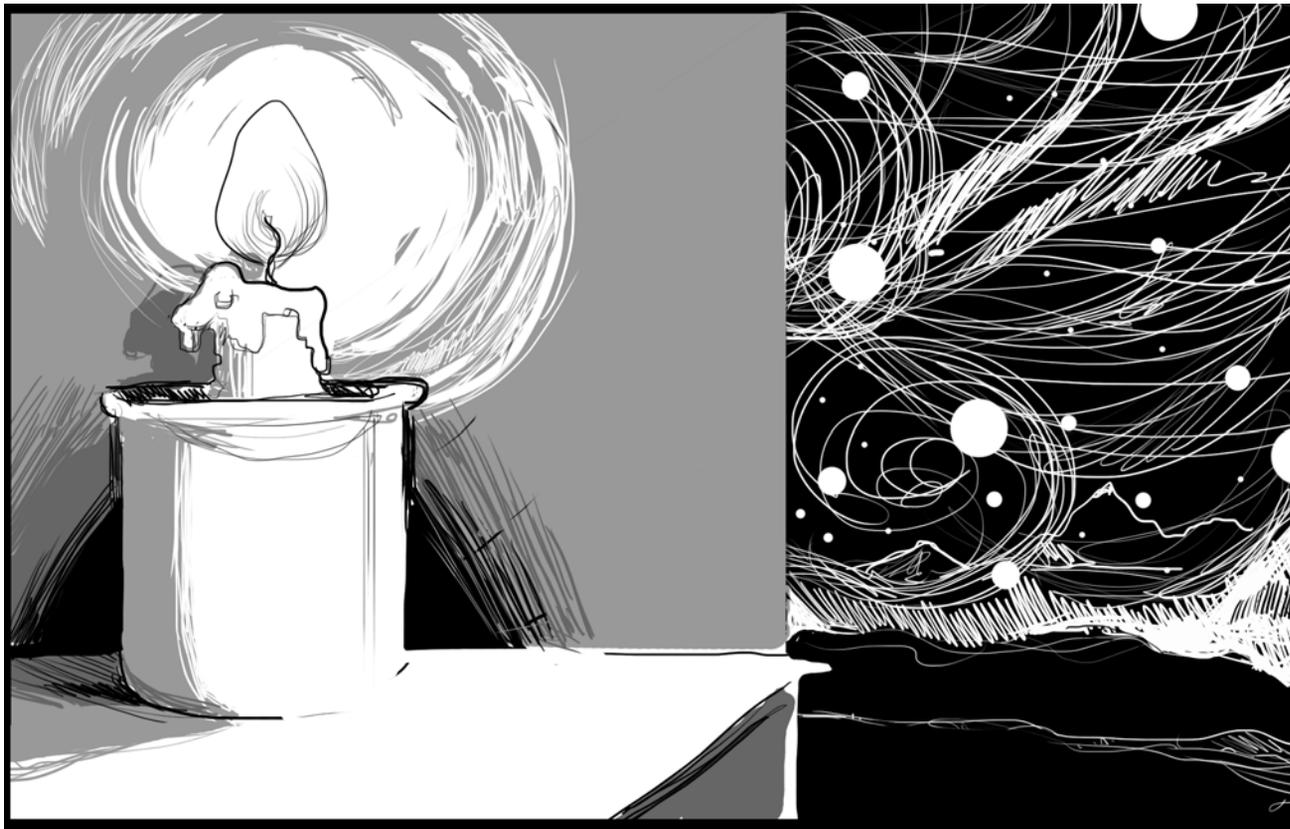
Дрожа, горела свеча: он зажег ее, устроив в алюминиевой кружке, когда появилась стена, защищающая от ветра. Ее огонь то стройно вытягивался вверх и заливал нежно-желтым светом небольшое пространство, то метался, становясь синим до черноты, рябь шла по стенам. Изнутри железная коробка была мелко исписана инеем. В колеблющемся свете грубое железо казалось тонкой дорогой тканью, расшитой строгим и редким узором.

Сдуло импровизированную дверь, буквально вырвало у него из рук — он все это время что-то делал с входом. Метель опрокинула свечу и скомкала спальник, фонтаны снега брызнули в пробоину, потом целая снежная волна тяжело вползла в железный сарайчик, расплющилась. Это изменился ветер: стало крутить. Белое теперь задувало со всех сторон. Он снова закрепил вход, мы отыскивали в снегу свечу, и он принялся делать чай на примусе.

Снеговой узор на потолке собрался в небольшие поблескивающие капли. Вновь плеснуло скрипучей белизной в какую-то прорезь. Снежинки светились над пламенем, окружая свечу и примус живыми, колышущимися ореолами, неправдоподобно нежные на фоне того, что скрежетало и бушевало за тонкими железными стенами. Они казались летящими на свет мотыльками.

Наше похожее на цыганскую кибитку убежище ходило ходуном. Глухой рокот вытягивался в выть и хохот — ссылая, стучая, размешивая, шлепаясь, валясь, — словно то ли снежные столбы бродили там, то ли стая хищных птиц неслась, то ли мчалось стадо тяжелых зверей. Иногда что-то так закручивалось вокруг нас, что я сама себе казалась не более чем летящей пеной или искрящейся пылью.

Он положил сухую заварку прямо в снег, нагрел эту смесь в котелке, утрамбовывая и докладывая снежную массу — благо ее вокруг было не занимать. Пока он возился, я несколько раз думала, что, наверное, надо бы помочь ему, во всяком случае, хо-



тела это сделать, но будто бы спала и не могла проснуться. Снег по-прежнему кружился внутри, шипя и потрескивая на огне, вращался вокруг свечи, дымя легким паром.

Это круженье, шипенье, поблескивание, потрескивание действовали гипнотически. Огонь отделился от примуса и висел над ним сам по себе. По розовеюще-оранжевому, будто бы загорелому лицу плыли тени. Он кончиками пальцев схватился за пламя и встряхнул обожженной рукой. Он налил чаю в кружку, задул примус и, осторожно протягивая чай одной рукой, другой вытер влагу на щеках. Это осталось, как если бы отпечталось на фотоснимке: окрашенные алым золотом лицо, ладони и алюминиевая кружка с чаем, остальное — монохромное, черно-серо-белое.

Чай заварился крепко. Мы пили его по очереди — кружка была одна, другую залило свечой, — почти кипятком, с большими чайнками, налившимися на горячие металлические края. Он получился замечательно вкусным. Кажется, у нас больше ничего не было — только этот чай и плитка шоколада на утро. Сахар нечаянно высыпался в снег, мы подкладывали в чай снег пополам с сахаром.

Когда потом я вылезала в бормочущий воздух, снег еще валил, мерцая, размашисто и свободно. Ночь теперь была светла, а не темна, и, уже теплая,

сладко пахла снегом. Ядро пурги покатило дальше, хотя снегопад стал казаться гуще.

Но, скорее, он просто потяжелел. В нем появились просветы. Пространство то проявлялось сквозь толкотню снежинок, расширяясь до дальних берегов, то снова потухало. И горы то проявлялись сиянием, то снова уходили в снегопад. Проступали кусты, неясные от снега, и фигуры странных строений, выступавшие из белизны, выглядели фантастически, но уже не грубо и не пошло. Метель сгладила острые углы. И пустые оцепеневшие леса, похожие на голые руки, застывшие в поиске или зове чего-то, больше не вызывали тоскливого чувства — все изменилось, заполнилось снегом. Все словно повисло в воздухе.

Изменилась энергия снега: теперь он не бурлил, а успокаивал. Так плавно спускался он из нависшей над Волгой белой чащи, что хотелось улечься в него и заснуть. Вдруг стала ощутимой близость реки, спавшей подо льдом. Возможно, оттого, что другая река, снежная, текла мимо. И небо, много неба было во всем этом! Оно шелестело и расплывалось снежными звездами, текло и шевелилось, оно ощущалось мягкими крыльями, живой душой, летящей, дышащей и вздрагивающей. Казалось, что живое, тончайшее дотрагивается до тебя, гладит по лицу и трогает за плечи.



Снег имел неожиданный запах речных цветов. Цветов вообще, сон-травы, фиалок, ландышей, но особенно — речных. Трудно объяснить, откуда брался влажный запах будущих цветов, осторожный, но отчетливый. Возможно, это был запах неба. У него был желанный и почему-то жестокий оттенок.

Было легко, и светло, и сладко. Кто-то потом спросил, не страшно ли шататься по ночам неизвестно где. Нет, в этом смысле не было страшно, я боялась только одного — что странная ночь пройдет. Совсем пройдет.

Подошел мой спутник. Не услышала шагов в шорохе снега, не сразу ощутила его. Обернулась, захотелось сказать что-нибудь про эту ночь. Но поняла, что ничего не нужно говорить. Он видел это.

Какое-то время мы просто стояли рядом. Снова усилился снег. Он сомкнулся вокруг нас, обволок наполовину уже замеченное пристанище — теперь оно выглядело как нора или дупло.

Все-таки пора было спать. Говоря вообще, шла рабочая неделя. В половине девятого утра у меня начинались лекции, а у него, что серьезнее, практика в стационаре.

Укрытие на одну ночь, маленькая железная хижина, кокон, обвитый белизной, касание сгустившегося снега. Нескончаемый, он висел, он стоял вокруг нашей пристани, как лес. Легко дыша, вполголоса, спокойно и протяжно, он убаюкивал и завораживал своею тихой бесконечностью. Сквозь монотонные поглаживания иногда докатывался глубокий и низкий шум, в котором что-то скрипело, и прокашливалось, и позвякивало погремушкой. Иногда слышалось, что кто-то мурлычет, ныряет и зарывается в снег рядом, за тоненькой стеной.

Он уложил меня в глубину спальника и погасил свечу. Пока он застегивал спальник со своей стороны, я пыталась понять, на что похожа железная капсула, белая раковина в огромном, бессонном, мирно колыхающемся, вобравшем нас в себя. Но не находила верных ассоциаций. Это немного походило на плот. По Волге тогда ходили плоты, на них ставили шалаши, оставалось детское желание проплыть на таком плоту, спрятавшись в шалашике. Только теперь плот плыл в небе незнакомой галактики.

На ощупь — контуры формы, раньше определявшейся на глаз: толстый свитер, обледенело-влажный у ворота, кончики пальцев. Пахнущие снегом волосы, теплое дыхание.

Я не чувствовала себя, или чувствовала обще, примешивая к окружающему, — пока его руки не сомкнулись вокруг. Он мягко стиснул меня стремительным движением человека, наконец поймавшего ускользающее. Голосом, который я больше не слышала, медленно и глухо он произнес: «Моя».

Я не успела прокомментировать это внутри себя, потому что уснула.

Позднее дошло, второстепенным открытием: той ночью он ни разу не назвал меня по имени. Личное местоимение было единственным словом, которое нашлось у него для меня.

Впрочем, мне самой потом казалось, что в том полете у меня не существовало имени. Вообще не было имен. Прежнее стало как скомканная обертка, новое было слишком текучим, чтобы принять форму. Ничто еще никак не называлось.

Так вот, наверное, я не хотела быть чьей-то. Но не успела подумать об этом.

Последнее, что я слышала, засыпая, — как спальник заносит снегом. Метель, фыркающая, вбрасывала в найденную щель клубки снега, они раскручивались и скользили по спальнику.

К утру нас замело. Мне кажется, мы уснули одновременно, примерно через секунду после того, как он сказал то небольшое, что сказал. Ничего не снилось. Сразу наступило раннее, предрассветное утро. Снег уже не вползал в наш домик, его навалило столько, что он залепил все щели. Дыры, заткнутые снегом, чуть-чуть светились бледным, зеленоватым контуром. Снег лежал толщей и все шел, расслабленно опускаясь на поскрипывающую крышу. Звуки говорили, какой он безмятежный. И как его много...

Потом опять все исчезло. Совсем я проснулась ясным, совершенно белым утром.

Рядом никого не было. Синие стены вагончика (их цвет проявился теперь) изнутри обрызгало белым цветом. Наше ночное обиталище превратилось в пещеру, сугробы залегли по углам. На спальнике, из-под которого я выбиралась, тоже лежал снег, он казался теплым и легким, как пух одуванчика.

Не без некоторого труда я вылезла на поверхность, жмурясь: белое на белом, снег, свет на снегу. Сумасбродная поволжская погода обернулась теперь неохватным сиянием, сонным покоем.

Мелко вздрагивая, снег все еще плескался в воздухе. Окутанные белизной горы не жили в тишине и тоже, казалось, жмурились навстречу утру. С нескольких шагов ангарчик, в сугробе среди сугробов, можно было найти только по зияющему, ведущему вглубь отверстию.

И все — остатки ночного мира, похожие на обломки затонувшего корабля, небо, прозрачным озером застывшее над нашей стоянкой, отуманенные вьющимся снегом леса — все преломляло неяркий свет, все расплзлось паром и было цвета свободной от тела души.

Мой товарищ посреди этого белого моря разжег огонь, чтобы согреть чаю. Он утоптал снег в небольшую полянку. Оказалось, что мы на самом краю

берега, в небольшом саду с маленькими деревьями, облепленными мягким и белоснежным, — вздрагивая, они рассыпали светящиеся пригоршни.

У него было легкое, счастливое лицо, прорисованное внутренним светом среди обилия света вокруг. Смеющиеся близорукие глаза, пальцы с длинными фалангами, красиво касающиеся прируса, словно он высекал из него не пламя, а музыку, или если бы сама тишина рождалась под его руками.

Не помню подробностей утренней стоянки, они съелись светом, больше чем наполовину растаяли в нем. Только — первое впечатление его лица, когда он обернулся ко мне, и как горело мое собственное лицо от умывания холодным и чистым.

Участок пути до дороги возле леса тоже сквозит белым туманом. В этой световой зыби, нечетком снежном дыму он идет по пояс в снегу, держась за штaketники, вокруг каких-то огородов, порою почти с головой ныряя в белые бугры. Я иду за ним, наступая в его следы, вернее, проваливаясь в них, и не узнаю ночного ландшафта.

А дорогу рядом с лесом запомнила на всю жизнь. Хотя бы потому, что она удивила своим появлением. Ночью ее будто бы не было: сначала гора, потом как-то сразу начался берег. Впрочем, возможно, ночью мы шли другой дорогой.

Эта дорога, как все остальное, утонула в снегу, но утром перед нами по ней очень кстати прошла какая-то большая машина, пропахав глубокие борозды. Идти по ним было трудно, но не так тяжело, как в самом начале, от берега. Мимо нас шагали столбы: провода провисли под тяжестью снега. По одну сторону дороги, из оврага, показывались небольшие темные домики, засыпанные почти по самые крыши. По другую, за столбами, парил лес, вспухший от снега. Контрастный: немного черных, будто обугленных, стволов, и — белое, много белого.

Он выглядел волшебным садом. Снег как живой прижимался к ветвям. Нарядные белые гроздьи на черных стволах смотрелись тропическими цветами, может быть, цветами акаций. Шелковый свет обволакивал деревья и скользил под ними, переливаясь: будто бы лепестки осыпались или птицы пролетели, роняя перья, очень много птиц.

Иногда почти правильный шар снега срывался с ветки и рассыпался в воздухе — над сугробами долго стояло белое облако с проблеском непогасших снежных звездочек.

Мгновенность фотографии, тени, смягченные рассеянным, отраженным от снега светом, направленным в снова затянутое тучами небо. Тяжелый снег в легком нарядном лесу. Свет, не выявляющий

фактуры, как игра на границе между вымыслом и реальностью.

Потом, на дороге, в снегу, нам попались голуби. Может быть, это были обычные голуби, сизые, с зеленоватыми шейками, а может быть, необычные, породистые голуби из чьей-то голубятни, какие-нибудь сизо-кофейно-розовые. Они запомнились просто розовыми, необыкновенно красивыми среди снежной мягкости — растрепанные, воркующие, с влажными мерцающими перышками.

Февраль уже перевалил на вторую половину, но в то утро казался совсем юным, казалось, что зима будет длиться еще долго, а потом как-нибудь хорошо кончится.

Все действительно длилось еще какое-то время.

Мы вернулись в город в пустом автобусе и растались у сада клинической больницы, как и загородные леса, торжественно заваленного снегом. Он вытащил откуда-то белый халат и побежал на практику. Какое-то время я еще видела его лицо, очень хорошее, чистое лицо.

Я не пошла на лекции. Мне хотелось побыть одной. В комнате общежития было холодно и бело. Посуда куда-то исчезла. Я развела растворимый кофе в какой-то жестяной банке, пила его уже лежа и засыпая, но еще какое-то время переживая снегопад: оторвавшись от неба, он кружился сам по себе. Очерк лица, казавшегося мне прекрасным, то приближался ко мне, то отдалялся немного, и все было так хорошо, что даже не хотелось приблизить его больше, чем было.

Этот день еще какое-то время вставал прочнейшей стеной между мной и миром — хотя именно тогда я жила не в худшем из миров. Первые дни я вообще чувствовала себя так, словно душа ненадолго вырвалась из тела и вернулась, и тело стало мне мало, и я не могла к нему привыкнуть. Как если бы туман втиснули в жесткий панцирь.

Потом пришли весна и лето, и он (неизвестно на какие средства, я никогда не спрашивала его об этом) покупал нам билеты на Кавказ и в Крым, и были настоящие цветущие сады, и настоящие горы, и настоящее море. И было много разговоров, и действий, и очень много разных подробностей.

Слишком много подробностей, которые обычно сопровождают столкновение душ непростых, когда смешиваются культура и интеллигентность, готовность к большому отречению и незаурядной жестокости.

Но я предпочла бы не знать того, что было после. Осталось бы: снежный ветер, лохмотья небесного снега. Очаровывающая незавершенность мира, которого нет и, скорее всего, не будет.



Это до сих пор иногда приходит — белый туман, шепчущий воздух, из которого рождаются мягкие белые крылья, образ, еще не до конца прорисованный, сумасшедшая энергия, ищущая выхода.

И синий цвет его картин: горы, вода и рассвет. Алый рассвет в заснеженных синих горах. Он часами смешивал оттенки синего, добиваясь особого, бездонного, непреклонного, затягивающего вглубь тона. Высокий алый среди строгой синевы, очень чистый, почти лишенный чувственности, как прорыв в величайшее озарение — или величайшее безумие.

И еще — рисунок тушью на камне. Я подняла этот камень уже летом под скалой на волжском берегу. Небольшой, плоский, он умещался в глубине ладони и казался зеркалом или экраном, в котором ничего не отражалась.

Я повертела его в руках и собралась выбросить. Он попросил его у меня, вскоре вернул с рисунком. Луна стоит над острыми горами, освещает воду реки, по которой скользит каноэ. Мне всегда странно от неведомого пейзажа на этом поволжском известняке.

В лодке стоит человек с веслом. Раньше мне казалось, что их двое: один, стоя, управляет лодкой, второй сидит. Но много лет прошло, рисунок, нанесенный на камень тонким пером, стерся там, где очертания фигуры. К тому же он с самого начала был нечетким в этом месте.

Видно, что в лодке кто-то есть, но не разобрать, один или двое.

## ЗЕЛЕНый СОН

**Т**ропа уходила в лес. Дождь прошел. Дым от костра над мокрыми полянами был так ароматен, объем и тяжел, что Катюше хотелось прижаться к нему щекой, повиснуть на нем. Электричка тихо, словно в ней никого не было, стояла на рельсах. Пока двери не закрылись, Катя думала, что хорошо бы уйти по незнакомой тропе в сосны.

Мягкий свет, чистые мокрые иглы на насыпи и дым — уютный, как дом, и нежный, как перышки серой птицы, — воскресили тихую мысль. Катя ощутила ее, когда мысль уже была в ней, одновременно и бесконечная, и беззащитная, — она могла бы длиться века, но для этого ей нужны были и узенькая дорожка, напоминающая о другой дороге, и рыжеватое свечение ушедшего к горизонту дождя.

Потом вздрогнули сосны, тронулась электричка, и все кончилось. Одиночество, холод, усталость — и глупо даже думать о такой прогулке: ее одежда — для погоды хотя бы градусов на десять выше. А тут десятки километров до ближайшего жилья.

Она еще немного постояла в тамбуре, уже бессмысленно переводя взгляд: с одной стороны — высокие сизые сосны, с другой — далекие горы за рекой. Над горами висела синева. Сигаретный пепел на железном полу напоминал золу остывшего костра... Теперь единственной греющей мыслью стало, что она возьмет там, куда едет, теплые сапоги и пальто. Пока же — тонкий плащ поверх шерстяного платья, туфельки, капрон. Говорили, что в моду

войдут длинные гольфы с теплыми ботинками. Но к тем платьям, что она носила, это бы не подошло.

Поезд тряхнуло, и покачнувшийся мир показался Кате не более устойчивым, чем ее собственная жизнь. Катина судьба не проявилась еще, и, когда одежда перестала ее согревать, ей стало казаться, что холодно от чего-то другого. Чайка скользила рядом с вагоном. Глядя на летящую птицу, Катя представила себе их электричку, влетающую в безмолвные леса, и как стук ее протяжно замирает в покинутом листвою и птицами пространстве.

Она вернулась в вагон. Ее место заняли. Катя всегда усаживалась у окна, не составляло проблемы это сделать. Ее путь длился от конечной станции до конечной — четыре часа. Она выбирала последний вагон, остающийся в лесах, когда первый останавливался у платформы. Последний вагон заполнялся реже остальных.

У ее окошка сидели напротив друг друга двое здоровых мужиков: по виду или геологи, или северяне. Вероятно, они пришли через второй тамбур из соседнего вагона. Такие люди обычно садились у аэропорта. Но аэропорт уже проехали. Другие места у окон тоже оказались заняты.

Подумав, Катя прошла к своему бывшему окну. Между северянами и остальными пассажирами оставались свободные места. Подойдя, Катя поняла, почему: почти весь пол между сиденьями-лавочками занимали распухшие рюкзаки. Все же она села рядом с одним из захватчиков. Они, не прерывая



беседы, потеснили свое имущество. Неуклюжие, заросшие бородами и чем-то возбужденные, пришельцы походили на двух медведей, белого и бурого. Катя покосилась на ноги северян: унты. Ей захотелось поджать под себя замерзшие ступни.

За окнами через проход синие горы плыли, как облака, цвет их еще немного напоминал о недавнем, таком нереальном и невозможном теперь, в октябре, зное. Горы оторвались от горизонта, стали голубою мглой. Клубящиеся волны гор и леса превратились в туман и дождь, засквозили общим фоном. Потом все пропало, только дождь блестящими нитями тек по стеклу.

Вдруг вагон наполнился людьми. Потеплело. И от Катиного соседа тоже шло тепло. Приваливаясь к греющему боку, Катя успела решить, что о ней не подумают плохо — слишком много народа, ее просто прижало. Главное, не положить ему голову на плечо. От куртки ее соседа — такие носят летчики — пахло лесом. Не бывает бородатых летчиков. Не старые, бороды их делают старше. Тот, который сидел рядом с ней, больше молчал, напротив — больше говорил. Катя не спала прошедшей ночью, у нее было дежурство в клинике, потом — занятия в институте. Но ей показалось, что она закрывает глаза от грусти. И что зябко ей тоже от этого.

Она еще понимала, что находится в вагоне, когда ей начал сниться сон. Она еще слышала, как геологи что-то говорят про нефть (геологи все-таки), и уже видела, как сходит с поезда и идет по тропе, которую будто бы успела уже забыть. Однако она шла, и тропка вела ее в голубую глубь.

Вначале было немного страшно незнакомых зарослей. Но страх походил на восторг, а чем дальше она уходила внутрь, тем легче становилось. Дождик висел над тропинкой, над покоем и неподвижностью. Она шла и думала, что не спит, — слишком много осязаемых подробностей для сна. Сбросивший одежду лес походил на человека, готового кинуться в реку, но вдруг задумавшегося и оттого не доведшего движения до конца. Он ничего не требовал от Катюши и никуда не звал. Он просто существовал и смотрел мимо.

Она почувствовала, что могла бы подняться над тропинкой, полететь сквозь лес или над ним. Но ей не захотелось этого, ей нравилось тихонько идти под соснами по влажной дорожке. Зеленое, черное, желто-красное. Хвоя в зеленоватых капельках, напоминающих брызги моря. Мокрые, голые, черные, похожие на угли кусты. Стволы сосен, верхушки скрывались в мороси. Обычный осенний лес, но в то же время такой, что она не удивилась бы, если бы осень обернулась весной.



Белый дождик лежал на траве, мерцал, как россыпь ландышей.

Тропинка вывела ее к избушке. Это над ее крышей поднимался дымок. Деревья за избушкой стояли мягки и темны, редкие светлые пятна листвы походили на ночные созвездия.

Избушка же показалась ей знакомой, как, например, звук собственного голоса. Хотя она знала, что не приходила сюда раньше. Кто-то, растопив печь в избушке, ушел. Катя почувствовала, как крепко тянет ее к этому жилью с натопленной печкой. И она вошла в избушку, и ей стало тепло, только из ног не уходил холод.

Она прошла по избушке, легко и надежно ощущая чье-то присутствие. Так хорошо пахло от тяжелых бревен дымом и тайгой! Но даже во сне ей хотелось спать. Она не стала дожидаться хозяина избушки, странно чувствуя, что дом ей не чужой. Может быть, он даже был ее собственным. Возможно, в нем всего лишь ждали ее. Или просто не возражали против ее ночлега. Но Катя не могла сосредоточиться на этом: так сильно хотелось спать и, засыпая, вживаться в жилище. Сердечность была в этом доме и что-то еще, особое, нетронутое.

Катя свернулась калачиком на лежанке, расслабляясь почти помимо воли. В печке очень спокойно гудел огонь, это убаюкивало, как песенка, что-то ровно потрескивало, постукивало. Тепло и энергия шли от огня, и Катя вскоре согрелась совсем. Она уснула внутри своего сна, чувствуя и во сне, как ей покойно и как хорошо оттого, что она не до конца принадлежит себе. Она одновременно спала и будто бы летела куда-то над плывущей осенней листвой, над стелющимся в прозрачном лесу дымом и чувствовала сквозь сон, как кто-то осторожно ходит по избушке, укрывает ее, подбрасывает в печь дрова. Она чувствовала доверие к этому человеку. Она хотела посмотреть ему в лицо, но не могла раскрыть глаз.

Ей приснилось, что она проспала целую ночь, а потом кто-то прошел за окном и сказал: «Вам нужно проснуться». Катя встала и подошла к окошку. Солнечная смесь сосен, зеленых и прозрачных, и светлых капель, и ощущение праздника катили в окно теплой, желто-зеленой океанской волной. И осени уже не было. Но Катя не увидела того, кто позвал ее, и тогда она открыла дверь избушки, чтобы выйти в зеленое утро, и оказалась в вагоне.

И снова услышала:

— Вам нужно проснуться.

Она лежала, укрытая тяжелой дубленой шубой, с ногами, уложенными на сиденье, привалившись к тому самому геологу, к которому приткнулась в самом начале в битком набитом людьми простран-

стве. Только теперь вагон был пуст. Геолог смотрел в окно и молчал. Но она поняла, что голос принадлежал ему. Когда Катя проснулась, он сказал, не меняя позы:

— Мы выходим скоро. Разбудили, чтобы вы не спали одна в вагоне.

Тут она увидела в тамбуре другого геолога. Он поглядывал в их сторону и посмеивался. Увидев, что Катя проснулась, он пошел к ним и всю дорогу, пока шел по качающемуся вагону между деревянными лавочками, косился в сторону и смеялся. Дойдя, он посмотрел на Катю одним глазом и сказал, смеясь:

— А между прочим, шуба — моя.

На полу стоял его раскрытый, наполовину пустой рюкзак. Катя спустила шубу с плеч и поежилась: без нее она почувствовала себя так, как если бы была в одном легком платице.

— Может быть, подарить? — делая серьезное лицо, спросил второй геолог, слегка наклоняясь к Кате. Глаза у него были отчаянные.

— Спасибо, — ответила Катя, — не надо. Она тяжеля.

Геолог захохотал, как если бы она сказала что-то очень остроумное.

Первый геолог даже сказал ему, чтобы он не смеялся так. Катя стала совсем высвобождаться из-под шубы, и правда оказавшейся тяжелой, и геолог, на плече у которого она спала, помог ей и произнес, тихонечко и серьезно:

— Вот, сберегли вас.

— Для кого-то другого, — хихикнул второй. Но Катя поняла, что первый хотел сказать «от холода». Пустой вагон заполнился стужей. За окнами шел снег.

Первый геолог встал. Он оказался стройным — теплая куртка делала его неуклюжим. Они стали собираться. Катя пересела к окну. Ей после сна очень нравился первый геолог, и она подумала со смутившей ее внезапностью, что, наверное, пошла бы с ним, если бы он ее позвал, и не спросила бы — куда. Второй геолог, пожелав Кате счастья в личной жизни, потащил свою поклажу к выходу. А первый повернулся и посмотрел на нее — зелеными глазами.

Совершенно зелеными, как хвоя, глазами. Он был чудесный, взрослый, но с зелеными глазами.

Он тоже пошел к выходу, но потом вдруг бросил свои рюкзаки в проходе, вернулся и что-то сказал Кате. Он говорил так тихо, что Катя не расслышала сказанного. Она просто смотрела на него во все глаза, еще до конца не проснувшись, и будто бы пила из до хруста вымытой чашки чистую воду. Оторванная от его тела, она словно перестала понимать его речь. Ей показалось, что он ее о чем-то спрашивает,

и она ждала, что он повторит сказанное. Но теперь он просто смотрел на нее.

Поезд замедлил ход, и друг позвал его, и геолог, сорвавшись с места, побежал и, когда поезд затормозил и дернулся, ухватился за поручень и стену каким-то милым движением, чтобы не упасть, и одновременно быстро взглянул на Катю.

Потом они совсем вышли и, стоя на перроне, махали Катюше руками и что-то кричали, и тоже не было слышно, что.

Поезд тронулся, и Катя поднялась. Ей оставалось всего две станции. Она вышла в тамбур, из которого они только что ушли (тот самый, где стояла она у раскрытой двери), дотронулась ладонью до места,

за которое схватился зеленоглазый геолог. Поручень был ледяной, но ей показалось на мгновение, что он теплый. Ее била дрожь, как любого человека, вытащенного на жестокий холод после сна.

Сыпалась снежная крупа. Поезд теперь шел между дубами. Он шел очень медленно, видно было, как на дубовых листьях лежат, не растекаясь, редкие, крупные, как птичьи яйца, капли — вперемешку с круглыми белыми шариками. А потом, на конечной станции, все уже скрылось под снегом.

Пока электричка шла от города к городу, наступила зима.

## КРАСНЫЕ ЯБЛОКИ В ХОЛОДНЫХ САДАХ

*...чужую, зябнущую душу  
Хочется баюкать на руках.*

Владимир Мисюк

**О**сенью, когда мир внезапно старел, на меня наваливалась тоска.

Вообще-то я не отношусь к людям, у которых легко меняется настроение, но в юности в чужом городе мне иногда хотелось плакать от душевной боли. Эту боль обычно вызывал еще бесснежный, жесткий холод поздней осени или ранней зимы, когда сухими, серыми складками застывали дома в мертвющем голом городе, и невозможно было представить, что в этих домах кто-то живет.

Впрочем, «это» необязательно начиналось именно тогда, когда деревья сбрасывали листву. Дыхание холода могло прийти в тот город чуть ли не в августе. То ли это был северный ветер, то ли что-то еще — но всегда нечто узнаваемое, сурово леденящее душу. Душа заболела от холода, как болят окоченевшие руки или ноги. Эту полуболь-полутоску я так и называла для себя — словом «холод». Особенно остро он чувствовался ранними холодными утрами, в час, когда еще не рассвело. Тоска провожала меня до анатомического корпуса и осталась в памяти в сочетании с запахом формалина. Обычно она рассеивалась к солнечному полудню, но бывали дни, когда не проходила вообще.

И тогда светотень, из которой состоит жизнь, превращалась в общий бесцветный фон. Мир стано-

вился безжизненным или, в лучшем случае, каким-то отдаленным. Почва уходила у меня из-под ног, и я пыталась ухватиться за какую-нибудь мелочь, придавая ей особое значение.

Так, я довольно долго везде носила с собой маленький флакончик из-под духов, который нашла в своей тумбочке, — он принадлежал какой-нибудь девушке, жившей в комнате студенческого общежития до меня и, скорее всего, уже окончившей институт. Флакончик был маленький, граммов на пять, стеклянный. Стеклянными буквами по стеклу было написано слово Safe. На дне флакона оставалась почти невидимая капля жидкости. У нее был горьковатый, золотистый запах. Я подносила флакон к лицу, и мне казалось, что неведомая жизнь сочится из него — теплые комнаты, счастливые люди, живущие легко и свободно, клавиши и струны, рождающие нежные, властные звуки.

Еще я много ездила. Это было старое, испытанное средство, сознательно применяемое лет с пятнадцати. Подходил любой вид транспорта — поезд, теплоход, самолет, автомобиль: лишь бы покачивало и за окном менялся пейзаж. Разумеется, среди учебной недели не сядешь в самолет — но, как уже сказано, меня устраивали и автобусы. Собственно, корпуса мединститута были разбросаны по всему областно-



му городу, но мне не всегда хватало обычной дороги. Иногда, если позволяло время, я каталась часами.

Поездки заменяли мне дорогу домой, беседу с другом и, может быть, что-то еще более теплое и важное. Пожалуй, то, что скользило за окном, не всегда меня интересовало — порой хватало покачивания и людского тепла. Бывало, что я специально забиралась в переполненные автобусы и грелась. Главное — это ни к чему не обязывало. Я никогда ни с кем не заговаривала и не отвечала ни на чьи вопросы. Если мне говорили что-нибудь хорошее, я и тогда предпочитала отвечать взглядом.

Мне нужно было быть в форме, в хорошей форме — и в институте, и на практике, и в общежитии. И, кажется, мне это удавалось. Но мне не нужно было держать марку в автобусах. Мне там просто ничего не нужно было делать.

Особенно нелегко мне давалась моя двадцать первая осень — в городе, который уже был знаком насквозь. Было больно не только от холода, но и, может быть, от стремительности, с которой сгорали листья и вечера. Существовали и еще причины.

...Дорога между Самарой и Новокуйбышевском скучна — и та, которая идет через Кряж, и другая. Они обе долго тянутся мимо каких-то безотрадно-пыльных сооружений, сменяющихся еще более нерадостными пустырями. Автобус едет из конца

в конец не меньше часа. Сам автобус пылен летом и замызган в любое другое время года. (А если говорить точнее, то автобусы эти большей частью и пыльны, и замызганы одновременно.) Кроме того, они, эти автобусы, дребезжат и всегда набиты битком. Но именно этим рейсом я время от времени ездила в ту осень — в основном без определенной цели. Просто так, от конечной до конечной, взад-вперед.

То есть случалось, что какая-то цель у меня была. Например, вдоль обеих этих дорог располагалось несколько адресов, где жили мои знакомые. Можно было выйти из автобуса в каком-нибудь из этих мест. Но когда приближалась нужная остановка, сама мысль о том, что необходимо выходить из автобуса (и даже просто переставлять ноги по направлению к двери) была неприятна.

Может быть, весной или летом описываемые дороги и бывали хороши, но в это время мне не приходилось их видеть, а осенью они выглядели неприятливо.

Однако на одной из дорог (на которой именно, не помню) небольшим оазисом лежали сады. Кажется, это был дачный поселок, очень старый, частью уже заброшенный — покосившиеся деревянные домики, сторбленные яблони и древние черные вишни. Да, это был дачный поселок, потому что на крышах маленьких домов не было труб: я хорошо это запомни-

ла. Автобус шел вначале вдоль дач, а потом дорога заходила в сады — остановки две-три.

Я не сразу разглядела дачные сады сквозь пыльные, зыбкие окна автобуса. Скорее всего, я несколько раз проезжала мимо них. Тусклый рыжеватый свет опадающей и опавшей листвы был невнятен среди общего вялого, бледного фона.

Становилось немного легче, когда дождь белел, спускаясь с белого неба. Как зеркало, он отражался сам в себе. Он дымно окутывал автобус. Смягчались звуки, мылись стекла. Как-то на развороте автобус тряхнуло, и меня прижало к мокрому даже изнутри стеклу, и неожиданно я увидела в белом дожде ярко-красные яблоки.

Яблоки горели в мокрых, зябнувших садах, как огонь. Яблоки появились из бледной мглы, из неяркого серо-алого блика — блика среди других, меж нечетких рябин и полустертого боярышника. Они вдруг проявились ало, чувственно-остро, их цвет согрел. В этих яблонях было что-то неузнанное и узнаваемое. (Как будто мой двойник звал меня на непонятном и в то же время смутно знакомом языке.) Все началось с этих яблок, но уже можно было разглядеть — сквозь пелену дождя — и сиреневые листья дикого винограда, и тонкий лед на маленьких окнах — должно быть, оставшийся с ночи, и сугробики опавшей листвы, залегшие под мокрыми заборами, и неяркие звезды последних цветов. И сам дождь, нежной пеной оседавший в садах. И множество пузырьков в лужах среди опавшей листвы — как если бы кто-то вылил шампанское в тлеющую листву, или, скажем, море только что залило эти сады и схлынуло. Но всего сильнее были краснеющие яблоки — от них шло почти физическое ощущение желанного тепла.

Когда мы проехали дачи, я закрыла глаза, чтобы ничто не стерло впечатления. Я закрыла глаза и в мыслях покинула автобус. Я сошла в дождь, в первый же сад, и то, что было со мной дальше и кого я встретила в том саду, — пусть со мной и останется. Мне было так хорошо, как если бы все происходило на самом деле. Автобус дошел до Новокуйбышевска, и вернулся в Самару, и снова ушел в Новокуйбышевск. Я открывала глаза, когда начинались дачи. Освещение менялось, но яблоки по-прежнему грели и освещали, как пламя костра ночью, все новые подробности. Самыми теплыми они были, с румяным, смуглым, деревенским оттенком наивной бесхитростности, когда автобус второй раз шел к Новокуйбышевску — то есть на третий раз подряд. В Новокуйбышевске я открыла глаза на конечной остановке — яблок было так много во мне, что окружающее их уже не могло заслонить.

Я открыла глаза и увидела очень внимательный взгляд водителя. Он смотрел на меня из зеркальца, в которое видно салон. Я вдруг осознала, что стою в пустом автобусе на задней площадке — я так и простояла на ней, не шевелясь, не делая попытки занять ни одно из освободившихся мест — все три перегона. И я увидела вдруг — глазами, глядящими на меня из зеркала, — и свой растерянный взгляд, и свой вишневым плащ, уже потертый и слишком легкий для этой погоды, и капрон не по погоде, и ботиночки на шнуровке — тоже слишком легкие на чересчур неустойчивом, тоненьком каблучке. Которые, к слову, у меня второй (или даже третий) день не находилось сил как следует почистить.

Он смотрел на меня так пристально, что душа моя сжалась от мысли, что этот человек может со мной о чем-нибудь заговорить (например, о том, какого черта я катаюсь на этом его автобусе взад-вперед) и нужно будет ему что-то отвечать. Но он ничего не сказал мне, он перевел взгляд и закурил. Он вообще больше не смотрел на меня — пока мы не тронулись.

Но когда я приоткрыла глаза по дороге в Самару, чтобы взглянуть на уже уходящие в сумрак дачи, то увидела, что водитель находит меня взглядом, и странное чувство, что он отвечает за меня, пришло ко мне. Это чувство не было долгим, но оно появлялось всякий раз, когда я ощущала на себе его беглый взгляд.

Я, должно быть, — тогда — забыла о водителе прежде, чем вышла из автобуса. Я пришла в общежитие и долго согревалась под горячим душем, а потом, надев теплый лыжный костюм, залезла на кровать, под одеяло. В комнате горел свет, толкался какой-то народ, но мне это было все равно. Даже когда я открывала глаза, яблоки, теплые красные яблоки висели на старых яблонях, и сыпались с веток, и падали вместе с дождем с белого неба. Ощущение, что мне тепло именно от этих яблок, не оставляло меня.

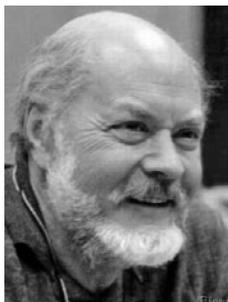
Прошли годы. Я давно окончила институт, у меня большая практика.

И когда к моей душе прислоняется другая, мерзнувшая душа, все чаще я думаю о том, что не вправе быть для другого человека красным яблоком или даже целым яблочным садом. Мне кажется, что гораздо важнее быть проводником — как тот водитель, который вел свой автобус мимо садов, может быть, ему самому неведомых, и не задал ни одного лишнего вопроса.

*г. Тольятти*



Лев АННИНСКИЙ



## НУЖНАЯ ХРЕНЬ

**Х**вала Гарику Сукачеву: поставил спектакль, где артисты «Современника» предстают в неслыханном для этого театра виде. Пьют из горла, тут же мочатся. Несут пьяную околесицу, сквозь которую лезет трезвая наглая самореклама. Срываются то на агрессивный рев, то на еще более агрессивный фальцет — задыхаются от яростной злости.

Чемпион этой оргии — Михаил Ефремов, играющий лидера анархо-панк-группы по кличке Выкидыш, но хороша и вся группа, включая и женщин, которые очень «легко одеты».

Все это — пьеса британца Майка Пэкера, переименованная театром в «Анархию» (настоящее название пьесы, длиннущее и непонятное, я боюсь не так процитировать). Зато пафос действия очень понятен: борьба английских гастролеров против американских конкурентов на заокеанском поле

шоу-бизнеса. Антиамериканские шпильки британца наша публика принимает с нескрываемым восторгом, она явно болеет за англичан. Хотя понимает, что на сцене — сатирический и неотразимый портрет нашей родной отечественной рок-панк-попсы.

Еще одна находка. В программке под словами «Перевод с английского — Оксана Алешина» мельничко напечатано: «Внимание: ненормативная лексика».

Честно сказать, я приготовился к худшему. И зря. Крутой матерщины в спектакле мало. А ненормативная лексика настолько по нынешним временам общепринята, что я могу запросто процитировать: «жопа», «говно». И, конечно, вездесущая «хрень».

Вездесущая — потому что нужная, как мне на всякий случай объяснили со сцены.



Елена КАНТОР



*Елена Кантор родилась в Москве в 1968 году. В 1991-м окончила Московский институт химического машиностроения. Работает техническим редактором.*

*Автор пяти книг стихов и одной — прозы. Член Союза писателей Москвы. Публиковалась в литературных и культурно-просветительских альманахах и журналах, среди них «Юность», «Литературная учеба», «Слово писателя», «Город гротеска», «Студенческий меридиан», «У», «Истоки», «Ave», «Литературные незнакомцы», «Лесной орех», газета «Информпространство».*

\* \* \*

Для меня поэзия — это определенное состояние души, иное ощущение и познание мира, это совершенно другая плотность мировосприятия, какая-то потаенная комната, куда ныряешь, и... вглядываясь во все обыденное и повседневное через дверную

щель либо из окна, видишь уже совсем иную картину мира, чаще фантазмагорию, драму с элементами фарса, а смотря на себя в зеркало, находишь опять же не себя, а по-своему пережившего и переосмыслившего твое состояние героя.

*Елена Кантор*

\* \* \*

Любые льды похожи на обиду,  
Плывут и тают, корчась на свету.  
Я их, быть может, упущу из виду,  
А пруд утихнет — берегом уйду.

\* \* \*

Был бы берег гладкий, как вода,  
И вода бы пестрая, как берег...  
Я спросила: «Что и где, когда?»  
Но ответ был — ты же не поверишь!  
И вода, как жирный чернозем,  
Все бежит, нисходит с голубого.  
Ты спросила: «Что, когда, почему?»  
А ответ стал — ничего другого.  
Внук узнал у бабушки — «зачем»,  
— Постареешь, душка, от протечки.  
На воде лихачит старый челн,  
И смеется берег — знай местечко.  
То плюется грязью, то — землей.  
А вода водою остается.  
Человек что жизнь — блажит, дрожит юлой.  
И под солнцем тень его крадется.



\* \* \*

Мама, ты видишь, я делаю все, что могу...  
Может, не с теми людьми я, но знаешь, все выйдет.  
Просто во многих делах я вообще *ни гугу*.  
В сердце мне каждый воробушек, клюнув, обидит.

Только сквозь слезы и крики, вытье и скулеж  
Крылья растут, и мысль утверждается делом.  
Быть мне в ответе за все, жаль, не найден крепеж,  
Чтобы душа заодно стала с телом.

Чтобы в одном все — и мать, и отец, и дите...  
Стану холодной, как дама с картины поп-арта.  
Строится, рушится жизни моей громадьё.  
Просто тебя нет... Такая вот выпала карта.

\* \* \*

Мы солнце розовое прятали в кармане синем,  
Оно взшло, и мы расплакались над новым днем.  
Я посмотрела на кружок над лесом: « Прости меня,  
Мама»,  
Нет, пешкой я не стану, ладьей или конем...  
А вот кружок уже над лесом,  
Над головой моей, где ты сейчас.  
Я поняла, так много теста  
Оранжевого надо, чтоб уловить небесный пляс.  
А вечером другой карман — сиреневый.  
И ты, малиновый кружок, уйдешь от нас.  
Прости мне, мама, мы вместе верили,  
Что будем рядом. Мы будем, мама, — не сейчас.

\* \* \*

Мы говорили, лгали, верили,  
Стонали, плакали, смеялись.  
Боялись, хвастались, влюблялись,  
Терпели, мучились и спорили,  
Мы обещали, брали, вторили,  
Роптали, каялись, терялись...  
Надеялись, искали, ждали.  
Мы расцветали, спали, таяли...  
Сплетались, маялись и мялись,  
Рвались, боролись... Получалось.  
Мы просто жили... Так случилось.

\* \* \*

Февраль и девочки, и мальчики — февраль.  
А мне бы к дедушке прижаться, пусть — невзрачный.  
И шелкнув по лбу, закричать: «Буравь  
Мой белый парус, пока не стал наждачным!»

Февраль и бабушки, а дедушкам — пожар!  
Впотьмах — куда? Не сыщешь зажигалки.  
Гриппует рубль, падает доллár...  
А мне любые танцы-встряски — жалки.

Мой мир рассыплется? Налей ему чернил.  
Да плакать некогда... А лучше по старинке  
Пройтись по ягодицам, коль темнил...  
Но нет, он кается, седой февраль... Снежинки.

\* \* \*

И будет тебе...  
Ты станешь затасканной Сарой...  
И скажут тебе:  
— Что ж ты, Сара, устала от сора?  
— Что ж ты, Сара, устала от ссоры?  
— Как ты, Сара, устала от Сары?

И будет тебе...  
И досталось тебе огнедышащей дарственной... Кары...  
— Как ты, Сара, не веришь? Не видишь кошмары?  
Не боишься ни мора, ни меры...

Да, манеры такие, манеры...  
Пролетать над Парижем фанерой  
И сверкать камнепадом над бездной.  
Запугать тебя, жаль, бесполезно...

— Что ты плачешь?  
— Ах, будьте любезны...

\* \* \*

Мы не живем, мы жалуемся жизни...  
А с ней и не повздорить, и не спеть  
О том, какая же она капризная,  
Отроковица-жизнь, дурная спесь  
В ее тенетах,  
В движеньях и манере быть...  
А так и хочется ее застать в полете,



В круженье на коньках. Девушка под девизом «Жить!».  
Такая стать не женщины — ребенка...  
Что знать о ней, коль седы и стары.  
Бежит и прячется игра-головоломка,  
А мы уже устали от игры...  
Она шустрее нас, она смысленей,  
Она дерзка, а мы — ее отцы,  
То шлепнемся пред павой на колени,  
То просим пощадить. Мы плачем, мы слепцы,  
Она смела, она глядит в три ока,  
По берегу идем, глубинные уроки  
Дает, нырнет,  
И как она красива — отроковица «Жизнь»,  
Как отраженье — губы, шея, щеки,  
Протянет тебе руки, руки-реки — на, держись!



Продолжение. Начало в № 1, 2 за 2012 г.

Рисунок Юлии Спасовской

## ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК

### РОМАН

**В** мою антикварную лавку (подчеркиваю — лавку, а не иначе!) торопливо вошла молодая женщина. Кудрявые рыжие волосы были уложены в неимоверно пышный пучок. А синие, ярко накрашенные черной тушью глаза пробежались по магазинчику суетливо и с любопытством. На ее плечи было небрежно наброшено песцовое манто, на воротнике которого виднелась металлическая игла от этикетки. Я опустил голову и заметил безукоризненно чистые лаковые сапожки (в такую-то дождину!). Из своих наблюдений я сделал вывод, что дамочка не иначе как подкатила на машине. Недавно купила себе дорожные новые вещи. Значит, у нее появились деньги. Шальные случайные деньги. Она нервно мяла новую сумочку из крокодиловой кожи в своих руках. И я решил, что она не коллекционер и вообще, скорее всего, впервые посещает антикварный магазин. Куда и хочет поскорее вбабахать свои сбережения. Это было нам на руку. Я уже безбоязненно вышел ей навстречу и поклонился.

— Что желаете приобрести? Для коллекции? — спросил вежливо я, чтобы окончательно удостовериться в безопасности посетителя. И заодно чтобы угодить.

— Коллекции? — она заносчиво засмеялась. Я попал в самую точку. — Вы мне льстите. Я не коллекционер. Коллекционеры — это нечто космическое. Они живут не в нашем мире. А я живу здесь. — Она для убедительности топнула высоченной золотой шпилькой. Словно хотела, чтобы мы поверили, что она не космический пришелец. Мы и так в это с легкостью верили.

— В таком случае... — я сделал надуманную паузу продавца. Торговую паузу.

— Вы должны понимать, в общем-то... У моего мужа юбилей! — она произнесла это с таким апломбом, словно ее муж был по меньшей мере президент.

А мое напряжение окончательно спало. Как все просто. Всего лишь юбилей. Словно она зашла в ларек китайских сувениров за углом. А может, она и впрямь углы перепутала?

Она не перепутала.

— Юбилей! — Тася радостно всплеснула руками. Словно это у Тасино мужа был юбилей. — Как это замечательно! И сколько ему, если не секрет?

— Не секрет. Секреты от подружек бывают. А не от продавцов. Ему тридцать пять.

— О! — не переставала радоваться Тася, словно ее уже пригласили на этот юбилей. — Тридцать пять! Вы на лет десять моложе его? Двенадцать? Пятнадцать?

— Мы ровесники. — Лицо дамочки покрылось легким румянцем. Ее это окончательно сразило. Подобный комплимент для женщины ценен именно из уст женщины. И он так редко случается. Первый шаг сделан. Мы ее подкупили. Теперь нужно, чтобы она купила у нас.

— Мы можем что-либо подобрать для вашего мужа, — не унималась любезничать Тася. — Надеюсь, он не космический пришелец?

Они вместе рассмеялись довольно плоской шутке. Похоже, они нашли общий язык. Позднее я убедился, что Тася находит общий язык со всеми. И что она так долго делала со мной? Ведь единственный, с кем она так и не поладила, — это был я. Когда-то.

— Нет, — сквозь смех ответила женщина. — Он не из космоса. Он, слава богу, не коллекционер. Тьфу, тьфу, тьфу. — Она плюнула через левое плечо. — Представляете, как бы мне это дорого обо-



шлось! У коллекционеров, наверное, нет жен, да? Это нереально. Такие бешеные деньги за какую-нибудь чугунную сковородку. — Она бесцеремонно указала покрашенным ноготком на висящую на стене сковороду, на которой не раз пекли блины на Масленицу в петровские времена. — Даже если ей пользовался сам... ну, ну, не знаю кто... — Дамочка отчаянно пыталась вспомнить хоть одного великого. — Ну, к примеру, к примеру... Сам Петр! Да любая жена его этой сковородкой по голове. Ну разве если они только будут коллекционировать одни и те же вещи. А это уже фантастика.

— Увы, — Тася бесцеремонно указала на меня. Как на живой пример женоненавистника. — Вот вам и пример. Человек несмотря на свои более чем преклонные годы так и не женился.

— Сочувствую. Впрочем, в одиночестве есть свое преимущество? Да?

— Вы правы, милая, — я развел руками. — Мне, например, нечего терять. Кроме своих вещей. А терять вещи — это моя профессия. Это моя неизбежность. И в некотором роде — болезнь.

— Ну, за определенную цену с ними не так уж болезненно расставаться, разве нет?

— Вот вы бы никогда не сделали этого едкого замечания, если бы были-таки коллекционером, — я шуточно пригрозил ей пальцем. — И как же вы нажмете бедного старика? Что у него отберете?

Женщина медленно прошла по антикварной лавке. Мельком взглянула на картины, гобелены, посуду, письменные принадлежности. И, наконец, резко притормозила у витрины со старинными драгоценностями. Она кружилась возле нее, как пчела у бочки с медом. Громко восклицала, цокала язычком, хлопала от удивления в ладоши.

— Какая красота, боже мой! Какая прелесть! Как хочется что-нибудь этакое... Ой, а этот браслетик, там рубины, да?

— Хочу заметить, что юбилей у вашего мужа, вряд ли этот браслет ему будет к лицу, — осадил я ненасытную дамочку.

— Увы! — она в негодовании стукнула шпилькой, опустившись на землю. И чуть не заплакала от обиды.

Тася осторожно взяла ее под руку и повела, как по музею, по антикварной лавке, где с достоинством расположились исключительные предметы. И у каждой из них была биография. И свой хозяин. Иногда казалось, что это вовсе не вещи, а сами владельцы, которых кто-то заколдовал. Но Тася не вдавалась в ветхости истории и не рассказывала биографии ни антиков, ни их хозяев. Она, как истинная продавщица, со знанием дела горячо и убедительно описывала качество, прочность анти-

квариата. Плюс его оригинальность, неожиданность и экзотичность в разрезе сегодняшнего века. Как ни странно, нашу покупательницу это вполне устраивало. Как ни странно. Это будет устраивать и наших последующих покупателей.

— Да, да. — Тасино хорошенькое личико покраснелось. — Этот удлиненный глиняный горшок для молока. Ручная работа. Вы заметили, какое качество? А глина! Пластичная! Огнеупорная! В печь поставишь — в жизнь не треснет. Я имею в виду, конечно, микроволновку. И электричество, и пламя — нипочем! Такой глины теперь с огнем не сыщешь! А какой изгиб у талии. Это просто скульптура! Напоминает женскую фигурку? Правда? Кстати, очень даже на вашу фигуру похоже. Представляете, ваш муж каждое утро наливает туда молоко. Смотрит на этот сосуд и сразу вас вспоминает.

— Ага, и ассоциирует меня с горшком. Еще чего не хватало! А еще хуже, если с этой посудиною будет ассоциировать свою секретаршу!

Я почесал за ухом. Я боялся, что наше первое дело разобьется вдребезги. Оно так же хрупко, как этот глиняный горшок. Несмотря на качество глины. Но я плохо знал Тасю. Она расхохоталась во весь голос. И у нее на щеках появились глубокие ямочки.

— В таком случае могу предложить графин для водки. Или коньяка. Как хотите! Венецианское стекло! Тоже ручная работа. Это вам не какое-нибудь чешское! Здесь стекло тоньше, гораздо тоньше. Оно в расплавленном виде более текучее, понимаете!

Дамочка притворно зевнула. Ее не интересовала текучесть венецианского стекла. Но Тася не сдавалась.

— И здесь сюрприз, как раз для юбиляра! Классный такой!

Тася с виртуозностью фокусника достала из буфета графин. В нем сидел жирный, раздутый черт.

— Посмотрите, какое чудо! — ликовала Тася, словно сама хотела купить этот сосуд. — Графин полный! До рогов! А теперь!

Тася продолжала показывать фокус.

— Наливаем, так-так. Видите, черт меньше, еще наливаем, еще меньше, еще наливаем, о, это уже не черт, а чертик. Бац! Наливаем до конца. Где черт? А черта нет! Что означает — нет водки, и черт не страшен! Очень поучительно!

Тася была безмерно довольна своими артистическими способностями, словно это она сочинила графин с чертом. Но на дамочку фокус не произвел должного впечатления. Она не удивилась ни оптическим эффектам, создаваемым жидкостью, ни мастерству стеклодувов, ни самому черту.

— Тогда мой муж окончательно сопьется! — возмутилась наша привередливая покупательница. — Этот

черт — провокатор. И его пребывание в графине попросту означает — спиться до чертиков! И вы мне это подсовываете, чтобы мой муж спился! И не черт, а он будет все время на рогах! На пустой графин он смотреть не сможет. Скажет — как-то неэтично. Графин без водки — точно стихи без рифмы! Или искусственный песец! Уж я хорошо знаю своего мужа. А как только нальет туда водку, тем паче не станет просто на него глазеть. Захочется выпить. Причем все! Это, знаете ли, вы мне замкнутый, точнее, порочный круг предлагаете. Мало того — бешеные деньги за графин, а потом еще вбухивать за лечение от алкоголизма. И от прыгающих чертей перед глазами.

Мы с Тасей переглянулись. Муж дамочки, похоже, был еще тот черт. Но как бы ему графин пришелся по вкусу! Своей жене этого он точно не простит. Впрочем, черт с ним!

— Чемодан не желаете? — Тася еще и еще попыталась исправить ситуацию. — Посмотрите, какой вместительный! Куда хочешь с ним поедешь! Не подведет! Можете на Канары, можете в Париж! И сам Менделеев сделал. Он не только эти всякие непонятные элементы изобретал! Наверное, потом понял, что делать чемоданы — куда выгоднее и полезнее, разве не так? А какая кожа, вы только попробуйте!

— Не нужен мне ваш чемодан! — голос дамы сорвался. — Вы что, хотите, чтобы мой муж в этот же день сгрузил все вещи в чемодан и смылся! Небось только об этом и мечтал всю жизнь — на Канары со своей секретаршей, у которой черти не только в глазах прыгают! Нет уж — дудки! Этого счастья я им не доставлю! А Менделееву больше делать было нечего, как чемоданы для мужей-пройдох изобретать!

Я даже ее пожалел. Зачем вообще такой муж нужен? Впрочем, какое мое дело. Возможно, мужья любые пригодятся.

— И вообще, неужели у вас нет тут чего поярче, ну, как бы, чтобы искрилось, что ли!

Похоже, дамочка любила все, что блестит. Как ворона.

— В таком случае — вот этот колокольчик. — Тася взяла с полки колокольчик и протянула покупательнице. Колокольчик блестел, словно золотой. И это подавало надежду, что дамочке понравится. Тася словно пускала золотую пыль в глаза. Дамочка даже прижмурилась, разглядывая эту вещицу. И даже потрясла ею. Раздался мелодичный, но довольно громкий звон.

— Ну-у-у, — протянула неопределенно она. — Это хоть на вещь похоже. На полезную вещь.

Я понятия не имел, какую пользу может принести колокольчик, и тут же поспешно попытался набить ему цену.

— Безусловно! Учитывая, что эта вещица висела в доме графа Вяз...

Дамочку совершенно не интересовала фамилия графа.

— В доме графа? — она бесцеремонно меня перебила. — Ну да. Вещь практичная. Дамочка постучала по колокольчику и даже обнюхала его. — И звенит громко. Еще бы мужу его куда повесить, чтобы всегда знать, где он. А то шляется бог весть где.

— Ну, для этого давно изобретены мобильные телефоны, — сглумил в очередной раз я. И Тася бросила на меня свирепый взгляд.

— Вот именно! — поддержала меня дамочка. — И к чему этот пустой перезвон!

Я тут же попытался исправить ситуацию.

— Ну что вы! Он очень удобен в доме! А я уверен, что ваш дом не хуже дома графа Вяз...

Дамочка вновь не пожелала дослушать фамилию. И перебила меня.

— Хуже! Тоже мне — хуже! Я не в доме, к вашему сведению, а во дворце теперь живу! А в этой убогой квартирке и не появляюсь!

— Вот видите, — ликовал я. — Столько комнат, спален, огромный холл, гостиная... Зачем лишний раз тратить деньги по мобильнику, чтобы дозваться друг друга. Стоит только... — Я потряс колокольчиком. Звон стал еще громче и мелодичнее. И я от счастья тут же совершил еще одну ошибку. — Именно так и поступал лакей, чтобы кликнуть графа Вяз...

— Что-о-о?! — Дамочка побагровела. И ее кудряшки затряслись в негодовании. — Так это штукавина для лакея! И вы хотите ее подсунуть для моего мужа! Да вы... Да если хотите... Да если вы знаете... Мой муж недавно стал президентом!

Я уже об этом догадывался. И даже мог представить себе эту фирму, президентом которой стал ее благоверный (надолго ли?). И этот дворец, в который они недавно переехали (надолго ли?). И их вкусы, которым они недавно в спешке обучились (это уже навсегда). И их образование, которого у них никогда не было и не будет (счастливые люди!).

Я стал заметно нервничать. И чем больше нервничал я, тем спокойнее, приветливее и терпеливее становилась Тася. Она сразу сообразила, что с подобными покупателями нужно поступать по-другому. Им нельзя указывать и навязывать. От них нужно держаться в стороне. А они должны выбирать товар сами. А когда выберут, тут вступает наш трудовой дуэт. Я и Тася. Мы их убедительно отговариваем от покупки до тех пор, пока они не остановятся на своем выборе окончательно.

Ради усыпления бдительности Тася указала еще на парочку вещей и, получив категоричный отказ, дала полную волю покупательнице. Та, в свою оче-



редь, демонстративно стуча каблуками, деловито прошлась по кругу комнаты и неожиданно остановилась возле волейбольного мяча, на котором ненавязчиво был указан наш навязчивый мир.

— Вот! — она тыкнула накрашенным пальчиком в «глобус». — Это то, что надо!

Мое сердце подпрыгнуло. И некоторое время не хотело возвращаться на место. Мне показалось, что у меня закончилось сердце.

— П-п-очему вы выбрали это? — Я слегка заикался от волнения. И Тася бросила подозрительный взгляд в мою сторону. Я на пару секунд затаил дыхание и бесшумно выдохнул. Сердце вернулось на место.

— Почему? — дама капризно повела плечами. — А потому, что мой муж — бывший футболист!

— Но... с вашего позволения, это волейбольный мяч, — неуверенно возразил я.

Тася приложила палец к губам, что означало, чтобы я заткнулся. Иначе испорчу все дело. Она правильно решила, что у нас с покупателем возникла антипатия. И что ей, Тасе, нужно теперь вести тонкую политику противоречия. Отговаривать от покупки, чтобы в нужный момент покупатель уверовал в необходимость своего приобретения. Но Тася не могла знать, что я противился приобретению мяча совсем по иным, гораздо более трагичным причинам.

— Ну и что, что волейбольный? — дамочка агрессивно сделала шаг в мою сторону. И удар шпильки зазвучал, как удар молотка в пустом зале. — Мяч — он и есть мяч! Ни больше и ни меньше! Не все ли равно, чем бить! Главное — не убить!

Я вздрогнул при этих словах и машинально резко отступил назад. Дама победоносно улыбнулась. Ей показалось, что ее шутка удалась.

— Понимаете, дорогая, — Тася осторожно взяла под локоть женщину, словно прикоснулась к антикварной вещи, — понимаете, мой босс имеет всего лишь в виду то, что этим мячом неудобно играть в футбол. Он и не волейбольный даже. Он просто макет волейбольного мяча, на котором изображены страны. Ну, что-то вроде глобуса-сувенира. Не будете же вы сувениром играть в футбол. И тем более жалко подфутболивать наш мир.

— Его уже и так футболият в разные стороны. Тоже мне новость! А на счет того, удобно его гонять по полю или нет, — это мой муж разберется. Не глазеть же нам на него. Тоже мне — сувенир! У нас атлас мира имеется. И если захотим куда поехать, туда и заглянем. А этот мяч, — она по-хозяйски похлопала по нему, — вполне практичная вещь. Мой муж будет рад такому подарку. А то — горшок, графин, чемодан! Дудки! Пусть лучше мой муж за здоровьем

проследит. А то все время в кресле с пивом и с чертями в башке! О спорте начисто забыл! Уже брюхо какое вырастил! Вот я и напомним и про футбол, и про здоровье. Уж я лучше вашего знаю, что моей семье нужно!

Покупательница раскраснелась от красочного монолога, словно чугунная сковорода. Впору было на ней жарить блины к Масленице. В общем, она была готова. И Тася уже показала мне украдкой большой палец: «все в порядке». Но она не могла знать, что к этой сделке не был готов я. Я уже понял, что меня так взволновало, когда я рассказывал про шкатулку Салтычихи, про это орудие убийства. Мяч! Тоже орудие и тоже улика, еще какая улика. И хотя я его тщательно протер одеколоном, я не мог знать, до какой степени теперь развиты технологии в раскрытии преступления. Вдруг на этом мяче все же остались отпечатки. Вдруг изобретены приборы, благодаря которым улики смыть невозможно! Я от напряжения вспотел. Мне нужно было любым способом прекратить эту сделку. И я почти выкрикнул:

— Нет!

Тася и дамочка уставились на меня.

— Я хотел сказать, что этот мяч не продается. Он особенно дорог мне. Он... Это мяч Моргана. Ведь вы даже о таком не слыхали? И вам плевать, что это за человек был! Нет, не магнат! И не пират! Это великий человек! Он изобрел волейбол! Вот так! Самую увлекательную в мире игру! Я... Я фанат волейбола! Ну, скажите, как фанат волейбола может продать волейбольный мяч! Продать самого Моргана!

— Чего-то староваты вы для волейбола! — Дамочка уже решила откровенно на меня наступать. И намерена была победить в этой битве.

А Тася незаметно покрутила пальцем возле виска. Мол, дело уже выгорело, мяч, считай, в сетке. И это перебор — вести игру дальше.

— Я не играю в волейбол. Я слежу за игрой. Это разные вещи. И это еще более ценно. — Я не собирался сдаваться.

— В таком случае — что эта рухлядь тут делает?! — покупательница схватила мяч двумя руками и прижала к груди. — Может, вы ничего не собираетесь продавать? Может, вам тут все дорого? Это не по правилам торговли! Это вам не музей! Сделайте музей — тогда и вопросов не будет! Но вы же получили лицензию на открытие антикварной лавки, разве не так?

— Отдайте мяч!

— Не отдам! Он мой! Сделка свершилась! И если вы посмеете у меня его отобрать, я сделаю так, что здесь не будет ни лавки, ни музея. Я уж найду способ! — И она замахнулась мячом. Мне на миг показалось, что я повторю участь старика.

Тася проворно стала между нами.

— Сделка действительно свершилась. — И Тася назвала такую цену, от которой у меня глаза полезли на лоб. Глаза готовы были полезть на лоб и у дамочки. Но где-то на середине передумали и остановились. Все же принцип был для нее дороже, чем такая дорожная вещь. И это похвально для покупателя.

— Согласна! В конце концов, здоровье моего мужа дороже! И торговать здоровьем я не собираюсь!

Она вытащила из крокодиловой сумочки толстую пачку купюр. Тася их проворно пересчитала.

А дама, гордо подняв голову вверх и громко стуча каблуками, пошла к выходу. Держа перед собой на вытянутых руках мяч с таким видом, словно получила царскую корону. И так не хватало вассалов, бегущих за ее шлейфом и удивительно напоминающих чертей, выпрыгнувших из венецианского графина. Который так и не достался ее мужу. И мне на секунду ужасно захотелось отомстить дамочке. И все ему рассказать.

Это была наша самая дорогая сделка. И самая дорогая афера. Тася ликовала. А я, вначале сильно испугавшись, потом успокоился. В конце концов, держать улики лучше там, где никто ими не заинтересуется. Дома держать улики опасно. Возможно, судьба вновь благоволила ко мне.

Так прошло несколько месяцев. Я постепенно забывал о Гришке. Только иногда, вначале, по вечерам, когда снимал парик, бороду, усы и смотрел на себя в зеркало, из зеркала на меня в ответ смотрело не слишком привлекательное лицо. Потрепанное и постаревшее. Мне оно все меньше и меньше нравилось. И я вскоре отучил себя заглядываться на свое отражение. И вскоре отучил себя снимать грим. Слово раз и навсегда хотел расстаться с прошлым. А моим настоящим был этот седой длиноволосый старик в черной беретке, с белою бородой. О настоящем антикваре я вспоминал все реже и реже. Мне он даже не снился. Иногда мне казалось, что он вовсе не существовал. А если и существовал, то был всего лишь предметом антиквариата среди множества старинных вещей в магазинчике.

Тася, похоже, вслед за мной безболезненно расставалась с прошлым. И не так уж часто вспоминала о своем непутевом парне Гришке, как и я. Он пропал без вести. И никто в нашем рабочем дуэте не желал слышать вести о нем. Мы на него были обижены одинаково. Для Таси он навсегда остался негодяем, так и не женившимся на ней. Для меня еще хуже — неудачником и преступником.

Помимо редких, но желанных покупателей (которые так все покупали благодаря Тасе) частым гостем в нашей антикварной лавочке стал регулировщик Сеня. И я был этому безмерно рад. Я знал

причину его нетерпеливых приходов. И меня эта причина устраивала. Сенечка стал гарантом того, что Тася больше никогда не вспомнит о своем парне. И тем более у нее никогда больше не возникнет желания податься с жалобами в милицию. И я, как сердобольная сваха, делал все, чтобы они полюбили друг друга. Впрочем, Сенечка был и без моего светлого участия уже влюблен по уши. Дело оставалось за Тасей. Но она почему-то медлила. Похоже, успех в бизнесе не на шутку вскружил ей голову. Она одевалась как истинная бизнесвумен. И мне все меньше и меньше нравилась. Возможно, ту девчонку в джинсах и кедах я бы еще смог полюбить. Повторно. Так, от нечего делать. На безрыбье и рак рыба. Но эту... Нет, это был не мой стиль, несмотря на деньги, которые у меня уже давно водились. А Тася возвращаться к своей босоногой юности с бумбончиком на шапочке не желала. И вряд ли уже у нее возникнет такое желание. Как у всякого, хоть раз повернувшего судьбу к себе лицом. Особенно силой. Иногда мне даже казалось, что ее вообще не было в той, другой жизни. И познакомился я с ней только теперь, здесь. Впрочем, как и не было в той жизни давно и меня.

А вот Сенечка был и тогда, и теперь. И будет. Таким же славным лопухим и неприхотливым парнем. И я, как умел, делал ему рекламу.

— Да уж, Тасенька, — мечтательно тянул я после его очередного ухода, потягивая горячий чай. — Да уж. Любая девушка такому парню позавидует.

Похоже, опыта в рекламе у меня не было никакого.

— Ну вы тоже скажете, Аристарх Модестович! — Тася громко в знак протеста стучала купеческим чайником по столу. — Любая девушка! Какая еще девушка! С вашего каменного века?! Может, и да. А в нашем веке никто такому богатству не позавидует. Регулировщик на дорогах! Вот еще! Только Сенечка такую работенку мог откопать. Уже давно везде светофоры стоят! Да что светофоры! Вон, китайцы уже изобрели виртуальных пешеходов! Машина несется на зеленый свет — а тут такая стена из лучей в виде красных пешеходов. Машина хочешь не хочешь, а остановится! И настоящие пешеходы в безопасности! А что Сенечка? Куда ему до китайцев! Если он умудряется в наш-то век стоять вместо светофора! Он такой же динозавр, как и вы!

— Зря ты так, Тасенька, — не сдавался я, подливая себе чаю. — Ох как зря. Регулировщик — вполне уважаемая профессия. Да и действительно редкая. А машины людей не заменят. А ты судишь... Да уж и не знаю, по каким критериям ты судишь.

— Только вы знать такое не можете! — Тася еще громче стучала фарфоровым чайником. Чайник не-



довольно опускал свой носик и проливал чай прямо на стол. — Только вы! Живете в своем придуманном мире! Среди бездушных вещей!

— Бездушных? Весьма спорно. Но дорогих — это точно, — делал я маленькую поправку.

— Может, и дорогих, — уже милостиво соглашалась Тася, вспоминая цену антиквариата. — Но все одно. И разговаривать они не умеют, и совет мудрый дать. Вот вы, получается, только в себе и живете. Сам себе и друг, и собеседник. Поэтому ничегошеньки не кумекаете в нашей жизни. А жизнь, дорогой Аристарх Модестович, — это не палочкой на дорогах махать за копейки. Она другая — жизнь.

— И какая же, если не секрет, Тасенька?

— А хотя бы такая! — Тася подскочила к многочисленным пакетам, с которыми явилась сегодня утром на работу. И вывалила их содержимое прямо на диван. Множество дорогуших тряпок, обуви, бижутерии, косметики. Даже почему-то малюсенькая сумка-холодильник затесалась. Что меня убило окончательно.

— Ну что, скажете, некрасиво? Красиво! А вы мне — регулировщик. Вот она — вся жизнь на этом диване. И вся моя философия. И регулировщик сюда не вписывается.

— А как вписывается это? — я осторожно взял сумочку-холодильник.

— А, это я получила за этикетки от йогурта. Ничего, пригодится! А не пригодится — Сенечке его и подарю. Когда жара будет, он достанет из сумочки холодненький напиток — и уже маленькая радость. А меня Сенечкины радости не устраивают. У меня другой интерес.

Я вздыхал. Мне искренне было жаль Сеню. И я не собирался завершать свою рекламную кампанию. Но всем нутром чувствовал, что у Таси действительно другой интерес. И Сенечка туда никак не вписывается.

О ее интересе я узнал совсем скоро. И меня это шокировало. Я догадывался, что если что в жизни и интересует Тасю, то принципы в этот интерес не вмещаются никаким местом. Но чтобы настолько...

Был уже поздний вечер. Тяжелыми хлопьями валит снег. И я глядялся сквозь морозную витрину на улицу. И видел расплывчатые фары пробегающих машин, сливающиеся с бликами замерзшей луны.

И когда в дверь постучали, я не удивился. Поскольку успел разглядеть мелькнувший силуэт Сенечки.

Сенечка долго вытирал ноги у порога, смущенно сжимая фуражку в руках.

— Дорогой, — бубнил мимоходом он, — дорогой Аристарх Модестович... Вы уж извините, что так поздно. Вы, пожалуй, уж и ко сну собрались. А я вот

так... Хотел пораньше, но никак не вырвался из этого сумасшедшего потока. И снег такой валит, а они все не уgomонятся. Даже скорость не сбавляют! И дачного сезона, поди, нет. А они все туда-сюда, туда-сюда...

Я уже хорошо выучил Сенечку. Он мог так бубнить до бесконечности. А я все же хотел выспаться. Как всегда. С тех пор, как стал стариком.

Я силой втащил Сенечку в комнату и налил остывший чай.

— Ох, ну и хватка у вас, дорогой! — восхищенно заметил Сенечка. — И у молодого не часто встретишь такую хватку, я вам скажу!

— Ну, о моем возрасте, Сеня, говорить — это избитая тема. Не за этим ты, поди, явился. Почти в полночь.

— Не за этим, — по-старчески вздохнул Сенечка. И от неловкости огляделся. Остановил взгляд на маленькой пушистой елочке, примостившейся в углу.

— Не рановато ли? — Сенечка кивнул на елку. — До Нового года еще далеко.

— Да это все Тасины выдумки, — махнул я рукой. — Категорически мне заявила, что елку нужно ставить, когда выпадет первый снег. А убирать, когда снег последний растает. Мол, так вернее. Мол, елка может себя показать во всей красе только зимой. И удивительно гармонирует со снегом. Даже если снег за окном, а она в комнате. А мы ей отводим какие-то жалкие две недели из всей долгой-долгой зимы. Кто его знает, может, в ее нелепых словах и есть частица правды? Правда тоже частенько гармонирует с нелепостью.

— Вот это верно, — Сенечка почесал макушку. — Тася часто говорит нелепости. А они вмиг — и правдой оказываются.

— А-а-а, — понимающе протянул я. — Так ты о Тасе пришел поговорить? Ну что ж...

Если честно, я был недоволен. И хотя мне нравился Сенечка, Тася мне нравилась не настолько, чтобы ей посвятить часы драгоценного сна.

Сенечка, несмотря на свою доверчивость, мое недовольство все же успел уловить. И резко, как солдатик, подскочил с места.

— Вы уж извините меня еще раз, дорогой. Пожалуй, этот разговор, может и подождать.

Может, еще как может. Я облегченно вздохнул. И поднялся вслед за Сенечкой. Но чтобы сгладить ситуацию, решил на пару ласковых слов.

— Ты, Сенечка, не беспокойся. Все будет у вас хорошо. Девушки нынче сам знаешь какие. А в итоге и неплохие вовсе оказываются. Да и я тут не сию сложа руки. Ты мне симпатичен, Сеня. И я всегда к месту и не к месту бывает да и замолвлю о тебе доброе словечко. А доброе слово о хорошем парне никогда

мимо ушей девушки не пролетает. Уж поверь моему долгому опыту.

— Опыту? — Сенечка как-то многозначительно усмехнулся. И мне это не понравилось. Многозначительность никогда не была в духе этого довольно однозначного парня.

— Ты что-то имеешь против моего опыта? — нахмурил я седые приклеенные брови.

— Опыт, дорогой, Аристарх Модестович, не есть годы. Можно за сто дней приобрести столетний опыт. А можно за сто лет иметь всего лишь стодневный. Я, безусловно, отдаю все свое почтение вашим годам. Но опыт... Возможно, вы прекрасно разбираетесь в этих старинных вещицах, может быть, даже в людях понимаете. А вот в любви... Вы, поди, и не любили никогда.

— Ну, Сенечка, если за сто лет мне не удалось полюбить, то сегодня, в час ночи, разговоры о любви тем более не к месту. — И я демонстративно посмотрел на огромные часы, принадлежащие матери Сержа.

Сенечка, этот тактичный, щепетильный, скромный парень, неожиданно проигнорировал мой откровенный взгляд. И вновь уселся в кресло. Правда, фуражку он по-прежнему от неловкости мял в своих руках.

— Фу! — выдохнул Сенечка, промокнув вспотевший лоб фуражкой. — Ну да ладно, чего уж. Если сегодня не решусь, никогда не решусь!

Похоже, у Сенечки таки был весомый повод для ночного разговора. И мне пришлось смириться. Я тоже уселся в кресло.

— Вы уж извините, Аристарх Модестович, я к вам со всем уважением. Вы и сами это прекрасно понимаете. И никогда на вас ничего такого не подумаю... Да и вообще, даже нехорошо об этом и думать, не то что говорить...

— Нет, Сеня, будь добр, говори, — я довольно резко перебил парня. — А то мы так и до утра не закончим.

— В общем, как вы понимаете, я о Тасе.

Я в упор смотрел на Сенечку. И молчал. Так появлялось больше шансов, что он соберется духом. Он собрался. Правда, при этом его лицо настолько пылало, что казалось, парня только вытащили из печи. Оставалось надеяться, что не Баба-яга в обличье хорошенькой белокурой девушки его туда засушила. Надежды не оправдались.

— В общем... Вас она предпочитает, Аристарх Модестович. — Сенечка при этих словах задыхал так часто, словно поднимал гири.

А я по-прежнему в упор смотрел на него. Только мой взгляд стал очень тупым и бессмысленным. Я не мог сразу переварить сказанное. Настолько оно было

нелепо. Тася... Ну и девчонка! Не Баба-яга, а ведьма! Нет, этого просто не может быть!

— Этого просто не может быть, — наконец выдал я из себя самые правильные слова, которые положено говорить в таких пикантных случаях.

— И я поначалу так думал, дорогой. — Сенечка вновь промокнул вспотевший лоб. — Хотя и замечал ненароком, как она на вас поглядывает.

— Прекрати, Сеня! — Я резко вскочил с места, начисто забыв, что на сегодняшний день я столетний старик. — Это же просто абсурд! Ты знаешь, сколько мне лет! С ума сойти! Я уже сам сосчитать не могу! Сбилса со счета! Она же, в конце концов, не сумасшедшая!

— Вот именно, далеко не сумасшедшая. Потому как далеко метит. И потому предпочла вас, уважаемого, богатого человека, мне, бессребренику и простаку.

— Ты совсем не такой. — Я усмехнулся. И наконец сгорбился, вспомнив, что слишком стар для прямой осанки.

— А это ее слова. Я ничего не придумывал. Вот так, дорогой.

Сенечка поднялся с места. И встал напротив меня. Выпрямив плечи. И с каким-то трогательным достоинством приподняв голову. Словно хотел доказать, что он и моложе, и сильнее, и прямее. Как ни странно, это ему не помогло. Я даже со сгорбленными плечами был выше его. Это еще больше смутило и расстроило парня. И он направился к выходу. Его походка была и печальной, и обиженной.

Я не находил слов, достойных его трагичного ухода. И решил нужные слова приберечь до завтра. Предварительно сказав пару ласковых Тасе.

Этой ночью я спал плохо. Как и положено старикам. Мне снились белые кролики в наполненном графине из венецианского стекла. И я сливал и сливал воду, чтобы они исчезли. Но их становилось все больше и больше. Они становились все жирнее и жирнее. Пока не лопнул графин. И кролики разбежались по антикварной лавке. А я успел подумать, как же дорого стоило венецианское стекло. И как же мне оно было дорого. И мне за него уже не расплатиться...

Тася как всегда влетела вовремя. С утренними сумерками и мокрым снегом. В новой белой кроличьей шубке и белой кроличьей шапочке. С кучей шелестящих разноцветных пакетов.

Она долго топала ногами на пороге, бросив покупки на пол.

— Вы даже не поможете мне раздеться, Аристарх Модестович?! — крикнула она из прихожей. И в ее крике я уловил кокетство. А раньше не замечал!

— Я в том возрасте, когда ты мне уже должна помогать! — Я принял оборонительную тактику. Но Тасе было плевать на оборону.



Она вбежала в комнату и на середине закружилась. На ней был новый трикотажный облегающий костюм. Иссиня-черный цвет которого гармонировал с ее белокурыми кудряшками и румяными щеками. В нем, надо отдать должное, она выглядела превосходно.

Я нахмурился.

— Ну и как? — не унималась Тася.

— А в нем удобно будет мыть пол? — с заботливой учтивостью поинтересовался я.

— Ну вот, вы за старое. — Тася поджала губки. И в этом поджатии губ я тоже уловил заигрывание. А раньше не замечал.

— Вы же прекрасно знаете, что я переоденусь.

Я демонстративно повернулся спиной и стал усердно копаться в папках с документами. Постариковски ворча, что, дескать, какой я уже старый, меня совсем замучил склероз.

Но Тасю склерозом было не напугать. Она подкралась ко мне сзади. Стала совсем рядышком и с той же усердностью принялась рыться в документах. Дыша мне прямо в затылок мятым леденцом.

— Старость — не порок, Аристарх Модестович. А даже напротив. Старость нужно нести с достоинством.

Я весь напрягся. А раньше внимания не обращал на подобные разговоры.

— Скоро уже покупатели придут, — осиплым голосом выдавил я, — тебе нужно успеть все убраться.

— Ну, вы-то знаете, я все успею! — хохотнула Тася. И заботливо прикоснулась к моему лбу. — Ой, а вы такой горячий! Вдруг у вас температура!

Я раньше внимания не обращал на прикосновения Таси. И до меня вдруг дошло — а ведь все было. И прикосновения, и многозначительные взгляды, и двусмысленные слова. Просто для меня все выглядело естественным, а не пошлым или вызывающим. Я совершил главную ошибку. Старость я на себя безболезненно принял, но абстрагироваться от молодости, в которой жил когда-то вместе с Тасей, забыл. А ведь она была мне почти женой.

Но теперь... Теперь, после разговора с Сенечкой, по-прежнему уже ничего не могло быть. Я должен контролировать каждый ее взгляд, жест, каждое слово. И давать им настоящий отпор.

И я резко убрал руку Таси с моего лба.

— Нет, вы и впрямь пылаете! — Тася всплеснула руками. — Так не годится! Не хватало заболеть перед Новым годом! Давайте-ка я поточнее проверю вашу температуру.

И Тася приподнялась на цыпочки, чтобы дотянуться губами до моего лба.

Я в прямом смысле от нее шарханул, еле удержавшись на ногах.

— Что с вами, Аристарх Модестович? — Тася невинно захлопала синими глазками.

Я постарался взять себя в руки. И даже изобразил подобие улыбки.

— Тасенька, — прохрипел я, — ты же знаешь, ты мне как внучка. А то и правнучка. Знаю, и ты ко мне как к родному прадедуське относишься... Но не нужно чрезмерно много заботы. Я еще стою на ногах.

— Правнучка? Какая еще правнучка?!

Похоже, мои слова попали в цель. Больно ударив Тасю по ее расчетливым мыслишкам. Мыслишки на время разлетелись в разные стороны.

— Да какой вы прадедуська! Вы мой партнер по бизнесу! Да, партнер! Именно — партнер!

Слово «партнер» снова окрылило Тасю. И ее мыслишки вновь стали собираться в одно целое.

И меня это и пугало, и раздражало. Поначалу я воспринимал Тасю как легкомысленное, довольно бестолковое существо, но теперь во весь рост передо мной стояла настоящая хищница. В черном трикотажном костюме она и вовсе напоминала пантеру. А пантер я боялся еще с детства. Хотя никогда не видел.

Да, Тася пошла гораздо дальше, чем я мог ожидать. Она все ловко и профессионально рассчитала. Недаром ее парнем когда-то был бухгалтер. Всю жизнь мечтающая о богатстве, она наконец-то реально почувствовала его запах, вкус, цвет. Тратить времени на поиски богатого молодого жениха она не стала. К тому же ей за ним пришлось бы становиться в долгую-предолгую очередь. И неизвестно, возможно, так и стояла бы, пока не состарилась. К чему журавль в небе. Если я, в виде старенькой общипанной синицы, уже почти в руках (к тому же с золотой клеткой в виде приданого в придачу). И бог со мной! Меня и убивать не надо. Я вот-вот и сам в порядке очереди уйду на вечный покой. Что ж. Расчет верный. Бухгалтер ее многому научил. В отличие от философа. Впрочем, возможно, я просто бездарный был философ. А он был талантливый счетовод.

Но ее расчеты никоим образом не совпадали с моими. Я наконец-то получил долгожданную свободу. И от нее, и от своего неблагополучия, и от своего прошлого. И главное — от себя самого. Я стал другим, совершенно другим человеком. И этот другой человек меньше всего хотел в своей свободной жизни заполучить Тасю.

Но Тася, похоже, не собиралась отступать ни под каким аргументированным предлогом. Я прекрасно знал — в упрямстве она превзойдет любого. И в достижении уже намеченной цели ей равных не будет. И самое главное — она таки этой цели достигнет. Даже если оставит позади себя немало трупов.





Я признавал, что гораздо слабее ее. И рано или поздно поддамся ее верному расчету, который многократно превосходил ее чары (им я никогда не поддавался). Я со страхом даже мог вообразить себе невообразимое. И ненароком бросил взгляд на картину, висящую над столом. Это была совершенная копия работы Василия Пукирева «Неравный брак», написанная учеником художника. Поэтому стоила не на много меньше. Что ж, и мастер, и его подмастерье были в теме. И эта тема, похоже, для них так же, как и для меня, была шокирующей. Но арифметически точной и астрономически приземленной, раз они так реалистично и так грамотно смогли ее преподать. И мое воспаленное воображение уже нарисовало третью копию «неравного брака», правда, в иной интерпретации. На картине был изображен седой старец с длинной бородой и в черной беретке, надвинутой на высокий лоб. Его морщинистое лицо застыло в ужасе. Он безумно не хотел идти под венец! А под руку его держала хорошенькая белокурая девушка в костюме бизнес-леди. И в кроличьей белой шапочке вместо фаты. Она счастливо улыбалась. И ее синие распахнутые глазки лукаво кому-то подмигивали из гостей. Возможно, вон тому лопухому парнишке, нервно сжимающему в руках полосатую палочку регулировщика. Он брезгливо скривил свой курносый нос. Он единственный осуждал невесту.

Тася мгновенно перехватила мой испуганный взгляд. И бросила свой уверенный взор на картину. И мгновенно ее оценила. Она этому хорошо научилась здесь, в антикварной лавке.

— А, — ехидно протянула она, — «Неравный брак». Как же, знаю, знаю.

— Я и не подозревал, что ты так хорошо разбираешься в живописи, — не менее ехидно ответил я.

— А тут не надо разбираться. Ее все почему-то знают. Наверно, со школы запоминаются вещи, которые ничем уже не вышибить из памяти. Все знают, что дважды два четыре. Что «молоко» пишется через «о». Что Онегин отверг вероломно Татьяну, а она потом ему сказала: «Но я другому отдана и буду век ему верна». Что Анна Каренина бросилась под поезд. Что таблицу Менделеева придумал Менделеев. А Шишкин рисовал мишек в лесу, но все понятия не имеют, как его картины называются. И все знают название картины «Неравный брак», но не знают, кто ее рисовал.

— Прекрасное знание школьной программы!

— А то! — Тася гордо встряхнула головой, подперев руки в боки. Она была уверена в своих знаниях. Ей их было достаточно. В большом количестве она никогда не нуждалась. Хотя я не могу не признать, что она любила ученых людей. И благодарно их слушала с открытым ртом. Но ничему у них не училась.

Тася не любила думать. И если о чем-то пыталась соображать, то лишь о любви. Как и соображала только в любви.

— И чего эту картинку у нас не покупают? — Она вновь повернулась к «Неравному браку» лицом. Сегодня он ей согревал душу.

— Не знаю, — я меланхолично пожал плечами. Хотя весь напрягся, чтобы не пропустить двусмысленное слово и вовремя его отшвырнуть. — Может, некоторые не хотят себе портить настроение. А для некоторых она слишком дорога в цене.

— Не-а! — торжественно заключила Тася. — Вот вы ученый человек, а ничегошеньки не кумекаете в современной жизни. Хотя, конечно, быть ученым не означает хорошо разбираться в житейских делах. Ученость даже мешает. А я вот знаю, чего ее не покупают!

— И чего? — грубо передразнил я ее. Но она не заметила. Или сделала вид.

— А того, что она просто не актуальна! Ну кого сегодня удивишь неравным браком! А если честно, то вообще это детская картинка. Даже смешно. Что тут неравного? Вы посмотрите на жениха! Да он совсем еще молодой мужчина! В самый раз! Да еще при деньгах! Если хотите знать, то пройдет лет десять, и он сам бросит свою жену. И женится на еще более молодой. Вот увидите!

Интересно, как это я мог увидеть, если всегда считал, что живопись — это застывшая форма искусства.

— Я бы в жизни на такой неравный брак не подписалась!

Я от удивления присел на диван. Диван подомной провалился. Вот это да! Может, это все выдумки Сенечки? Его юношеское воображение блуждает в поисках соперника. А поскольку он ни с кем не общается, то его ревность обрушилась на меня, его единственного приятеля. Признать же, что его просто не любят, Сенечка не желает, поскольку слишком молод для подобного признания.

— Вот это верно, Тасенька, — я по неосторожности обратился к ней ласково. — Ну разве такая умная, красивая, веселая, вообще замечательная девушка, как ты, подпишется на подобный брак?

— Вы и впрямь так считаете? — Тася тут же бухнулась на диван рядом со мной. — Что я такая замечательная? — И Тася в порыве схватила мою руку. Я даже не вырывался. С каких пор я стал таким доверчивым? Разве можно верить Сенечке? Он ведь ни черта не понимает в людях. Упомянуть черта я, похоже, поторопился.

— Милый Аристарх Модестович! — защebetала Тася. А я пытался припомнить, в каких случаях она так нежно щebetала. Но не успел. — Дорогой! Я дей-

ствительно в жизни бы не подписалась на такой брак, поскольку предпочитаю мужчин постарше, чем на этой картинке. Вот как вы, например. Они гораздо надежнее...

Я как ошпаренный подскочил с места, не дав Тасе закончить свою крамольную мысль.

Она так и осталась сидеть с открытым ртом.

— Ты с ума сошла! — закричал я на нее. Но при крике мой голос почему-то молодец. И я вовремя остановился. И уже приглушенно затараторил: — Ты с ума сошла! Да как ты смеешь даже такие мысли допускать! Испорченная девчонка! Соплячка! Я вообще никогда не был женат! И считаю это одним из своих достоинств! И как ты посмела... Посмела! Даже намекнуть! Да, я слишком стар, но еще не настолько, чтобы выжить из ума! И не допущу, чтобы ты тут меня с ума сводила! Как можно тебе вообще доверять! Самое лучшее, что ты сейчас можешь сделать, — это уйти!

Мне от всей души хотелось схватить ее за шкирку и вышвырнуть на улицу. Она это почувствовала. Вскочила с места. И, похоже, испугалась не на шутку. Я никогда не позволял себе подобного тона, даже когда еще не стал стариком.

Тася медленно попятилась к двери.

— Мне и правда уйти? — пролепетала она, чуть заикаясь.

— Куда правдивей! И хорошенько запомни один совет, девочка. От старика. Не лови там, где работаешь. И не словишь ничего, и место потеряешь!

— Но ведь я ничего еще не потеряла? Да? Во сколько мне завтра приходиться? Как всегда? — Тася умела отсекал невыгодную ей информацию.

— Нет! — выкрикнул я молодым голосом. — Никуда тебе приходиться не надо! И тем более сюда! И никогда!

Тася не уловила мой молодой голос. Она была слишком напугана. Поспешно натянула на себя белую кроличью шубку и белую шапочку. И выскочила за дверь. Ее блестящие пакеты остались валяться на полу.

Я приблизился к окну. Мимо витрины быстрым шагом шла Тася. Ее высокие каблочки так громко цокали, что мне казалось, я отчетливо слышу их стук. Снежинки медленно и печально кружились в воздухе. И падали на белую шубку и шапочку. Отчего они выглядели еще пушистее. Тася напоминала испуганного зайчонка, которого вот-вот подстрелит старый опытный охотник. И быть подстреленной она не хотела. И не могла допустить. В этом была вся Тася. Зайчонок умел спрятаться от опасности. И покачал на каблучках еще быстрее.

Тася прыгнула к Сенечке, который, как всегда, стоял на перекрестке, отражая палочкой атаки железных акул. И уткнулась носиком в его грудь. И я

видел, как ее плечи тряслись от рыданий. А Сенечка, красный от мороза, нежно гладил одной рукой ее рыжие, запорошенные снежком волосы, выбивающиеся из-под шапочки. А другой рукой указывал верный путь машинам. Которым, по большому счету, было плевать на его указания. И они сами выбрали свой путь.

Охотник не подстрелил зайчика. Это был плохой охотник. Он промазал. Зайчика подобрали, пожалели и поверили в его беззащитность.

Тася и Сенечка так и стояли в обнимку. Мимо проносились машины, сверкая гневно круглыми желтыми глазами. И печальные снежинки превращались в хлопья снега, а хлопья снега — в свирепую рвущуюся метель. Казалось, она вот-вот закружит в вихре Тасю и Сенечку. И унесет в снежную неизвестность. Но случится ли это на самом деле, я узнать не смог. Поскольку из-за метели уже ничего не мог разглядеть. И отошел от окна. И только тогда подумал: почему я так разозлился? Неужели я злился не на то, что у меня вот-вот отнимут свободу, а на то, что ее так мне легко смогли предоставить? Что парень Гришка был забыт раз и навсегда, словно его никогда и не существовало на свете. И его, этого симпатичного, молодого философа так легко вот-вот заменили бы стариком. И неужели так легко человек заменим? И так легко забывается? В таком случае зачем мы вообще появляемся на этой земле? Если мы так фрагментарны. И зачем мы так долго живем? Если жизнь всего лишь — один кадр многомиллионной пленки. И зачем мы так много наживаем вещей — если они достанутся в итоге не нам. И зачем так много у нас родных и друзей, если мы с ними все равно расстанемся. И забудем. Или они забудут нас. И зачем мы вообще любим, если любовь все равно гораздо короче жизни. И не только ее. А гораздо короче всего, что эта жизнь нам может предоставить. Любовь — это самое короткое, что есть на свете. И кажется, самое бессмысленное. Но понимаешь это тогда, когда она нас покидает. Когда по ней уже не плачешь. А на душе только терпкая досада — зачем, зачем я столько времени потратил на любовь. Как-то на другое время тратить не жалко.

Что ж. Я еще раз убедился, насколько старик был прав. Только одиночество — самая надежная вещь на земле. Никто не предаст. И ты никого предать не сможешь. И никто не сможет забыть, и ты никого не забудешь. Нужно учиться жить одиноким. Ведь все равно рано или поздно каждый остается один. И только одиночество может даровать подобие вечности и бесконечности. Как застывшая форма искусства.

Впрочем, нужно успокоиться. Чего я так разволновался. Если я даже не любил Тасю. И не собирался любить. Вот еще одна особенность проклятой люб-



ви. Даже когда не любишь — все равно обижаешься, что тебя легко забывают и легко бросают.

Я огляделся. Дом выглядел как никогда пустым. Хотя я частенько оставался один. Все-таки сознание того, что Тася больше не вернется, делало дом пустым по-настоящему. Возможно, потому, что, в отличие от старика, вещи еще не сумели полностью завладеть моим сознанием и моим бытом. Возможно, потому, что понимание исключительного одиночества пугало меня, делало незащищенным. Впрочем, скорее всего, придется на время закрыть лавку. Без Таси вряд ли торговля пойдет успешно. К тому же кое-какие сбережения уже у меня были. И оставались сбережения старика. Он не держал деньги в банке. И это позволяло на некоторое время лечь на дно.

Вскоре табличка «Закрито» висела на входной двери. Вскоре она была запорошена снегом. Я бросил взгляд на елку. Она так и стояла, пушистая и ненаряженная. Оттого выглядела незащищенной. Словно в лесу она, укрытая от людских глаз, могла себе позволить быть без одежды. А в городе, в чужой квартире, ей непременно нужно было прикрыть свою наготу. Нарядить ее, что ли? Нет. Елку я не наряжал с детства. И теперь мне казалось, если я дам слабину, то Новый год придется встречать одному. Я готов был смириться с одиночеством, но не в новогоднюю ночь. Мне казалось, я непременно дождусь того, кто нарядит мою елочку. Хотя эти мысли были нелепы. Кого я мог дождаться? Деда Мороза? Снегурочку? Или Тасю? Все они были одинаково неправдоподобны в моей жизни.

Я выключил свет, завел старенький патефон с Моцартом, забрался с ногами на диван. И попивая мартини, украденное из Тасино пакета, долго любовался мигающими огнями улицы, возле которых весело кружились в танце снежинки. Я пил под сумасбродную, но гармоничную музыку Моцарта. Убеждаясь и убеждаясь, что в каждом хаосе есть своя логика.

Две недели меня никто не тревожил. Хотя табличка «Закрито» была видна неотчетливо, поскольку ее полностью залепил снег. Не знаю, радовался ли я своему отпуску за свой счет или печалился. Во всяком случае, я добровольно себя отпустил, и счет мне не был предъявлен. В моей душе поселилось предновогоднее умиротворение, которого и не бывает перед Новым годом. Я не видел суеты толпящихся в магазинах людей, не слышал сирен машин, мне в лицо не ударяли огни уличных елок и цветных гирлянд. Я был предоставлен сам себе. И даже казалось, так будет всегда. Я забыл про убитого антиквара, наверное, потому, что не просто мое преступление осталось незамеченным и безнаказанным, а скорее

потому, что я сам стал антикваром, и более того — в это искренне поверил. Но даже если я игнорировал факт преступления, это не означало, что этого факта не существовало.

Я забыл про Сенечку и Тасю, которые наверняка объединились в общую команду против меня. Но они меня не тревожили, поэтому для меня этой вражеской команды как бы и не существовало. Если что-то не видишь или что-то не слышишь, это не значит, что его нет. Но, во всяком случае, можно вообразить, что его нет. Так мне казалось. И я так ошибался. Если у меня не было врагов, это не означало, что меня не было у них.

Конечно, меня немного удивило, что Тася не прибежала за своими блестящими пакетами. Я понятия не имел, что там. Просто выпил ее запас мартини, нащупав через сумку. К тому же я Тасе был должен. Не просто вырубку. Но и скандал, который бы она никогда не пропустила, имея хоть малейший шанс его допустить. И вряд ли бы она шанс со мной рассчитаться проигнорировала. Они и не упустила, и не пропустила, и не проигнорировала. Но это я узнал чуть позднее.

С Сенечкой все было понятно. Он просто обижен. Хотя я и не виноват. И хотя это именно его, а не меня обнимали на заснеженной дороге, прижимаясь пушистым кроличьим воротничком к его румяной щеке. Я частенько видел Сенечку через замороженную витрину. Он по-прежнему, как оловянный солдатик, стоял посреди ледяной дороги, среди бурного железного потока машин, отбиваясь от них единственной тоненькой палочкой. И как ему только не страшно? Ведь его в любой момент могли сбить. Элеонора Викентьевна была права. Он заслужил медаль. Или орден (я до сих пор не знаю, в чем отличие, хотя, наверное, знать должен, пускай не получал ни того ни другого). Но Сенечка отчаянно отбивался. Помню, как-то, стоя возле замороженной витрины от антиквара с бокалом мартини от Таси, я подумал: бесстрашный парень! Ведь он даже понятия не имеет, кто за рулем. Вдруг пьяный вдребезги. Вдруг озлобленный на весь мир. Вдруг просто сумасшедший. А вдруг просто любитель сбивать людей только потому, что они имеют дурную привычку ходить, а не ездить. Как знать?

Впрочем, Сенечка не более бесстрашен, чем все мы. Вдруг мы работаем плечом к плечу с маньяком? А в очереди стоим плечом к плечу с грабителем банка. Вдруг нас принимает врач-убийца? Вдруг наш поезд ведет машинист-самоубийца? Вдруг наш сосед мечтает ночами взорвать дом? Вдруг мы смеемся над фильмом, который снял шизофреник? И плачем над книгой фашиста. Вдруг мы живем не в сумасшедшем мире, как это красиво и поэтично все на-

зывают. А в сумасшедшем доме. И каждый из нас помещен в свою палату. И у каждой палаты свой санитар. Одно неверное движение — и... Просто когда-то слово «дом» заменили словом «мир». И нам стало легче. А вдруг нам откроют правду? И все станет на свои места. И как мы будем жить? Неужели так же? Потому что мы все среди них? Или они среди нас. И нам легче принять сумасшедший дом. Чем его отрицать. И нам легче жить в нем. Потому что другое мы уже не сможем построить. Не потому что сумасшедшие. А потому что так легче.

Но Сенечка и не собирался думать о таких сложных и запутанных вещах. Он вообще редко думал. И теперь он думал, скорее всего, о Тасе. И это для него было много. И очень бесстрашно. Потому что ни сумасшедших машин, ни сумасшедшего мира он не боялся. Впрочем, возможно, это было самое безопасное. Во всяком случае, для него.

За эти две недели я действительно отдохнул. Правда, были некоторые неприятные моменты. Но, как это бывает, я тогда и не подумал, что они неприятные. Я подумал, что это так, просто случайность, любопытство, глупость или черт знает что. Я помнил про черта в графине. По мере убывания жидкости — он уменьшался. По мере убывания дней уменьшаются и страхи, и подозрения.

Несколько раз в мою заснеженную витрину заглядывали. Причем по очереди! С точностью секундомера — то одна, то один. Это была супружеская пара. Кажется, их фамилия... Нет, точно не помню фамилию. В районе их называли парочкой Косулек. Возможно, все же их фамилия была Косулевы. Думаю, красивая фамилия. Я немало знал людей с красивыми фамилиями, но так и не узнал, насколько они сами красивы. Впрочем, наверно, я слишком мало прожил, чтобы узнать. А иногда, мне кажется, это был их псевдоним. Ну, знаете, как у художников, композиторов, ученых. Почему бы не у поваров? Готовящих на жаркое косуль? Которые совсем недавно были живыми. Логично.

Так вот они, эта парочка Косулек, попеременно вдруг стали заглядывать в мое заснеженное окно. Благо оно было заснеженным! Мне не очень хотелось созерцать их красные, помятые рожи, которые не очень соответствовали ни фамилии, ни прозвищу.

На углу, справа от моей лавки, напротив цветочного магазинчика располагался их ресторанчик «У Косулек». Элитный ресторанчик. Нет, это, скорее, сказано для журналов с блестящей обложкой. Ну, такой маленький... бутик (я уже выражаюсь, как Тася). Ну, не бутик, а забегаловка по продаже мяса. Мяса косулей, оленей, ланей, лосей и им подобных краснокнижных товарищей. Косулек. Которые с пылу да жару — прямо на стол. Впрочем, мне

не было дела ни до торговцев мяса, ни до их бутика. Но как-то щемило сердце при взгляде на вывеску, на которой сияло фосфорической краской: «Умчи меня, олень, по моему хотенью!» Я не знал, куда мог умчать кого-то мертвый, посыпанный перцем и базиликом олень. В тупик? Ну, может, разве ананасовый соус мог растопить мечту о свободе?

Я понятия не имею, откуда они брали такое элитное мясо. В наших краях явно не водились подобные животные. Но Косулевы почему-то их доставали. Почему — стоит ли углубляться в понятия, на которые не найдешь ответ. Причем никогда!

Как-то, по глупой случайности начисто забыв, что я старый-старый антиквар, я заглянул в их лавку

Это было невообразимо! Мне даже стало неудобно! Нечасто встретишь такое радушие! Меня поразил этот ресторанчик. При всем своем неудобстве и, мягко говоря, ущербности квадратных метров он и впрямь умудрился выглядеть элитным. Даже имелись бархатные шторы и золотые рыбки в маленькой имитации пруда! Но главное — на витрине прыгал игрушечный олененок, который тут же превращался с помощью спецэффектов в весьма аппетитное блюдо.

Помню, я был очень голоден. Запасы моего одиночества закончились. И я заказал олененка. Без зазрения совести. Не все ли равно, цыпленок, олененок или поросенок? Все когда-то были живыми. Но я знал толк в пище. Это была свинья. Явное надувательство! Я не устроил скандал, не потребовал назад деньги. Я просто смотрел на прыгающего в витрине олененка и очень жалел свинью. Помню, чуть не расплакался. Ей даже после смерти не удалось быть собой и вкусить похвалу и славу. Слава досталась другому. Впрочем, разве каждому удается иметь свою славу? И намного ли больше повезло олененку? Как знать...

А парочка Косулек все раскланивалась предомной, делала реверансы. Вообще они были удивительно похожи. Я даже считал, что можно позавидовать их счастливому во всех отношениях браку. Словно два близнеца. Одного роста — маленькие, круглые, краснощекие и почему-то оба белокурые и кудрявые. Вот уж воистину говорят, что муж с женой с годами становятся похожими. Впрочем, к ним подходила и другая поговорка: муж и жена — одна сатана.

А они все услужливо раскланивались, но при этом почему-то смотрели на меня как-то косо. И тут меня осенило! Они же к тому же оба косоглазые! Вот, возможно, откуда возникло это прозвище — косульки. Бедные животные тут были ни при чем. Как ни при чем и «осанка», и «благородные» черты лица этих двух увальней. Разве что еще фамилия...



— Ах, Аристарх Модестович! — не говорила, а просто пела Косулька-жена. — Это такая честь для нас. Впервые! Посетить наш замечательный ресторан! Вы, такой загадочный, такой аристократичный! Наш рейтинг непременно повысится! Мы непременно вам сделаем скидку! Солидную скидку для такого солидного человека!

— И непременно повесим вашу фотографию на стенде почетных посетителей! — пропел своей жене в такт Косулька-муж. — Там уже висят знаменитости нашего района! Вы только посмотрите! И глава управы, и адвокат, и главврач, и визажист, и директор супермаркета, и руководитель стройтреста. И начальник похоронного бюро...

В общем, весь набор, необходимый для полноценной жизни парочки Косулек. И для полноценной смерти. Только при чем здесь я? От доски почета я вежливо, но категорически отказался. А от скидки нет. Она оказалась не такой уж солидной.

Косульки, так же кланяясь попеременно и косясь в мою сторону, проводили меня до двери. Уговаривая стать постоянным посетителем их бутика, в котором подают великолепную оленину. И я вновь с грустью подумал о несправедливо обиженной свинье. Больше моей ноги не было в их ресторанчике. И не потому, что мне было жаль обиженную свинью или замещенного ею оленя. Просто мне не нравилась эта краснощекая румяная парочка. Страдающая косоглазием.

Вот это они и косились попеременно в мою заснеженную витрину, когда на двери висела табличка «Закррито». И я не обратил на это особенного внимания. Вдруг им просто нравилась моя антикварная лавка. Что тут может быть удивительного. Мало ли что людям нравится, даже если они повара. И мало ли какое у них может быть хобби, даже если они мясники.

Мой отпуск был недолгим. И спустя две недели прямо с утра (слава богу, уже рассвело, в свете как-то легче воспринимать свалившиеся события) в мою дверь настойчиво и громко застучали.

Ну сколько раз говорил себе — почистить табличку! Наверняка любители антиквариата! Прямо с утра! Ну как можно с рани, такой снежной и такой холодной, вообще что-то любить! Даже если ты фанатичный коллекционер.

Я наспех причесал свой спутавшийся парик, нахлобучил беретку и, шаркая, пошел открывать.

На пороге стоял высокий мужчина. В разрезе утра, перемешанного со снежинками и бликами замерзшего солнца, он выглядел... ну прямо из сказки Андерсена Каем. Безусловно, взрослым и постаревшим Каем. У которого так и осталась вместо сердца ледышка. Нет, с возрастом она переросла в глыбу

прозрачного льда. Я даже поежился. Мне на миг показалось, что он вытащит свое холодное сердце и запустит им в мою голову.

От страха я тут же пригласил его в дом. При комнатном свете страх улетучился. Мужчина выглядел вполне реальным. Красивым, с правильными чертами лица, прямым носом. Его умные, очень голубые глаза мигмом могли оценить обстановку. Я знал такой взгляд. Такого взгляда нужно... ну если не бояться, то всегда быть начеку. Этот взгляд ничего не упустит. И от такого взгляда всегда веет таким легким, слегка снобистским холодком. Недаром в моей комнате похолодало, меня даже зазнобило. Я машинально набросил на плечи клетчатый плед.

— Роман, — представился он низким хрипловатым голосом.

Ему удивительно подходило это имя. Не зря он мне напомнил персонажа Андерсена. Роман. Он точно мог стать героем романа. Возможно, благородным, удивительно уравновешенным или просто флегматичным героем романа, который все подмечает, замечает, но не сразу раскрывает свои карты. Ей-богу, если бы я был романистом, я бы непременно с него списал образ. Настолько мне он понравился. И с удовольствием сам бы про него и прочитал. Но романистом я не был. И мой роман жизни был и не мой вовсе. Этакий плагиат. Списанный у настоящего автора — антиквара. И мне приходилось довольствоваться лишь жалкой ролью интеллектуального вора.

Я назвал ему в ответ свое имя-отчество. Аристарх Модестович. И мне оно показалось настолько несуразным, надуманным, вычурным, что стало смешно. Словно произошла встреча двух персонажей. Одного из классического, серьезного произведения. И второго из какого-то дешевого водевиля, уличного фарса. Мне стало даже обидно. И я не преминул эту обиду как-то обставить в свою пользу. Вдруг и у него дурацкое отчество?

— Извините, мы не знакомы, — тоном аристократа заявил я. — И позвольте полюбопытствовать, как вас величают по батюшке.

— Величают? — Он широко улыбнулся. У него к тому же была безупречная, белозубая обаятельная улыбка. Мне было до такой улыбки далеко. Я вообще не любил улыбаться. — Мое отчество Романович. Довольно просто. Но еще проще, если вы будете величать меня по имени. Все же я намного младше вас. А вы такой солидный, уважаемый человек...

«Солидный и уважаемый» прозвучало, по моему уязвленному мнению, так, словно меня только что обозвали старым придурком. Я, безусловно, преувеличивал. У моего гостя и в мыслях такого не было. Он вообще никогда наверняка не выражался. Но

все равно мне стало грустно. Учитывая, что на самом деле он был меня старше лет на пятнадцать, не меньше. Но не мог же я от обиды вот так, с пылу, с жару, во всем признаться? Я уже упустил время для признания. И меня оно особенно сильно не мучило.

Роман медленно, величаво, даже подчеркнуто безразлично прошелся по антикварной лавке. А его взгляд (я это видел!) цеплялся за каждый предмет дома, каждую антикварную вещь, каждую случайную деталь. Его взгляд ничего не упускал. И в моей комнате еще больше похолодало. И я подбросил поленья в камин.

— У вас висит табличка «Закррито», — наконец обратил он ко мне. — У вас проблемы? Или это недоразумение?

— Ни то ни другое. — Я чувствовал, что отвечаю, как школьник. — Просто я взял для себя отпуск. Я сильно устал. В зиму человек... человек моего возраста особенно устает. Вы понимаете... Впрочем, возможно, и нет. Вам до моего возраста еще ох как далеко. Вы же человек далеко не моих лет (почему-то я сказал это с завистью, хотя по-прежнему был младше его).

— Не ваших. Но понимаю, — достойно ответил он.

Иногда мне казалось, что он вообще все понимает. Только что именно? И попытался перевести разговор на более приземленную тему. Купли-продажи. Мне так хотелось, чтобы он оказался всего-навсего заядлым коллекционером. И почему, почему, только увидев его, я в этом засомневался? Ведь у него такой respectable вид. Возможно, потому, что с такого раннего утра антикварные лавки не посещают respectable люди?

— Для вас, безусловно, я сделаю исключение.

Я так старался быть на него похожим! Старался говорить так же спокойно, чуть лениво, беспристрастно. И в то же время умно.

— Вас что-либо конкретное интересует?

Он сделал медленный поворот головы в мою сторону. И пристально на меня посмотрел.

Я заторопился. Что, ну что, черт побери, его может заинтересовать?! Главное не ошибиться! Графин из венецианского стекла? Нет, он не пьяница. Колокольчик? Нет, он кто угодно, но не лакей. Картина «Неравный брак»? Нет, он не опустится до неравного брака. У таких, как он, брак в любом возрасте и при любом раскладе вещей будет равным. Ну что, что, что?!

— Возможно, вас интересуют карманные часы, принадлежавшие ближайшему другу Андерсена? — неожиданно для себя вдруг выпалил я.

Он лишь взметнул густыми бровями. Взметнул. Подержал их немножко на взлете. И все.

— Они позолоченные, — торопливо добавил я, совершив главную ошибку профессионала. Позолота

для подобных часов, к которым прикасался великий сказочник, не имела никакого значения. — Вы не хотите взглянуть?

Он, естественно, не хотел.

— Возможно, позднее. Часы и есть часы. Только время. А время движется лишь в одну сторону. И не в самую благоприятную. В том числе и для Андерсена. Его, к сожалению, уже забывают.

— Но, к счастью, таланты не угасают! — Я грудью встал на защиту сказочника.

— Безусловно, таланты не угасают. Но угасают их поклонники. И это для талантов не менее печально, чем если бы угасали они. Поскольку, как ни прозаично и приземленно звучит, таланты, гении, личности держатся на обычных людях. И что еще обиднее — на простых обывателях. Впрочем, земля и небо — это одно целое. И это неоспоримо.

В комнате по-прежнему было холодно, но меня почему-то бросило в жар. Я разволновался. Я вдруг физически, до зубной боли почувствовал опасность, исходящую от этого человека. И он вновь на секунду взметнул брови. Похоже, это было для него единственное выражение удивления. Он понял мой испуг. Он все понимал! И тут же широко улыбнулся своей обаятельнейшей улыбкой. Мне полегчало. Жар спал. Словно он прикоснулся холодной рукой к моему пылающему лбу. И все, все прошло. Я даже присел в кресло и вытер капли пота со лба.

— Меня действительно очень заинтересовали ваши вещи, — продолжал улыбаться он. — Я вообще большой поклонник истории. Историю не исправить. Не в этом ли ее преимущество? В отличие от действительности, которая так несовершенна и над которой нужно работать. Но — как и кому?

Я плохо вслушивался в его философичный монолог. Но его голос — ровный, гладкий, как ополоснутый поутру асфальт — ничего лишнего. Как прямая дорога, по которой можно ехать без опаски, потому что ты один на дороге и все лишь зависит от тебя. Его утренний, промытый, вычищенный голос действовал на меня, как легкий транквилизатор. И почему я так взбунтовался, так разволновался? Он обычный коллекционер, каких тысячи. И все эти тысячи с маленькими причудами. Иначе бы они не были коллекционерами. Любое хобби — зависимость, любая зависимость — некоторое отклонение от нормы. Безопасное отклонение в этом случае.

— Вы что-то сказали про историю? — я настолько успокоился, что решился на светскую беседу. — Или про вещи?

— Что одно и то же, разве не так? Застывшая форма. Можно сказать — смерть, а можно — бессмертие. Что тоже одно и то же — разве не так?



- Но смерти все боятся, — возразил я.
- Бессмертия боятся не меньше.
- Но мы ведь не знаем, что будет после смерти?

Это и вселяет страх.

— Но мы и не знали, что было до нашего рождения. И почему это не вселяет в нас страх? Почему мы так боимся небытия, если небытие для нас уже было.

Безусловно, он коллекционер. Коллекционеры все немножко философы. Они живут в застывшем времени, собирают его, молятся на него и часами в ночи при свете полной луны над ним философствуют. У них нет времени. Или для них оно бесконечно. Что одно и то же. Наверное. Таким был антиквар, которого я когда-то убил. И который уже в небытие. Или, наоборот, в бесконечности бытия. Что одно и то же.

Я давно не философствовал. Мне этого не хватало. Как когда-то не хватало Таси для того, чтобы избавить меня от всей философии на свете.

Но с этим человеком, который просто вышел из классического романа, мне было очень приятно вести беседу. Как жаль все же, что я не романист. Ну классный бы получился персонаж!

Я настолько обрадовался случайному гостю, что предложил ему выпить. О деле потом. Вещи не убегают. Вещи не умрут. И вещи долго могут ждать. В этом их преимущество перед людьми.

Роман согласился. И сделал большой глоток коньяка.

— И все же, конкретно чем вы интересуетесь? Ну хотя бы в рамках моего скромного маленького ларца истории.

Я небрежно развалился в мягком кресле, забросив ногу на ногу и с наслаждением пуская дым от сигары в потолок. Сегодня я во всем сделал исключение. Я даже позволял курить в лавке. Настолько мне было хорошо. Меня всегда несло, когда нравился человек, мне настолько хотелось сделать ему приятное. Что я не знал меры. И я предложил, ну прямо как парочка Косулек:

— Для вас я сделаю исключительную скидку. На любой товар. Для солидного человека — солидная скидка. — Я даже содрал сленг у Косулек. — Только, пожалуйста, конкретнее. Я понял, что вы все успели оценить (пусть не думает, что я не уловил его цепкие взгляды, я тоже не промах). Что вас зацепило? Что легло близко к сердцу? Что вас интересует?

Он широко улыбнулся. Обаятельно, мило, дружелюбно. Наверное, обрадовался скидке, ну и пусть, я не жадина, для хорошего человека ничего не жалко! И тихо (это его стиль), спокойно (как всегда), благородно (как он умеет) ответил:

— Меня интересует Григорий Карманов.

Знаете, если бы висело ружье, оно бы непременно выстрелило. Впрочем, оно и висело. Помповое

ружье с креплением для штыка конструкции Джона Браунинга. Прямо из окопов Первой мировой. Оно давно не стреляло. Но выстрел раздался.

Мне даже показалось, что в комнате запахло порохом. И первое, что я сделал после шока — повел носом, тщательно приносясь. Но, слава богу, ошибся. В комнате пахло коньяком и антикварными вещами, на которых застыло слегка перебродившее время.

Это хорошо, что от шока первым делом я повел носом. Реакция была непринужденной и естественной. Мало ли почему я так сделал? Мол, нет мне дела ни до какого Григория Карманова, поскольку я и понятия не имею, что это за фигура. И в этот промежуток времени, пока я приносивался, я сумел сосредоточиться и более или менее взять себя в руки, хотя внутри все перевернулось. Словно пуля таки угодила прямо в живот.

— Извините, что вы сказали? — Это был правомерный вопрос для человека, которому на данный момент интереснее всего, чем пахнет в комнате. И еще активнее повел носом.

— Меня интересует Григорий Карманов, — так же невозмутимо ответил мой гость, не отрывая от меня своих прозрачных холодных глаз.

Я наморщил лоб. Как еще можно сделать вид, что вспоминаешь.

— Григорий Карманов... Григорий Карманов... М-да, — задумчиво протянул я. — А я так всегда гордился своим образованием. Казалось, ни одна историческая личность не прошла мимо моего внимания. Григорий Карманов, пожалуй, прошел. Кто он был? Художник, скульптор, писатель, политик? Или друг подобных известностей? Нет, не припомню. Стыдно, но припомнить не могу. Воистину говорят: век живи — век учись. Я уже почти век прожил, а века, оказывается, мало, чтобы всему научиться.

— Ну, это вы зря преуменьшаете свои знания, — так же спокойно ответил Роман. — Думаю, с этим багажом у вас все в порядке. Не следует копаться в веках минувших. Да и нынешнему веку не стоит делать вскрытие. Все гораздо проще. Вспомните последние месяца три. Три с половиной. Точнее...

Он заглянул в записную книжку и назвал точную дату. Дату, когда было совершено убийство. Дату, которую я сознательно вычеркнул из памяти. А он ее вписал в свою записную книжку.

— Я вас не понимаю. — Я старался говорить не просто как он — спокойно. Но еще холоднее, чем он. — Извините, но мы говорим о вещах, которые не имеют точки соприкосновения моей и вашей памяти. Вы говорите, словно я уже должен знать что-то. Не учитывая, что я понятия не имею, о чем речь. Прошу вас, выражайтесь яснее. Помните, что перед

вами человек, который на данный момент находится в полнейшем неведении. Исправьте это.

— Легко. Мы разыскиваем человека по имени Григорий Карманов, пропавшего... — И он вновь взглянул в свою записную книжку и назвал дату. Хотя я уверен, он ее мог и во сне повторить. Такие, как он, все запоминают с первого взгляда.

Я развел руками, как и полагается в таких случаях.

— Поймите, здесь лавка вещей. Старинных вещей, каждая из которых имеет свою историю. Но не людей без истории. Думаю, как человек проницательный (я нарочито это подчеркнул, мол, я его сразу раскусил), так вот, как человек проницательный вы должны были заметить, что я живу одиноко. И гости в моей скромной обители редко бывают.

Впрочем, здесь я дал промах. При чем тут гости, если это торговая лавка, где покупатели бывают уж точно. Он на лету ухватился за мою оплошность.

— Я не говорю о гостях. Гости меня не интересуют. Я говорю о покупателях. Разве они не посещают ваш антикварный магазин?

— Посещают. Но довольно редко.

Я вновь сделал промашку.

— Ну что ж. Это только облегчает дело. В таком случае вам легче будет припомнить этого человека.

И он стал нащупывать свои карманы. Он так тщательно их нащупывал, словно их у него было тысячи. А всего-то — карманы в брюках, рубашке и пиджаке. А костюмчик английский, почему-то некстати подумал я, словно в английском костюме проще было отыскать нужную вещь. Вот, я так и знал, он нашел то, что ему нужно непременно во внутреннем кармане. Прямо смешно! Он прекрасно знал, что это там и лежит. Этот человек знал все. И все умел раскладывать по своим местам.

— Григорий Карманов собственной персоной. — Он протянул мне фотографию.

Не знаю даже почему, но я уже хорошо владел собой. Возможно, это был некоторый протест против моего непрошеного гостя. Возможно, какое-то мальчишество, желание доказать, что я совсем его не боюсь. И я не менее уравновешен и благороден. И тоже вполне, вполне могу стать героем чьего-нибудь романа. На каждого человека найдется свой автор. И на каждого автора — свой человек (!).

Я взял фотографию из его рук. Я прекрасно был подготовлен к этому. И прекрасно знал, что это будет именно мое фото. Что ж, Тася постаралась на славу, предоставив именно эту мою физиономию. Она была настолько четкой, что казалось, сверху по изображению еще кто-то намеренно прошелся карандашом. Чтобы подчеркнуть мои и без того резкие черты лица. Зеленые глаза и темные волосы. Тяжелый подбородок и ровный нос. И даже малень-

кая родинка на левом виске была удивительно видна. Это действительно была одна из самых удачных моих фотографий. Я вообще мало верил в эту чушь, что по фотке можно легко найти человека. Миллион найдется похожих на нас людей. Ну, только если не шрам на пол-лица или бородавка на носу. А так... Чтобы отличить в толпе незнакомца, нужно по меньшей мере хоть раз за ним понаблюдать. Его походку, манеры, жесты. А остальное — случайность или сказки для любителей детективов.

И все же, по всем правилам игры, я стал тщательно рассматривать свою фотографию. Я морщил лоб. Чесал за ухом, тербил приклеенную бороду. Я даже хотел понюхать фото. Но вовремя сообразил, что не стоит преувеличивать.

— Увы, — глубоко вздохнул я, словно очень сожалел, что мне так и не пришлось познакомиться с этим человеком. — Я его вижу впервые.

— Возможно, просто вам стоит надеть очки? Я не хочу подчеркивать ваш возраст. Но все же...

Вот здесь я внутренне напрягся. Черт побери! Мне ни разу не пришла в голову мысль об очках! Антиквар действительно был очень и очень стар, но почему, почему мне не попадались на глаза очки?! И мысли кувырком, вихрем, бурей, ураганом пронеслись в моей голове. И среди этого хаоса я вспомнил нужный мне эпизод. Когда старик предлагал мне посмотреть на ручку Ржешевского, акцентируя внимание на стальное перо. Он, черт побери, не надел, ну не надел очки! Он прекрасно все видел.

И я мгновенно успокоился и расслабился. Меня на мякине не проведешь.

— А вы знаете, молодой человек, — я даже снисходительно усмехнулся, — я прекрасно, к вашему удивлению, вижу. И мне могут позавидовать многие молодые. Впрочем, в молодости я был близорук. Очень близорук. Сами понимаете — профессия. Скрупулезное разглядывание мелочей. И при этом вечное напряжение — что-либо не упустить. Мои глаза ничего не упускали. Но именно поэтому зрение ослабло. Но с возрастом... Думаю, вам знакомы подобные случаи. Когда сильная близорукость плавно переходит в состояние дальновидности. У некоторых она остается, и им прописывают другие в придачу линзы. А у некоторых на каком-то этапе останавливается. Как бы, проще говоря, близорукость сталкивается с дальновидностью и зрение восстанавливается. Ни шага вперед, ни шага назад. Полнейшее равновесие. Мне очень повезло. Это со мной и случилось. Возможно, бог воздал мне за кропотливый труд. Возможно, сам труд победил мою незрячесть. Возможно, сама история захотела, чтобы я лучше ее видел. В старости. Когда уже приобретаешь много опыта, но, увы,



и много болезней. Во всяком случае, от одного недуга я избавился.

— Похвально, — он искренне похвалил меня.

Интересно, а сам он очкарик? Впрочем, уже не интересно. Мне нужно было, чтобы он поскорее смылся. Тася таки ловко отомстила мне! Таки заявила на мою пропажу! Только я недоумевал, каким образом она так обтяпала, чтобы искали меня именно здесь, у меня. Она ведь и понятия не имела, как я провел тот осенний дождливый день! И на улице было — ни души. Ливень хлестал! И я от холода, по чистой случайности, заглянул в лавку антиквара. Нет, нет и нет. Это просто месть Таси за то, что я ее уволил. И не больше. Просто доставить мне мелкие неприятности. У них нет никаких улик. И я должен окончательно успокоиться.

И едва я окончательно успокоился и даже встал, давая понять, что наш разговор окончен, как увидел через витрину парочку Косулек. Которые откровенно косились в мою сторону. Такие же кругленькие, румяньенькие, кудрявенькие. Мне вдруг захотелось представить, как бы они смотрелись на сковороде. Но представить столь занимательную картину я не успел.

Роман сделал жест рукой. Косульки исчезли из поля зрения и через секунду возникли в фокусе моей комнаты. Нарочито шумно топчась на пороге, сбивая мокрый снег со своих сапог. Самое удивительное, что и сапоги у них были почти одинаковые. С широким голенищем, гармошкой и скривленные сбоку от подошв. Спецдежда, что ли?

— Проходите, — Роман вновь сделал этот дурацкий жест рукой. Впрочем, он, надо признать, выходил довольно красивым. И с каких пор он так красиво распоряжается в моем магазине? Понятия не имея, что он не мой.

Косульки мелкими шажками в своих кривеньких сапожках подобострастно подбежали к сыщику.

— Расскажите, граждане, что вы видели в этот день. — Роман вновь вытащил свою книжонку и вслух зачитал дату. Все-таки плохо у него получается играть в рассеянность и забывчивость.

— В этот день, — шумно и радостно выдохнула жена-Косулька, словно раскаленный самовар, — в этот день мы видели, как к антиквару... — Она тут же себя отредактировала: — ...к нашему глубокоуважаемому господину антиквару, нашему, так сказать, почтенному соседу по торговому бизнесу, нашему старожилу района, нашему...

И вновь легкий и красивый жест Романа, попростому означавший: заткнись, дура, и ближе к делу.

Косульки, похоже, на всякий случай решили оставить себе пути отступления, раз начали с песни оды моей персоне.

— Да, так вот, к нашему глубокоуважаемому Аристарху Модестовичу заходил молодой парень.

Роман вновь долго копошился в своих карманах. Наконец нашел мою фотку. Она мигом оказалась в пухлых ручках Косулек.

— Да, да, он, он и заходил. И родинка вот эта на левом виске. — Косулька бесцеремонно ткнула жирным пальцем прямо в мою родинку. Мне казалось, что она ее вот так, запросто, раздавила. И висок запульсировал. И сильно заболел. Я машинально схватился за него. Благо под моими седыми длинными волосами родинку было совершенно не видно. И благо она оказалась на месте.

Вот наглые лжецы! Как она могла разглядеть родинку в тот пасмурный, дождливый день! Когда и антикварную лавку я с трудом разглядел! Разве что тучи, которые вот-вот могли свалиться на голову! Но о погоде я упомянуть не мог. Я же не помнил. Пока не мог.

— Боюсь, вы ошибаетесь, многоуважаемые, — в такт им ответил я. Приблизился к красному дубовому столу и стал в нем рыться, медленно и важно, подражая Роману. — Вот, какое, вы говорите, число? Вот! — Я бесцеремонно ткнул пальцем в журнал записей и отчетов. Подражая Косулькам. — Вот! Человек с таким именем и фамилией в записях моих покупателей не значится! И не может значиться. Иначе бы я его запомнил.

Тут вступил в разговор муж-Косулька, до этого почтенно молчавший и сложивший свои пухлые ручонки на груди, словно на похоронах.

— Извините, почтенный Аристарх Модестович. — Он по примеру своей жены оставлял за собой пути отступления. — Вы, безусловно, занятой человек. И мы знаем ваши безусловные заслуги, — тут он запнулся, — и величайшие заслуги, — он вновь запнулся. И мне показалось, он хочет сказать: перед отечеством. Но не рискнул. — Ваши невероятные заслуги перед сохранением исторической памяти (нашелся он). Но вдруг у вас самого нет памяти? — неожиданно бестактно ляпнул он. Но тут же исправился. — Такой почтенный возраст. Эти трудные прожитые годы...

Я уже не мог это вынести и перебил его:

— Есть записи в моем журнале. Они к возрасту не имеют отношения.

— Вот! — Косулька ткнул толстым пальцем вверх (и что они все тычут своими пальцами, в небо, что ли, желают попасть!). — Вот оно! Дело не в журнале, уважаемый! В журнале записываются, как я понял, фамилии ваших клиентов! А тот парень никаким образом не подходил под образ вашего покупателя! И не потому, что я его раньше не видел! Просто уж очень он простеньким был

для вашей солидной антикварной лавки. Этакое потрепанное джинсы и дырявые кроссовки! Создалось впечатление... Более того — это мое открытое мнение, которое я сейчас и выскажу! А состоит оно в том, что парень этот случайно забежал в вашу лавку! Я человек наблюдательный! И прямо выскажусь! Забежал он к вам, чтобы скрыться от дождя! Вот мое мнение.

И мне показалось, он хочет добавить, словно Наполеон, «великое мнение».

— Да-да, так промок, бедняга, прямо до нитки! И кеды дырявые! И штаны старые! Так ему холодно было! — И Косулька даже всхлипнула и промокнула косые глазки платочком.

— А вы, поди, уважаемый, и запомнили, — подержал ее муж. Но почему-то не всхлипнул.

Да, похоже, все оказалось серьезнее, чем я думал. Они и впрямь видели меня. Но как можно было заметить при такой бурной погоде? Нет, нужно не сдаваться. Родинку они точно не могли заметить. А о погоде сказали вскользь, словно просто шел дождь. И это нужно исправить. И я вновь сострепал озабоченную рожу, сморщив лоб, как гармошку.

— И что вы на это скажете? — вступил в разговор Роман, про которого я даже забыл.

— Что? Я говорил, что со зрением у меня все в полном порядке, но никогда не утверждал, что с памятью. Отличная память для стариков — большая редкость. Особенно для антикваров. Которые живут не в сегодняшнем времени, далеко не в сегодняшнем. Они живут там... Где уже никто не живет.

— Возможно, вам повезло, — усмехнулся Роман. — Но все же... Ваш долг. Долг почтенного, как я успел понять, гражданина, попытаться вспомнить. Пропал человек. И найти его — не просто моя обязанность. Но и обязанность каждого гражданина.

Косульки при этих достойных словах недостоинно закивали круглыми кудрявыми головками, как китайские болванчики.

И я вновь сморщил лоб до состояния гармошки.

— Ну хотя бы напомните, что было в этот день? — я демонстративно обратился к Косулькам. — Возможно, день семьи. Или день знаний? А может, день влюбленных? Уж день влюбленных вы наверняка должны вспомнить!

— Ой, что вы! — Косулька потупила косые глазки и хихикнула. — День влюбленных в феврале.

— Неужели, а я думал, для любви особенного месяца не существует. Ну, тогда, возможно, день защиты животных? Или день охотника?

— Вряд ли, — развел толстыми ручками муж Косулька, — день охотника я бы точно запомнил. И пригубил бы по этому случаю.

— За охотников или животных?

— И за тех и других. И мы без них не можем. И они без нас.

— Ну без нас, думаю, они как-нибудь обойдутся.

— А вот это уж как сказать, уважаемый, — не сдавался Косулька. — Равновесие! Вот что нужно природе! Охотники, позволю заметить, это равновесие и обеспечивают. Браконьеры, не спорю, нарушают. А у кого есть дозволенность, разрешение с сургучной печатью — те действуют во благо. Не только общества, но и флоры и фауны. Зверья не должно быть слишком много!

Мне показалось, что ему очень хотелось добавить: как и людей. Но вовремя остановился. И добавил другое, чтобы уже наверняка закрепить свою мысль. Ну не Косулька, а точно Наполеон!

— Лесорубы тоже это равновесие обеспечивают, смею вам заметить. И цветочницы тоже! Или вы не покупаете цветы, или мебель у вас не из дерева, или вон та же елка, — он кивнул на наряженную елочку, — или она не из леса? Даже если вы чистый вегетарианец. Впрочем, я помню, как вы за обе щеки уплетали мою оленину.

Было, грешен. Уплетал свинину. И что тут возразить Наполеону? Плакать о меньших братьях было бессмысленно. Слез не хватит, да и аргументов, пожалуй. А осуждать любую профессию, когда к ней не имеешь никакого отношения, проще всего. Я его старался не осуждать, но Косульки были мне крайне неприятны. А от подобного чувства никакие аргументы и слезы не избавят.

Впрочем, Романа не интересовали ни флора, ни фауна, ни комплексы Наполеона. Он пришел за другим. По мою душу. И громко кашлянул, давая понять, чтобы мы закончили свой бессмысленный спор. И даже пришел мне на помощь.

— Какой, говорите, был день? — он еще раз для надежности кашлянул. — Во-первых, воскресенье. Во-вторых, накануне, ночью, вы должны были слышать непрерывные сирены машин в честь победы наших футболистов, учитывая, что вы живете у шоссе. И даже если вы не фанат футбола, не слышать разгулявшихся подростков и гудки автомобилей просто было невозможно. Если вы не глухой, — добавил он с нескрываемой иронией. Но даже ирония в его устах выглядела красивой и безупречной.

Я не был глухим. Я ничего не слышал, поскольку мы с Тасей снимали квартирку на окраине города, и дом наш стоял в гуще дворов. Но про ту ночь я помнил! И не только потому, что она была накануне убийства. Но еще потому, что я был страстным болельщиком. Боже, как это было давно! И насколько реалистична, приземлена, даже фактична была та жизнь. И я неожиданно для себя впервые о той жиз-



ни подумал с грустью. О панельной многоэтажке, о пенке березы за окном, о беспризорных исхудавших собаках, которых я подкармливал каждое утро, о беспризорной старушке в переходе и даже о дыме умершего завода — словно о дыме отечества, в котором я уже давно не был. И о трансляции матча по телевизору под пиво и пережаренную докторскую колбасу. Даже о ворчании Таси взгрустнул, но слегка и ненадолго. Как же она меня подставила! После этой секундной грусти я наконец очень естественно (слишком уж естественно) воскликнул:

— Ах да! Ну безусловно! Вот теперь, кажется, припоминаю! Крики машин, визги подростков... Нет, постойте. Визги машин, крики подростков.

Роман улыбнулся. Пожалуй, по-доброму. Он уловил мою иронию. И я, вдохновленный его добротой, продолжал:

— Да, да. Это было ночью. Сумасшедшая ночь, особенно если ты не фанат футбола. Я не мог уснуть. В ушах все время звенело. Но не от того, что уши больны, этот звон был реальным! Осязаемым! Отчего делалось еще хуже. Точно! Утром я проснулся с невыносимой головной болью. Что же я делал потом? Ах да, как всегда, по привычке. Знаете, у меня есть привычка первым делом после сна смотреть за окно. Узнавать. Какая погода. Хотя по большому счету, мне нет дела до погоды. Я ведь редко бываю на улице. Но от этого почему-то еще любопытнее познавать мир за окном. Каково им, тем несчастным, кто вне дома.

— И что вы узнали в то утро? — Вновь эта добрая улыбка Романа. Которая меня вдохновила на более экспрессивный монолог.

— Что? — Я посмотрел на потолок, словно оттуда вот-вот должен хлынуть дождь. — Что... Это было ужасно. Такого ливня я давно не помнил! Это был не просто ливень! Это, пожалуй, был ураган! Вихрь! Оползень! Деревья так качало из стороны в сторону, что казалось, они вот-вот свалятся! Даже столбы клонились к асфальту! А по асфальту летел ужасный пенный водяной поток, смывая все на ходу. Прохожих просто не могло быть! Их просто бы смыло этим потоком! Вместе с листвой и осенней грязью! Небо висело настолько низко, что казалось, вот-вот рухнет! Я даже заметил, небо было ниже, гораздо ниже крыш домов. И очень, очень черное! Знаете, я долго прожил на свете, но, пожалуй, такого неба не видел. Знаете, в Америке дают названия ураганам. Милые такие названия. «Эрнесто», возможно, в честь Хемингуэя? Или «Джон». Возможно, в честь Джона Рида? Впрочем, мало ли в Америке Джонов? «Билл» — это уже теплее, что-то из современной истории. А вот «Катрина» мне больше всего нравится. Что-то совсем понятное, близкое, прямо, как Ка-

терина из «Грозы». Мне кажется, в тот миг я понял Америку, а возможно, для себя ее открыл. В тот миг, припомню, мне хотелось как-то назвать этот ураган. Но очень, очень добрым именем. От страха — добрым. Что бы как-то замолить его гнев, что ли? Вы только представьте: черное, черное небо — и белая, белая сверкающая пелена дождя! И больше ничего! Словно на земле ничего больше не было и ничего больше нет. И ничего уже никогда не будет. Скажите, вы только скажите, как при таком раскладе красок, при такой цветовой гамме можно что-либо разглядеть? — я резко повернулся всем телом к Косулькам. — Тем более родинку!

Это был верный удар. Косульки открыли от неожиданности рты и подпрыгнули на месте, как мячики.

— Знаете, пожалуй, я бы назвал этот ураган — «Косулька». Милое доброе прозвище. Милое доброе животное с благородной осанкой и аристократическим, плавным поворотом головы. Очень быстрое животное. Которое в отличие от урагана никому не несет зло. — Я сделал плавный аристократический поворот головы в сторону Романа.

— Думаю, это прозвище оценили бы в Америке. И только в Америке приняли бы его, — не переставал по-доброму улыбаться Роман.

Я понял, что он имел в виду. В отличие от Америки, Косульки не поняли мой монолог. И слава богу! Мне не хотелось их обижать, таких кудрявеньких и румяньких, в одинаковых скривленных сапожках. Лежачих не бьют. Они и так застыли на месте с открытыми ртами, не зная, как выпутаться из этого положения. Про ураган они, видимо, начисто забыли. А возможно, просто его не заметили. У таких, как они, всегда есть дела поважнее. Даже если взрывается мир. Неужели это Тася таки их подкупила? Сама того не подозревая — попала в цель. Почти попала. И почти в цель.

— А вот я кое-что, в отличие от Америки, не понимаю. — Я обратился к Роману, почувствовав превосходство. — Вы запомнили ночь накануне, когда наши выиграла матч. И не запомнили ураган. Такое возможно, если вас ничего, кроме футбола, не интересует. Но это так на вас не похоже.

— А почему вы думаете, что я не запомнил? В данной ситуации важно не то, что помню я, а то, что вспомните вы.

— Я вспомнил, как видите. И как видите, ваши свидетели... — Я нежно поклонился Косулькам. Что, жалко, что ли, нежно поклониться! — Мои уважаемые соседи по торговому бизнесу, они что-то напутали. Особенно в случае с родинкой.

Тут открытые Косулькины рты стали издавать нечленораздельные возмущенные звуки.

Роман сделал привычный жест рукой, означавший, чтобы они заткнулись.

— Возможно, они перепутали день.

— Нет, это невозможно, — довольно резко ответил Роман. А он редко говорил резко. Скорее, язвил. — Мы отлично знаем, когда пропал этот человек.

— Ну, в таком случае, — я пожал плечами, — остается одно. Я не хочу плохо говорить о своих любезных соседях. У них такая прекрасная оленина. И всегда свежая. Кстати, можете сами попробовать! И главное — действительно натуральная. Но... Но, — я почесал затылок, — я часто замечал, что многие люди просто любят быть свидетелями. И их не стоит за это осуждать! Свидетелями того, что было, и того, чего не было, и даже того, что еще будет. Главное — свидетельствовать. И главное — в это верить, чему свидетельствовать. Возможно, просто у них богатое воображение.

Косульки вновь стали издавать нечленораздельные звуки и еще отчаянней топтаться на месте. Мне все же не хотелось с ними портить отношения. Возможно, я был романтичен. И я вновь им поклонился в третий раз.

— Я даже уверен, что у вас богатое воображение! И даже приветствую это! Вы, возможно, романтики по натуре! И это прекрасно! Возможно, вы губите в себе талант писателя, или художника, или...

— Достаточно, — резко оборвал меня Роман на полуслове. И на сей раз Косульки этому не обрадовались. Они и впрямь, возможно, в глубине души были романтиками. Как многие мясники.

— Я, кстати, в детстве писала стихи, — потупила глаза Косулька-жена.

— А я баловался рисованием. — Щечки Косульки мужа зарделись.

Черт меня побери! Неужели и впрямь все мясники в душе художники и поэты?! Интересно, а художники и поэты в душе мясники? Этого я не знал. Слава богу, я не был ни поэтом, ни мясником. Я был нормальным человеком, как мне казалось.

После моих комплиментов Косульки тут же перебежали на мою сторону. Как, оказывается, легко подкупить человека! Словами даже быстрее, чем деньгами. Потому что безопаснее сделка. Эх, Тася таки ошиблась. Она все измеряла деньгами. А денег у Косулек было более чем предостаточно. Им просто, возможно, в жизни не хватало доброго слова!

— Ну знаете, — наконец встрял муж-Косулька, — возможно, мы чего-то и перепутали. Столько посетителей проходит за день перед нашими глазами.

— Да-да, — торопливо поддержала его жена. — Наш ресторан очень, очень респектабелен. И пользуется большим спросом. И уважением. Может, этот парень и к нам заходил. А мы перепутали и подума-

ли, что к нашему многоуважаемому Аристарху Модестовичу. А к нему, возможно, вовсе и другой парень заходил. Совсем, совсем другой даже. Можно еще раз взглянуть на фотографию?

Роман вновь стал тщательно копаться в своих многочисленных карманах. И я не выдержал.

— Фото у вас во внутреннем кармане.

Он достал его и поблагодарил за напоминание. Я ответил — «пожалуйста».

Косульки впились косыми глазками в снимок. И хором объявили:

— Нет, мы не помним! Может, он, а может, и вовсе, вовсе другой! А у нас столько посетителей! Всех не упомнить! Мы даже журнал не ведем! Как наш найлюбезнейший антиквар! Такой организованный человек! У него покупатели — все на счету. И вообще мы люди по натуре творческие, а потому рассеянные. С богатым, очень богатым воображением! И в нас живет и художник, и поэт. Мы не какие-нибудь там... А тот это человек или не тот — нет, не имеем ни малейшего понятия. И вовсе знать не хотим. И Аристарх Модестович, многоуважаемый старожил, не даст соврать. Он вообще не врёт. Был ураган — значит был. Не было посетителя — значит не было. И не стоит нас беспокоить. Вот таково наше последнее слово.

Они, безусловно, не хотели, чтобы слово было последним. Они еще хотели порассуждать о творчестве и о его глубочайшем значении в нашей жизни, о том, что, возможно, они скоро, совсем скоро вспомнят свои юношеские увлечения. И на досуге будут писать шедевры. Кстати, в этом я нисколько не сомневался. Но Роман вовремя взмахнул рукой. И Косульки, уже приученные к этой команде, мгновенно закрыли рты.

А я перевел дух.

— Вы свободны. Пока свободны, — кивнул Роман Косулькам. И те, испуганно и осторожно пятясь к двери, тут же за ней исчезли.

Безусловно, Косульки не являлись надежными свидетелями. Ни свидетелями за меня, ни — против. И я вполне допускал, что завтра они, подкупленные заново или дороже, вновь изменят свои показания.

Что ж, Тася начала войну. И я должен быть готов к ударам. А пока была временная передышка. Перед новым штурмом. Как на войне.

Роман попросил у меня разрешения покурить. Хотя прекрасно знал, что в антикварной лавке курить не полагается. Я-то курил в одиночку. Прилюдно следовало соблюдать правила, установленные антикваром. Но сегодня был особенный день. В этот день было разрешено все.

— Удивительные люди. — Он глубоко затянулся сигаретой и допил свой коньяк.



— Косульки? — Я кивнул за окно. По тротуару селили муж и жена в скривленных сапожках и по-прежнему косились в нашу сторону. У меня вдруг мелькнула мысль, что по косому взгляду никогда нельзя определить — добрый он или злой. Может, страдать косоглазием не так уж и плохо? Своего рода защита. И своего рода прикрытие своих действий и мыслей. Но понимали ли это Косульки? И пользовались ли своим привилегированным положением, я знать не мог.

— Нет, — возразил сам себе Роман. — Я неправильно выразился. Люди удивительные, — он сделал акцент на слове «люди». — Сами по себе. Пожалуй, я никогда не перестану им удивляться.

— Боюсь, вашу мысль я уже давно перерос. Меня уже ничто не удивляет и никто.

— Вам повезло.

— Всем рано или поздно повезет, если доживут до моих лет.

Странно, но в эту минуту я искренне верил в свой возраст. Абсолютно верил! У меня и мысли не было, что я намного моложе Романа. Напротив, он мне казался неопытным щенком по сравнению со мной. И когда это со мной произошло? И когда я начал так быстро стареть? Когда убил человека? Или когда попытался им стать?

Роман встал. Наша встреча с ним пришла к своему логичному завершению. Как ни странно, но я уже не слишком был рад, что он покидает меня. Не потому, что боялся остаться один. Просто мне казалось, он с собой уносит какую-то тайную мысль. Какое-то нераскрытое мнение. Относительно меня. Мне казалось, что в своем внутреннем кармане вместе с моей фотографией лежит и моя жизнь в кратком содержании. Которого достаточно, чтобы понять ее суть. И меня это мучило.

Роман стал медленно натягивать свое длинное пальто английского фасона в крупную клетку. (Похоже, он был поклонник английского стиля!) Медленно начал застегивать на все пуговицы. Он все делал медленно. Еще один прием сыщика? Играть на

нервы? Он угадал. Мои нервы сдали, и я выпалил:

— А что за парень-то пропал?

— Парень? Обычный парень, каких тысячи. Ничего примечательного. Похоже, и плакать по нему некому, чтобы с ним ни случилось.

И в этот миг мне так захотелось расплакаться. Я действительно оставался на земле единственным, кто готов был пролить о себе слезы.

— Вы так говорите о людях, словно они ничто. — Я за себя искренне обиделся.

— В целом — да. Каждый из нас значит что-то только для отдельных людей. Родственников, друзей, сослуживцев.

— Странная у вас профессия, — я решил встать грудью на свою защиту. — Пропал человек — и вы словно ищите не его, а его тень или... Или какое-то изображение на фотокарточке. А ведь у человека была жизнь!

— Поверьте, глупо было бы искать конкретное, фактическое лицо, углубляясь в его мысли, его страдания, трагедии, удачи и неудачи. Как если бы хирург углублялся в биографию своего пациента. Поверьте, это только мешает. Беспристрастность — залог успеха в некоторых профессиях. Наша из их числа. И пристрастные люди здесь не приветствуются. Они способны напороть горячки. Иметь дело с жертвами и убийцами... Тут требуется пониженная температура тела. И, в некотором роде, астенический синдром идет на пользу нашему делу. Представьте, если бы могильщики сопереживали всем своим клиентам. А работники ЗАГСа плясали от радости за каждый совершенный брак или рождение ребенка. Это уже были бы не профессионалы, поверьте. А люди с некоторыми отклонениями. Отклонения в подобных профессиях исключаются.

Наш спор зашел в тупик. И мне вновь показалось, что этот постаревший Кай вытащит из внутреннего кармана свое ледяное сердце и покажет мне. Но этого не случилось. Мы пожали друг другу руки и довольно холодно расстались. Вполне соответственно холоду за окном.

*Продолжение следует.*

Михаил БАЛЬМОНТ



*Немного автобиографии*

*Я, Михаил Юрьевич Бальмонт, родился в 1955 году в городе Шуе Ивановской области, где и проживаю. Получил высшее образование — техническое и экономическое. Женат. Построил дом. Посадил сад. Имею двоих сыновей и двоих внуков, первый из которых Константин Дмитриевич Бальмонт (пять лет). Для души занимаюсь краеведением и исследую жизнь и творчество великого поэта К. Д. Бальмонта. Мой сайт [www.balmtoved.ru](http://www.balmtoved.ru).*

## БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ

*«Воздать дань уважения и благодарности великому русскому поэту...»*

*К 100-летию событий*

**1912 год** в жизни нашего прославленного во всем мире земляка — поэта, переводчика, писателя, драматурга, публициста и путешественника Константина Дмитриевича Бальмонта был годом его сорокапяtilетия, а еще годом кругосветного путешествия и поистине широкого, радостного, осмысленного (даже без юбиляра!) празднования его литературного юбилея. О последнем пишу подробно, используя воспоминания, цитаты, отзывы, протокол и исследования (в частности, книгу П. В. Куприяновского и Н. А. Молчановой «Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба», Иваново, 2001 г.), чтобы непредвзято показать, кем был Бальмонт для русских, европейцев и для России, как он ее любил и как по ней тосковал! Это от нас в недалекие прошлые времена скрывали, недоговаривали, и лишь потому, что был поэт не рабочим или крестьянином, а честным, порядочным и прямым дворянином, декадентом и символизмом — и впоследствии эмигрантом. Замалчиваемым и, наконец, забытым.

**Конец 1911 года.** Бальмонт из-за своих революционных выступлений в первом, вынужденном, изгнании живет за границей почти уже шесть лет и собирается совершить кругосветное путешествие. Как он позднее напишет, «последний год было невозможно оставаться в Париже. Я уехал в кругосветное плавание». Так он его называл, потому что предполагал вернуться из «южных стран» в Европу спустя тринадцать месяцев через Америку. К этому он специально готовился: собирал и читал кни-

ги российских и зарубежных ученых (академиков Н. П. Минаева и В. П. Васильева, Р. Пишель, Г. Ольтенберга и других), книги о путешествиях в страны Индийского и Тихого океанов.

**12 января. Париж.** Усилиями разных лиц, в первую очередь М. Волошина, перед отъездом Бальмонта в долгий путь было устроено его чествование по поводу двадцатипятилетия литературной деятельности. Строго говоря, если считать началом этой деятельности первую публикацию в журнале «Живописное обозрение», то юбилей следовало бы отмечать год тому назад. Но все понимали, что поэт отправляется не на легкую туристическую прогулку, а в очень серьезное, трудное и длительное путешествие.

Юбилей отмечался в большом зале знаменитого парижского «Лидо». Присутствовало около двухсот человек, в том числе писатели русские, французские, польские. Юбиляра приветствовали Волошин (стихотворение «Напутствие Бальмонту»), Рене Гиль, Поль Фор, польский поэт Болеслав Лесьмян и другие. Были преподнесены адреса, в речах звучали слова признательности за немалые заслуги в литературе.

В ответ Бальмонт прочитал стихотворение «Четверть века», в нем отразилось настроение человека, которому скоро предстоит дальний путь:

Неужели четверть века  
Что-нибудь  
Для такого человека,  
Пред которым дальний путь!

О, неправда! Это шутка.  
 Разве я работник? Нет!  
 Я лишь сердцем, вне рассудка,  
 Жил — как птица, как поэт,  
 Я по снегу первопутка  
 Набросал, смеясь, свой след.  
 Я порою тоже строю  
 Скрепы нежного гнезда.  
 Но всегда лечу мечтою  
 В неизвестное Туда.  
 Все же, милых покидая,  
 Милых в сердце я храню,  
 Сердцем им не изменяю.  
 Память — горница золотая,  
 Верь крылатым — и огню!

«Нечаянной радостью» назвал поэт этот вечер, он был растроган. Но мысленно он уже простался с Парижем.

А в это время в России...

**11 января. Одесса.** Приближался литературный юбилей Бальмонта, и «Одесская литературка» (Одесское литературно-художественное общество) решила отпраздновать его с большой помпой. За две недели до вечера пустили широковещательные объявления и статьи. Первым читал Василевский-Небука, вторым выступил Петр Пильский, который доказывал, что поэзия Бальмонта не мужская, а женская. Третий доклад, под названием «Усталый май», был Александра Биска.

После вечера — грандиозные отчеты, карикатуры на всех участников и на Бальмонта, которого, по рецепту Пильского, изобразили в платье девочки.

**13 января. С.-Петербург.** Первый поэтический вечер в только что открывшемся, впоследствии знаменитом подвале «Бродячая собака» Художественного общества интимного театра. Правление единогласно решило посвятить его двадцатипятилетию поэтической деятельности К. Д. Бальмонта!

О Константине Дмитриевиче Бальмонте был первый вступительный доклад С. Городецкого, затем читали свои стихи поэты — Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, Вас. Гиппиус, М. Долинов, М. Моравская и другие. Вечер оказался удачным. «Художники рисовали, музыканты играли, артистки декламировали... Вообще шуму было много, говорили тоже достаточно...»<sup>1</sup> На вечере было много народу, с трудом умещавшегося в небольшом зале кабаре. Именно здесь познакомилась Ольга Высотская и Н. Гумилев.

Подвал «Бродячая собака» был торжественно открыт в новогоднюю ночь с 31 декабря 1911 года

на 1 января 1912 года. К его открытию поэт Всеволод Князев сочинил «Собачий гимн», положенный на музыку пианистом и композитором В. А. Шпином фон Эшенбруком:

Во втором дворе подвал,  
 В нем — приют собачий.  
 Каждый, кто сюда попал, —  
 Просто пес бродячий.  
 Но в том гордость, но в том честь,  
 Чтобы в тот подвал залезть!  
 Гав!

При открытии подвала было решено проводить заседания в «Бродячей собаке» по средам и по субботам. Кроме «сред» и «суббот» устраивались также (в другие дни недели) исполнительские вечера с разработанной программой, о которых приглашенным сообщалось особыми повестками.

«Бродячая собака» — единственное кабаре, с которым никогда не связывали никаких коммерческих расчетов. У градоначальника его зарегистрировали как клуб при Обществе интимного театра. Незадолго до открытия через «Биржевые ведомости» публику известили о том, что «подвал “Бродячая собака” (Художественное общество интимного театра) будет открыт для действительных членов и их гостей, входящих исключительно по рекомендациям действительных членов». Владельцем клуба был Б. К. Пронин, но всей жизнью «Собаки» распоряжались члены-учредители — «организационная девятка», куда помимо Пронина входили писатель А. Н. Толстой, художники С. Ю. Судейкин, Н. Н. Сапунов, М. В. Добужинский, архитектор И. А. Фомин, режиссеры Н. Н. Евреинов, Н. В. Петров и актер В. А. Подгорный.

В сочиненном Алексеем Толстым уставе «Бродячей собаки» первый и главный пункт декларировал полное бескорыстие «собачьей» жизни: все члены Общества работают бесплатно на благо Общества. Ни один член Общества не имеет права получать ни одной копейки за свою работу из средств Общества.

Странное название для кабаре родилось совершенно случайно. В один из последних дней декабря, когда вся компания скиталась в поисках подвала, чтобы встретить в нем новый, 1912 год, А. Толстой неожиданно сказал: «А не напоминаем ли мы сейчас бродячих собак, которые ищут приюта?» «Вы нашли название нашей затее, — воскликнул Н. Евреинов. — Пусть этот подвал называется “Бродячей собакой”».

**Конец января. Лондон.** «1 февраля н. с., — извещает Бальмонт письмом Брюсова, — из Лондона уезжаю с кораблем Athenic (“Афина”. — М. Б.), Albion

<sup>1</sup> Бродячая собака // Обзорение театров. 1912. 18 января. № 1636.



К. Д. Бальмонт в 1880-е годы

Сотрапу, 3 февраля, на преломлении дня, гляжу последний раз на Европу, в Плимуте, 8-го уже буду на Канарийских (Канарских. — М. Б.) островах». Дальнейший маршрут, согласно письмам Бальмонта разным лицам, выглядит так: Кейптаун, Оранжевая республика, Трансвааль, побережье Южной Африки, затем — Тасмания, Австралия (Аделаида, Мельбурн), Новая Зеландия, группа островов Тонга, Табу, Самоа, Фиджи, снова Австралия (Сидней, Брисбен), Новая Гвинея, Целебес, Ява, Суматра, Цейлон (Коломбо и старая столица Анурадхапура), Индия (от Тьюитикорана до Мадраса, Бенареса, Агры, Дели, Бомбея); из Индии — через Порт-Саид в Марсель. В Париж Бальмонт вернулся 30 декабря. Таким образом, во время путешествия поэт ознакомился с образом жизни, бытом, верованиями, культурой народов Африки, Австралии, Азии, Новой Гвинеи, Индонезии, Океании (Полинезийских островов). В Америку захватить вновь не получилось.

«Судьба наградила меня радостью в пути: в первый же вечер на корабле со мной по-русски заговорил англичанин, сидевший за обедом напротив меня. После всю дорогу вплоть до Тенерифа, куда он направлялся, мы говорили по-русски и по-английски. Это был Оливер Уордроп. Русскому он обучался у ныне покойного моего друга оксфордского ученого Уильяма Морфила. Сестру мистера Уордропа (Марджори Скотт-Уордроп. — М. Б.) хорошо знают в Грузии. Она сделала замечательный перевод на английский язык гениальной поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Уж во время путешествия в письмах к родным и друзьям с борта парохода Бальмонт постоянно цитировал «Витязя», сопровождая выдержки из поэмы словами: «Послушайте, что говорит Руставели!» Именно тогда, покоренный культом красоты и чувства, он и решил перевести эту поэму грузинского гения на русский язык. И ведь изучил

язык и перевел! И напечатал, и, горячо встречаемый населением, читал ее на многочисленных встречах в Грузии! Но об этом надо писать особо.

**18 февраля. С.-Петербург.** С. Маковский пишет Брюсову: «Может быть, до Вас уже дошел слух о том, что литературный Петербург собирается чествовать Бальмонта по случаю двадцатипятилетия его литературной деятельности. Форма чествования — торжественное заседание нефилологического общества с речами, адресами, приветствиями и другими «юбилейными» атрибутами. Характер же предполагается — самый широкий, с представителями, по возможности, от всех лагерей, даже от... «Русского богатства». Идея этой всеобщности принадлежит Вячеславу Иванову, но в конце концов все участники (Зелинский, Батюшков, Аничков, Блок, гр. Толстой, редакция «Аполлона») согласились с тем, что «Бальмонту» прошла достаточная давность для объединения всех на его имени... Только сегодня выяснился день: 11 марта, днем, в зале земского собрания, на Кабинетной». Как сообщал свидетель из круга «Аполлона», «образовалось совещание, в котором, кроме комитета общества, приняли ближайшее участие: Вяч. Иванов, Фед. Сологуб, гр. Ал. Н. Толстой, Е. В. Аничков, С. М. Ростовцева, Ф. Д. Батюшков, Сергей Маковский, В. А. Чудовский»<sup>1</sup>.

**11 марта. С.-Петербург.** Из протокола 170-го (208-го) заседания Общего собрания нефилологического общества по случаю исполнившегося двадцатипятилетия литературной деятельности К. Д. Бальмонта 11 марта 1912 года в 2 часа дня (С.-Петербург, 1914).

«Председательствовал О. А. Браун. Заседание, состоявшееся в зале С.-Петербургской губернской управы, открылась речью О. А. Брауна. Здесь были произнесены речь Ф. Д. Батюшкова «О поэзии Бальмонта», речь Е. В. Аничкова «Бальмонт и английская поэзия», речь Д. К. Петрова «Бальмонт и его переводы с испанского», речь В. И. Иванова «Лиризм Бальмонта».

Отдельные стихотворения К. Д. Бальмонта и отрывки из переводов были прочитаны Н. К. Тхоржевской и артистом Императорских театров Н. Н. Ходотовым.

Не могли быть произнесены стоявшие на программе речь Валерия Брюсова «Творчество Бальмонта» (по невозможности приехать в Петербург) и речь Александра Блока «Бальмонт и польская душа» (по нездоровью).

Заседание закончилось прочтением следующих телеграмм и приветствий (считаю правильным привести их полностью. — М. Б.):

<sup>1</sup> Русская художественная летопись. 1912. № 7.

1. Историко-филологический факультет императорского Казанского университета (декан проф. С. Шестаков).
2. Харьковское историко-филологическое общество (председатель проф. Сумцов).
3. Общество любителей российской словесности при Императорском университете (председатель А. Грузинский).
4. "Вестник Европы".
5. "Русское богатство".
6. "Современный мир".
7. "Русская мысль".
8. "Аполлон".
9. "Запросы жизни".
10. "Шиповник".
11. Издательство А. А. Каспари.
12. "Голос" (редактор Некрасов).
13. "Логос".
14. Издательство "Альциона".
15. Книгоиздательство "Скорпион".
16. "Новый журнал для всех" и "Новая жизнь" (редактор Розенфельд).
17. Книгоиздательство "Гриф".
18. Журнал "Искусство" (Гехарвест) (редактор-издатель Левонян).
19. Книгоиздательство "Мусагет".
20. "Берднские новости" (редактор Левиус).
21. Редакция "Свободным художествам" и "Против течения" Фома Райлян.
22. Mercure de France.
23. "Литературный фонд" (председатель Вл. Набоков).
24. Московский художественный театр (Немирович-Данченко).
25. Союз драматических и музыкальных писателей.
26. Общество ревнителей художественного слова.
27. Общество деятелей периодической печати и литературы.
28. Дирекция Московского литературно-художественного кружка.
29. Общество свободной эстетики в Москве.
30. Киевское общество искусства и литературы.
31. Литературная комиссия Киевского общественного собрания — Зелинская, Гольдман, Гуревич, Закржевский, Кузьмин, Сольский, Евенсон.
32. Кружок поэтов и поэтесс «Вечера Случевского» (секретарь Владимир Уманов-Каплуновский).
33. Группа латышских писателей и поэтов — Виктор Эглит, Карл Крузо, Карл Якобсон, Карл Штраль, Эдвард Вульф и Артур Берзин.
34. Цех поэтов — Анна Ахматова, Владимир Бес-тужев, Б. Верхоустинский, Василий Гиппиус, Сергей Городецкий, синдик. Н. Гумилев, синдик. М. Зенкевич, Георгий Иванов, Михаил Кузьмин, Е. Кузьмин-Караваева, Д. Кузьмин-Караваев, стряпчий Михаил Лозинский, Николай Макридин, И. Мандельштам, Мария Моравская, Владимир Нарбут.
35. Группа писателей, ученых, художников и частных лиц — Коллаш, Средин, Михаил Гальперин, Игумнов, Котляревский, Юрьева, Мамбинаго, Качалов, Литовцева-Качалова, Михаил Ларионов, М. Леви, Кара-Мурза, Борис Лазаревский, Е. Сенегуб, Лопатин, Рындина-Соколова, В. Кузнецов, Мусин-Пушкин, Евреинова, Заболоцкая, Клодт, Лазарев, Ильинский, М. и Б. Востряковы, Неверова и Полиевктова.
36. Студенческий литературный кружок при Казанском университете.
37. Группа слушательниц Тифлиских высших женских курсов — Бебурова, Барезовская, Хоментовская, Тваладзе, Джамполадова, Горниг, Вачнадзе, Хахутова, Калинина, Фиргуф, Даниленко, Белланже, Савицкая, Линштедт, Чичинадзе, Гогиашвили, Митькевич, Авалова, Мириманова, Дикова, Бакладзе, Сохадзе.
38. Литературная секция Митавского художественного общества.
39. Литературно-художественная секция Уфимского семейно-педагогического общества (председатель Жуков).
40. Одесское педагогическое общество.
41. Кружок "Икар".
42. Владимирское землячество учащихся в С.-Петербурге (председатель Стаховский, секретарь П. Якиманский).
43. Rene Ghil, Gustave Kahn, Henri de Regnier, Francis Viele-Griffin, Emile Verhaeren, Stuart Merrille, Saint-Paul Roux, Ferdinand Herold, Andre Fontainas, Paul Fort, Paul Boyer (Directeur de l'Ecole de Langues orientales), Lot (Professeur a la Sorbonne), Alexandra de Holstein.
44. Stefan Zeromski, Antoni Zange, Boleslaw Zesmian, Bronislawa Ostrowska, Wladyslaw Reymont, Artur Gorski, Waclaw Sieroszewski, Andrzej Strug.
45. Евгений Ляцкий.
46. Валерий Брюсов.
47. Леонид Андреев.
48. Георгий Чулков.
49. Борис Зайцев.
50. Ремизовы, Алексей и Серафима.
51. Балтрушайтис и Поляков.
52. Юрий Верховский.
53. Андрей Белый.
54. Максимилиан Волошин.
55. М. Кузьмин.
56. Николай Телешов.

57. Александр Пригожин.
58. Гилел Калмансон.
59. Л. Сысоев.
60. И. Романов (член Суриковского кружка писателей из народа).
61. Изабелла Гриневская.
62. Лев Зилов.
63. Леонид Бактас.
64. Jean Variot.
65. Alexandre Mercereau.
66. Gordon Greig.
67. Paul Boyer.
68. Александр Блок.

Как речи, так и приветствия вызывали оживленные аплодисменты у многочисленной собравшейся публики».

Очень прочувствованной была вступительная речь профессора О. А. Брауна: «Мы собрались сегодня, чтобы воздать дань уважения и благодарности великому русскому поэту. Мы воспользовались для этого случайным предлогом, тем именно, что в этом году исполнилось первое двадцатипятилетие его служения искусству.

Мне говорили, что Константин Дмитриевич Бальмонт сам в свой юбилей не верит.

«Я златоцвет, который вечно молод», — поет он о себе. Очевидно, он органически не может поверить в свой юбилей.

Он в этот мир пришел, чтоб видеть солнце! И он его увидел; оно озарило ему душу и позолотило рождавшиеся в ней грезы. Солнце горит в его душе, солнце блещет в его стихе. Разве сын солнца Бальмонт может состариться?

Навязывать поэту юбилей, в который он сам не верит, было бы весьма неблагодарной задачей, если бы мы сами верили в него. Мы поневоле признаем язык цифр — ведь мы не поэты. Но верить в их значение для Бальмонта — нет, не верим.

Юбилей, столь опасный для всякого другого — потому, что он всегда напоминает о том, что годы бегут и бегут, — для вечно юного Бальмонта он не опасен. И если мы вообще говорим о двадцатипятилетию, то только потому, что ведь нужен же нам был в самом деле предлог, чтобы собраться всем и сказать Бальмонту — спасибо!

Но мы должны ему сказать спасибо не только как читатели и почитатели его стихов. За ним есть заслуги, которые дали именно Неофилологическому обществу право взять на себя инициативу сегодняшнего торжества.

Наше Общество ставит одной из своих главных задач научное выявление взаимоотношения

России и западной Европы на почве языка и литературы.

Оно не может не ценить, не может не приветствовать с благодарностью работу поэтов-переводчиков, посредников между Россией и Западом, которые рядом с нами служат той же цели. А кто из современных русских поэтов сделал в этом отношении больше, чем Бальмонт, кто универсальнее, чем он, переводчик Шелли, Кальдерона и многих других, первый познакомивший русских читателей с гением Кнута Гамсуна?

Две из сегодняшних наших речей будут посвящены именно этой стороне деятельности Бальмонта.

Но не только с этой стороны подходим мы к Бальмонту. Он настолько крупная литературная фигура, что уже теперь вполне ясно и отчетливо обозначается его положение в истории поэзии, не только русской, но и общеевропейской. И определить это положение входит в прямые задачи нашего Общества.

Бальмонт несомненно один из наиболее ярких наших «модернистов», если не самый яркий. Термин этот, правда, мало что обозначает; под ним могут объединяться самые разнообразные, подчас взаимно противоречащие, направления в современной поэзии.

Но модернизм Бальмонта и его товарищей имеет свое историческое обоснование в прошлом, как и в конstellляции современных литературных течений.

Это — могучая идеалистическая волна, такая же могучая и властная, как та, которая прошла по западноевропейской философии от Канта через Фихте и Шеллинга до Гегеля, а по западноевропейской поэзии первых ранних романтиков в лице Тика и Вакенродера, братьев Шлегель и Новалиса.

Там она явилась реакцией против пошлого или опошлившегося рационализма в философии, против слащавого и пустого так называемого натурализма в поэзии. Здесь — враги его, при иных условиях и в иных формах, но по существу те же. И на высшей высоте этой волны наряду с крупными именами западной литературы — Метерлинка, Кнута Гамсуна и других — наш Бальмонт.

Наша публика называла это направление чаще всего, следуя фельетонному обиходу, декадентством. К счастью, этот термин начинает исчезать. Мы говорим иногда о символизме или употребляем иные, также мало значащие слова.

С точки зрения историко-литературной мы, конечно, можем и должны называть его неоромантизмом.

Это не есть простое повторение романтизма конца XIII и начала XIX века. Оно имеет свои специальные задачи, преследует свои особые цели, поэтические, философские, если хотите, социальные.

Но основные тенденции те же: то же искание новых путей, то же стремление схватить и высказать жизнь в ее целом, не с внешней ее стороны, не со стороны бесконечного разнообразия ее проявлений, а, по существу, изобразить то, что лежит за случайными частными явлениями и составляет их сокровенную сущность, их душу. Искание бесконечного в конечных его проявлениях, жажда абсолюта в тисках пошлой житейской повседневности.

И еще одна очень существенная особенность объединяет оба периода всемирной литературы. Наше слово бедно и бессильно для выражения всего, что таится в мысли и настроении поэта, не столько того, что более или менее отчетливо сказывается в его сознании, сколько того, что подчас смутно и мучительно неясно, но властно говорит в области подсознательного, к голосу которого мы давно привыкли прислушиваться.

К выражению этого слово по своему содержанию, т. е. по назначению своему, непригодно. Но оно бесконечно гибко и выразительно в своей форме, в своих звуках.

И вот романтики, как и наши неоромантики, пытаются досказать музыкой слов то, что не могло быть высказано чередованием их содержания.

В этих параллелях историческая почва, в которой коренится и наш Бальмонт.

Историческая перспектива, в которой он нам представляется, не умаляет его абсолютного значения. Напротив того, как рамка, в которую мы вставляем облик любимого лица, лишь увеличивает его привлекательность, так и наш Бальмонт от этой исторической рамки только выигрывает в рельефности. Он представится нам закономерным историческим фактом, необходимым звеном в эволюции мировой поэтической мысли, на том высоком месте, которое он занял и которое сохранил.

Я говорю — наш Бальмонт, и с грустью вспоминаю, что его нет среди нас. Он так далек, что даже электрическая искра не донесет до него сегодня наш привет.

Я слышал, что он в данный момент качается на волнах океана навстречу яркому солнцу. Он как раз теперь огибают южный берег Африки.

Но, несмотря на жуткую даль, он не пропал для нас.

Мы, надеюсь, все помним из географии, что Африка кончается на юге мысом Доброй Надежды. Быть может, именно сегодня он видит его на горизонте с палубы своего парохода. *Sit omen in nomine!*

И на нашем горизонте светится добрая надежда, надежда на то, что мы его увидим, надежда на то, что еще много, много лет душа вечно юного поэта будет

озаряться солнцем, которое он так страстно любит и которое так щедро воздало ему за любовь».

Пресса очень горячо откликнулась на прошедшее юбилейное чествование Бальмонта. Приведу лишь некоторые отзывы: «Зал с трудом вмещал собравшихся (около 1000 человек)»<sup>1</sup>; «Зал... был переполнен молодежью, по преимуществу женской, и в большинстве сторонников <так> модернистской поэзии, если судить по аплодисментам, сопровождавшим чтение телеграмм Брюсова, Белого, Грифа, Блока и др.»<sup>2</sup>; «Неофилологическим обществом при Петербургском университете организовано было в зале петербургской губернской земской управы публичное чествование двадцатипятилетия литературной деятельности К. Д. Бальмонта. Зал был полон. Преобладала учащаяся молодежь. Заседание открыто было вступительным словом председателя неофилологического общества профессора Брауна, отметившего крупные литературные заслуги К. Д. Бальмонта в области не только русской, но и европейской литературы. Своими талантливыми переводами на русский язык он ознакомил русское общество с редкими красотами произведений западноевропейской и скандинавской литературы.

Как выдающийся модернист, он, по мнению профессора Брауна, был неоромантиком, находился на гребне могучей идеалистической волны, поднявшейся в европейской литературе за последние десятилетия. Ф. Д. Батюшков прочел доклад «О поэзии Бальмонта», иллюстрируя свои положения чтением произведений Бальмонта артистом Н. Н. Ходотовым.

Начал писать Бальмонт в эпоху восьмидесятых годов, весьма тяжелую, по мнению докладчика, для нашей поэзии, был создателем нового направления, откинул традиции и резко порвал с господствовавшим в то время ноющим тоном в поэтических произведениях. Когда хотел Бальмонт, он был понят и доступен. Родник поэзии его таится, главным образом, не в уме, а в сердце. Докладчик отметил ряд произведений, указывающих на высокие этические порывы Бальмонта. Падая в пропасти, он жаждет вершить, вечно рвется ввысь. Е. В. Аничков в речи «Бальмонт и английская проза» указал на заслуги Бальмонта в деле ознакомления русского общества с тою свежою струею, что прорывается в произведениях трех избранных им английских, не признанных современниками поэтов. Речь, прерываемая остроумными аналогиями и параллелями, имела большой успех.

Серьезный доклад о переводах Бальмонта с испанского прочел Д. К. Петров.

<sup>1</sup> Юбилейное торжество в честь К. Д. Бальмонта // Против течения. 1912. 17 марта. № 25.

<sup>2</sup> Чествование К. Д. Бальмонта // Биржевые ведомости. 1912. 12 марта. № 12832. Утр. вып.

Бальмонт, по мнению докладчика, умело уловил некоторые моменты испанской жизни XVI–XVII веков, глубокую религиозность Старой Испании, ее культуру и царившие в ней чувства национального самосознания. Переводы Бальмонта весьма близки к подлиннику.

После перерыва артисты Н. К. Тхоржевская и Н. Н. Ходотов прочли несколько стихотворений Бальмонта. В. И. Иванов произнес весьма длинную, но горячо принятую аудиторией речь о лиризме Бальмонта. Затем следовал ряд произведений юбиляру со всех концов России, со стороны обществ, кружков и реакций газет и журналов»<sup>1</sup>.

А вот что впоследствии писал профессор Е. В. Аничков: «Когда в марте 1912 года в Петербурге праздновали двадцатипятилетие поэтической деятельности Бальмонта и стали в особой комиссии, куда входили и профессора, и критики, и поэты, обсуждать, что, собственно, он сделал, с какой-то поразительной ясностью обнаружилась значительность творчества этого вечно живого и вечно юного поэта. Ведь, если подумать, с одной стороны, странно, что у него за плечами уже четверть века упорной писательской работы, а с другой стороны, и этот срок слишком короток, чтобы столько наделать. “Я весны длю!” — еще недавно уже маститым сорокалетним писателем воскликнул Бальмонт. Да, вся его поэзия — не переставшая весна. Слово это так подходит к нему. Но весна эта не только улыбающаяся, не только радостная от веселых обещаний; она — не только беззаботная плясунья, украшенная венками из полевых цветов. Нет. Оказалось, что весна эта еще страдная, деятельная, трудовая. Меняются в ней картины: от красных горок, где водят хороводы, до тяжелых пахотей, где идут за плугом. Оттого, когда устроители его торжеств стали обдумывать содержание речей о Бальмонте, их пришлось распределить по-ученому: Бальмонт — лирик, Бальмонт — знаток древнеиспанской поэзии, Бальмонт и шекспировская Англия, Бальмонт и Шелли... Всего не удалось даже оговорить. И в этих заботах о представлении Бальмонта во весь рост, как и в самом разнообразии его мыслей, образов, знаний, увлечений, верований, отошли куда-то далеко, далеко и совсем не такими важными оказались споры и пересуды о достоинствах и недостатках так называемых новых веяний. Не то что забыли о них. Это было бы немислимо. Бальмонт их отец и создатель. Нельзя говорить о русском символизме, забыв о Бальмонте. Но не в “новых веяниях” дело. Как-то потонули споры о “новых веяниях”, когда встала из пересмотра всего

целиком поэтического творчества Бальмонта самая поэзия. Радостная, светлая, во многих ликах и в то же время с одним лицом для всех веков и для всех народов улыбнулась великая кудесница — поэзия, и привлекла она к его торжеству много юных сердец, так непосредственно, неподготовлено, словно крик сердца, отдававшегося этому празднику поэтической радости и поэтической работы».

М. А. Волошин назвал это чествование юбилеем «молодой» русской литературы: «Двадцать пять лет тому назад при звуке первых стихотворений Бальмонта она очнулась от того старческого сна, в который погружалась постепенно. Бальмонт был действительно заревом грядущих зорь». Так из поэтов того времени больше никого не чествовали.

Отвечая на все приветствия, Бальмонт из-за границы писал в письме историку литературы Ф. Д. Батюшкову: «Вернувшись, наконец, из кругосветного своего плаванья, приношу Вам сердечную благодарность за высоко-радостные минуты, которые подарили мне Вы, Неофилологическое общество и другие мои друзья и мне сочувствующие. Будьте добры передать мою искреннюю признательность проф. Брауну, Аничкову, Д. К. Петрову, Арабажину, — также, если Вы выдаетесь, Вячеславу Иванову и Сологубу... *Если воистину я что-нибудь сделал для России, то не более как малость, а я хотел бы сделать для нее, я хотел бы сделать для торжества русского художественного слова в сто, в несчетность раз больше... Я рад, что я родился русским, и никем иным я быть не хотел. Люблю Россию. Ничего для меня нет прекраснее и совершеннее ее. Верю в нее — и жду...* (курсив мой. — М. Б.)».

И поэт дождался. Усилиями ученых, литературоведов, общественности и власти доброе имя Константина Дмитриевича Бальмонта возвратилось в Россию, на родину. Публикуются научные исследования и воспоминания, в однотомных и многотомных изданиях печатаются его стихи, переводы и отдельные произведения. Он стал доступней изучается в школах и институтах. Его именем названы музей и малая планета, за границей его именем названа площадь, ему открыт памятник.

В этом году исполняется 145 лет со дня рождения и 70 лет со дня смерти К. Д. Бальмонта. Хочется верить, что проводимые в связи с этими знаменательными датами разнообразные мероприятия позволят лучше понять русскую душу поэта, творчески соединиться с ней, доценить его огромный вклад в развитие русской и мировой культуры и сделать еще больше для популяризации его творчества и увековечения славного имени!

<sup>1</sup> Юбилей К. Д. Бальмонта // Исторический вестник. 1912. Том 128.



*Продолжение. Начало в № 1, 2 за 2012 г.*

*Рисунки Анны Дудяковой*

## КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ ВОПРОСАМ

### ПОВЕСТЬ ИЗ ЖИЗНИ ОФИСНОГО ПЛАНКТОНА

#### Глава 23. Гони коньяк, тогда и читай

Естественно, утром я опять проспал на службу, и когда партизанским шагом крался по коридору в свой кабинет, невольно подумал, что когда-нибудь допрыгаюсь — вот возьмет шеф да и дернет меня на ковер ровно в девять ноль-ноль по какой-нибудь внезапной прихоти... На душе было муторно, как всегда с похмелья и попутного недосыпа. Хватит, решил я, с сегодняшнего дня отменяю общение с Бахусом как минимум на неделю, а лучше на месяц. Вечерами буду книжки читать, как любил когда-то, или тупо сидеть у телевизора. Да и с Галкой вовсе необязательно ходить по кабакам, есть же альтернатива — театры, кино или вечерние прогулки по парку, где можно так славно побродить, взявшись за руки, по пахнущим юной листвой аллеям, посидеть на скамеечке в тенистом тихом уголке. Я расскажу ей какую-нибудь трогательную историю из своего детства, а она положит мне голову на плечо, и губы наши встретятся...

Наверное, размечтавшись, я закрыл глаза, а может быть, даже закемарил на минутку, потому что, честное слово, не могу вам объяснить, как появилась в моем кабинете грозная татарская амазонка Зулия Шакировна Зарипова. Мне даже показалось, что она возникла из воздуха, как джин в восточных сказках.

— Ну, готово? — сердито спросила она вместо приветствия.

Я посмотрел на нее, чувствуя себя бараном, которого долго пытались научить простейшему цирковому трюку, а он опять все позабыл.

— Что глядишь? Готово, спрашиваю, или нет? Я тебе вон смотри что принесла! — Шакировна жестом фокусника выдернула из-за спины пакет, а из него — темную матовую бутылку с золотистой этикеткой. «Хеннесси»! Да это же мой гонорар за поэтический опус ко дню рождения шефа!

Шакировна покрутила бутылку перед самым моим носом и спрятала ее в пакет, а пакет — за спину. И глянула на меня надменно и немного презрительно. Наверное, так ее далекие предки обращались с моими: привез ясак — получай ордынскую грамоту на княжение, а замотил — секир башка!

— Написал, Зулия Шакировна, а как же. — В моем голосе откуда-то прорезались заискивающие нотки. — Знаешь, как трудно было! Три ночи не спал.

— Все равно только одна бутылка есть! — отрезала она. — Как договаривались. Только сначала дай стих прочитаю.

Я лихорадочно стал перебирать на столе бумаги — и вдруг вспомнил, что тот опус я так и не распечатал. Пришлось включать компьютер, искать файл, ждать, пока разогреется принтер. Шакировна подозрительно смотрела на мою суету, по-прежнему держа пакет за спиной обеими руками, словно опа-

салась, что я вырву его силой, откушу у бутылки горлышко и за одну секунду перелью в желудок драгоценную жидкость.

— Вот! Вроде ничего получилось. — Я протянул Шакировне листок с текстом, но когда она хотела его взять, отдернул руку.

— Ты чего?

— Ага, хитренькая ты, Зулия Шакировна! Я тебе сейчас отдам, а ты заберешь стих и убежишь. Гони коньяк, тогда и читай!

По бегающим глазкам гостя я понял, что был недалеко от истины в своих предположениях. Хотя, вполне возможно, ее коварный замысел был еще изощреннее: она запросто могла сказать, что сначала надо одобрить мое творение у начальства — а уж потом мне будет и коньяк, и пирожок с начинкой. И тогда ищи-свищи мой любимый «Хеннесси», в лучшем случае получишь фляжку с какой-нибудь паленой бурдой за сто пятьдесят рублей.

— Тоже придумал! — сделала она оскорбленную гримасу, впрочем, не слишком искреннюю. — Ну ладно, давай я из твоих рук почитаю.

— Ага, так ты же скажешь, что плохо, а сама zapomнишь!

— Как это я запомню? — тут уж она удивилась вполне искренне.

Да, это я, конечно, хватил... Напрасно обидел женщину, а все похмелье проклятое!

— Хорошо, садись, читай. — Я положил текст на стол, а сам сел рядом и придавил листок локтем.

Шакировна долго водила по строчкам алым ногтем, шевелила густо покрашенными губами — и наконец подняла на меня раскосые свои очи. Они — честное слово! — сияли неподдельным восторгом. Она вынула из пакета «Хеннесси» и торжественно поставила передо мной.

— Неужели сам придумал?!

— А то!

— Не в Интернете нашел, нет? — продолжала сомневаться она.

— Ну возьми и найди, там для всех открыто! — рассердился я.

— Верю, верю... Молодец! Красиво, к месту все. А вот это ну прям точно про нашего Степаныча: «Судьбой ему дано быть первым и не сдаваться никому!» Талант у тебя, я же не зря тогда говорила. Одно только слово чудное какое-то... Иностранное, что ль?

— Это где?

— А вот тут: «...и восхищаться им зело» (она сделала ударение на первом слогe). Что за «зело» такое? Может, что обидное? — подозрительно посмотрела она мне в глаза и спрятала бутылку обратно в пакет, а пакет — за спину.

Дальнейший наш диалог мне вряд ли удастся дословно воспроизвести. Я честно пытался втолковать Шакировне, что существуют в русском языке устаревшие слова, всем, в принципе, понятные, и именно они придают особую торжественность и велеречивость старинному жанру, именуемому «ода» — это когда поэт сочиняет стихи в честь какого-то влиятельного лица или по поводу важного события... Правнучка ордынцев согласно кивала, а потом спрашивала: «Так если это слово значит “очень” — ну так бы и написал, а?» Я опять пускался в путаные пояснения, что «зело» — это не совсем «очень», а как бы более значительно, есть, мол, разные оттенки у слов, как бы цветовая гамма — и так она получается более насыщенная. Шакировна опять согласно кивала... и повторяла то же самое!

В конце концов я озверел и выхватил листок у нее из рук:

— Слушай, вали отсюда! И коньяк свой забирай, обойдусь! Сами сочиняйте, если такие умные!

— Какой ты горячий, Серега, — примирительно сказала она. — Ладно, давай сюда. Баш на баш, как договаривались.

Она снова вынула «Хеннесси» из пакета, поставила на стол, изъяла у меня помятый лист и испарилась так же незаметно, как и возникла.

Что мне оставалось, посудите сами? Только одно: свинтить пробку и немедленно проверить, насколько качество гонорара соответствует качеству работы...

## Глава 24. Особенный мальчик

Хорошо, что монитор загораживает мой фейс от неожиданных визитеров — иначе именно за дегустацией коньяка в разгар рабочего дня меня и застучала бы Ирма Витальевна, которая без стука (пardon за невольный каламбур) заявила ко мне в кабинет. Я поперхнулся третьей рюмкой, но успел сунуть ее в карман, а бутылку тихонько убрать под стол.

— Как самочувствие, Сергей Игоревич?

Странное начало для железной леди, и голос звучит вполне по-человечески, даже можно сказать — участливо... Что это с ней, а?

— Я специально не стала вас к себе приглашать, чтобы не привлекать внимания к нашим отношениям. У вас ведь можно поговорить спокойно, без лишних ушей и глаз?

— Наверное. Да вы садитесь, Ирма Витальевна. Вот на этот стул можно, он вполне чистый.

Она присела, осмотрелась. Спартанский и слегка неряшливый вид моей обители вызвал у нее брезгливую гримасу, которую она, впрочем, мгновенно стерла с лица.



© Дудякова Анна 2012

— Знаете, Сергей Игоревич, когда Женечка за вас вчера так горячо вступился, я, не стану скрывать, очень удивилась. Вообще-то он меня всегда слушается, а тут... Вы не догадываетесь, почему он так поступил?

— Да я как-то про это еще не думал, Ирма Витальевна.

— А я вот только об этом и думаю, даже почти не спала сегодня. Мне кажется, ему не хватает, как бы это вам объяснить... Ну, вам же, наверное, известно, что друзей у него нет, молодые люди его возраста слишком несерьезны, чтобы нормально воспринять его неординарность. Он ведь правда особенный мальчик, очень рассудительный, аккуратный, имеет хорошие манеры. Вот будь он разгильдяем, сразу бы нашлись, как это говорят, кореша, да? Вы согласны?

— Абсолютно.

— А Женечке нужны не кореша, ему нужен друг. Который бы его понимал, поддерживал в сложных ситуациях, давал правильные советы.

— Ну, такие всем нужны...

— Вот он к вам и тянется! Понимаете, Сергей Игоревич?

Я даже привстал со стула. Мы с Грошиным — друзья?! Да она больная на голову, если в эту голову пришла такая нелепая фантазия.

— Вы к нему хорошо относитесь, — спокойно продолжала железная леди. — Человек вы, в принципе, интеллигентный, культурный, достаточно уважаемый. Намного опытнее моего сына в житейских делах, что для него сейчас особенно важно — ведь он так быстро взрослеет. Одним словом, вы для Женечки вполне подходите.

Тут я чуть не расхохотался ей в лицо, честное слово! Наклонился, чтобы она не заметила, как меня душит смех, и... как-то машинально водрузил на стол початую бутылку «Хеннесси».

— О, да у вас еще и хороший вкус! — одобрительно заметила Ирма Витальевна. — Правильно, важные решения не грех и обмыть. Только по маленькой — договорились? Подождите, я на всякий случай запру дверь.

Как вы догадываетесь, после такого дурацкого облома сопротивляться ее напору я уже не мог. И наобещал ей все, что она хотела услышать. Чадолубивая мамаша, щебеча про своего ненаглядного Женечку, незаметно высосала почти половину моего гонорара. Причем без всякой закуски. Когда она раскраснелась и даже слегка похорошела (хотя, наверное, это сработал лишь эффект известной истины, что не бывает некрасивых женщин, а бывает мало водки), я вдруг вспомнил, что под влиянием алкоголя язык у людей обычно развязывается. Ну

и спросил как бы между прочим, будто о чем-то совсем незначительном:

— Ирма Витальевна, а вы Моргулиса давно знаете?

Поднял на нее глаза и поразился: на меня строго и внимательно смотрела абсолютно трезвая дама!

— Не смейте здесь больше произносить эту фамилию, слышите? Говорите просто: консультант.

— Ага, понял, — прошептал я.

— Что вы хотите о нем узнать? Спрашивайте быстро, ну!

— Да мне он вообще-то по барабану, Ирма Витальевна. Это я ему зачем-то нужен, а я и так, и этак гадаю — чего он по-настоящему от меня хочет? А сообразить не могу.

Она зачем-то оглянулась по сторонам — словно в моем кабинетике кто-то мог где-то спрятаться или внезапно свалиться с потолка. Потом — ну точно как в фильме про шпионов! — взяла телефонный аппарат и выдернула из него шнур. Показала мне кивком, чтобы я сделал погромче радио, что-то бубнившее у меня за спиной. И только после этого тихо и внятно заговорила.

— Вы способны серьезно меня выслушать?

— Ну, наверное, да. Способен.

— Я вам скажу сейчас одну вещь. Исключительно потому, что вы дружите с Женей. И значит, ваша дальнейшая судьба мне тоже теперь безразлична. Вы меня понимаете?

Я кивнул и постарался придать своей физиономии самое интеллектуальное выражение, на которое способен.

— Так вот: нашему шефу осталось здесь командовать до октября. Пять месяцев. Это вопрос решенный. Он может упираться как угодно, но уже есть человек, который его точно сменит.

— Если это опять Моргунов, то ему не...

— Я же просила без фамилий! — прошипела она. — Нет, это другой. Живет далеко, но школу окончил в нашем городе. Владелец нескольких крупных заводов, производит оборудование для нефтянки, что-то еще химическое... Можете представить, сколько у него денег?

— Ну и чего он тут забыл? Зачем ему с такими бабками наш городишко?

— А зачем Абрамовичу эта занюханная Чукотка?

— Сравнили тоже, Ирма Витальевна! Партия сказала «Надо!», олигарх ответил «Есть!».

Она посмотрела на меня уважительно: мол, надо же, этот чайник что-то соображает в высокой политике.

— Ну, я лично думаю, что в нашем случае еще и другое сыграло роль: юношеские амбиции. Человек уехал из родного города нищим студентом и мечтает вернуться победителем, так сказать — на белом коне.



— Вот это уже похоже.

— Да, но вам-то какая разница, какие у него мотивы? Вам о другом думать надо: чем сами займетесь, когда он вас уволит.

— А может, я и ему пригожусь? Хороший консультант еще ни одному начальнику не мешал!

— Не стройте иллюзий, Сергей Игоревич. У него уже есть кандидат на ваше место.

Она произнесла это так, что я, наконец, понял все и сразу. Словно вытянул нужную карту в пасьянсе — и легко сложилась капризная комбинация. И правда, ребята действуют абсолютно логично: зачем тратить сумасшедшие деньги на выборы, да еще с риском проиграть, если есть вариант куда дешевле и надежнее: заранее устранить с пути главного конкурента. Тут любые средства годятся, любая пешка может оказаться решающей. В том числе и моя скромная персона.

Значит, мистифицируя и запугивая меня, они действительно хотят, чтобы я играл нужную им партию: дул в уши Владлену Степанычу, что народная любовь к нему иссякла и на выборах его ждет неизбежный провал. Господи, какие идиоты! Плохо они знают шефа, он же упрямый, как верблюд. Сбить с курса его может только какое-то совершенно неординарное событие.

— Вы о чем так глубоко задумались, Сергей Игоревич? — донесся до меня голос Ирмы. — Я вот что вам хотела сказать: если вы будете себя разумно вести, то у вас есть хороший шанс сохранить свою должность. Ведь мэру может понадобиться и второй консультант, верно?

— Допустим. Но если все, как вы утверждаете, уже решено, чем я могу быть полезен?

— Об этом не со мной. Я и так уже сказала больше, чем следует. Если хотите, я передам кому надо, что вы настроены сотрудничать.

— Не знаю пока... Передайте, что я готов встретиться и все обсудить. Только без кривляний и всяких там потусторонних намеков.

— Не понимаю, о чем вы... ну да ладно. Все, мне пора идти. Давайте еще по одной — на посошок.

Я послушно наполнил рюмки. Бутылка, увы, была почти пуста.

— За что выпьем, Ирма Витальевна?

— Как за что? Конечно, за понимание!

## Глава 25. Напрасно я не пошел в следователи

К обеду мне уже казалось, что этот день никогда не закончится. Заняться было совершенно нечем, даже привычные развлечения — компьютерные игрушки, кроссворды, чтение анекдотов, шараханье по сайтам с фотоприколами — не отвлекали от мрачных

мыслей. Мобильник Василия Ивановича был упорно недоступен. Видимо, абонент до сих пор находился во вражеских застенках. Я ходил взад-вперед по кабинету, самому себе напоминая тигра в клетке. С тоской поглядывал за окно, где майское солнце заливало улицы, в кронах тополей сходили с ума воробьи, вежливо мигали светофоры, а девушки в коротких юбках собирались стайками вокруг скамеек и до безумия эротично лизали мороженое.

Галке я звонить не решался: вчера она так и не сменила гнев на милость. Я тащился за ней до самого подъезда, ныл всю дорогу, давил на жалость — в общем, вел себя, как последний кретин! Забыл, что это почти никогда не срабатывает, что наше слюнтяйство их еще больше раздражает, а лучший магнит для них — демонстрация независимости и спокойной силы.

А ведь сколько было уроков — и все не впрок! Да взять хотя бы тот случай с Лизой, девушкой совсем не моего романа, в которую я года три назад влюбился самым позорным образом. Она работала переводчицей в буржуйской фирме, жила одна в очень приличной съемной квартире, у нее были золотые волосы, ангельский голос, тонкая талия и слишком полные бедра (впрочем, тогда я этого недостатка не замечал). Ей льстило, что я каждый день встречаю ее после работы с букетом, закидываю электронный ящик глупыми восторженными письмами, звоню по десять раз на дню, чтобы еще раз сказать одно и то же: обожаю, скуучаю, не могу дождаться вечера! Черт побери, наверное, каждая девушка мечтает о таком поклоннике...

И что я получил взамен? После первой бурной ночи (уж не знаю, что на нее нашло, но она тогда сама после кино потащила меня к себе и прямо в коридоре стала расстегивать мне ремень на джинсах) моя милая Лиза сделалась холодна, как мрамор. То ли она ждала немедленного предложения руки и сердца и, не получив желаемого, оскорбилась, то ли, наоборот, разочаровалась в моих достоинствах, но на следующих свиданиях мне дозволялось лишь чмокнуть ее на прощание в щечку. Через неделю я не выдержал и, напросившись к ней в дом под предлогом срочно сходить по-маленькому, попробовал взять ее измором. Тоже ныл, умолял, картинно стоял на коленях, даже слезы выступили вполне натуральные. Она же раздраженно повторяла, что у нее сейчас нет настроения, а когда я попытался пойти на приступ, схватила со стола тяжелую сковородку и со всего маху саданула мне по башке. Кровь залила мне щеку, я выматерился, сорвал со стены полотенце, прижал к лицу и ушел, хлопнув дверью.

Три дня я игнорировал ее покаянные письма на имейл и бросал трубку, услышав ее голос. Мне действительно не хотелось ее слышать и тем более ви-

деть. А вечером четвертого дня она постучалась ко мне, вся такая несчастная, глаза зареванные, в руках — та самая сковородка... «Ну хочешь — ударь и ты меня!» — эту отчаянную фразу я никогда не забуду, слаще признания в любви я не слышал ни раньше, ни потом.

Конечно, через месяц мы опостытели друг другу, но первая неделя после примирения была просто волшебной!

Нет, все-таки Лиза была слишком глупа, с Галкой такая тактика вряд ли сработает, думаю я, разглядывая в окошко трех старшеклассниц, которые пристроились покурить за киоском. Вон та, черненькая, с кудряшками, очень даже ничего. Да и эта рыжая, которая одна из них не дымит сигаретой — тоже хороша, уже научилась кокетничать, так и стреляет глазками по прохожим мужского пола.

И тут перед моим взором разыгрывается увлекательная сцена. К киоску подходит Женька Грошин, тычется носом в стекло, разглядывая товар, потом что-то покупает, поворачивается, чтобы идти дальше, — и буквально наталкивается на эту рыжую. Она преграждает ему путь, похоже, о чем-то спрашивает, помахивая рукой. Грошин кивает и... протягивает ей пачку сигарет.

Он что — курит?! Ведь только вчера вечером чуть не задохнулся от единственной затяжки! Неужели притворился? Зачем? Ни фига не понимаю...

Пачка у него не распечатана, рыжая сама ее ловко вскрывает, вытаскивает одну за другой несколько сигарет, подружки прыскают, восхищаясь ее героическим поступком, а Женька лишь смущенно улыбается. Неужели так и уйдет сейчас? Стой, дурак! Когда девушка стреляет у тебя сигарету — это же идеальный шанс завязать многообещающее знакомство!

Жаль все-таки, что не научились мы еще телепатии — как бы это сейчас пригодилось. Ну не кричать же советы, высунувшись в окно... Стоп, да я ведь могу позвонить ему на мобильник! Лихорадочно ищу в записной книжке его номер, краем глаза кося за окно. Не уходи, Женька, идиот ты этакий, стой еще, поулыбайся той рыженькой!

Черт, гудки идут, а он не отвечает! Оглох, что ли, от ее щебета?

Ладно, все равно уже поздно. Я прослеживаю его путь до угла нашего здания, потом смотрю на часы. Ура, через пять минут можно смыться: наступает самое счастливое время суток для муниципального служащего — законный обеденный перерыв.

Когда я уже собираюсь покинуть кабинет, Женька мне сам звонит.

— Искали меня, Сергей Игоревич? Извините, я телефон в плаще забыл.

— Обедать в столовку идешь?

— Да, конечно.

— Ну, там и поговорим.

Когда я спускаюсь в столовую, он уже стоит в очереди, держа под мышкой два подноса. Мы молча киваем друг другу, берем тарелки из рук приветливых раздатчиц, знающих всех едоков по именам-отчествам. И садимся за самый дальний столик, возле которого раскинул свои глянцевые листья высокий фикус, живущий в огромной деревянной бочке. Старожилы нашего коридора утверждают, что он появился в этом здании еще в эпоху развитого социализма и стоял в приемной председателя горисполкома. Но первый демократически избранный градоначальник приказал убрать фикус на помойку — мол, нечего в мэрии разводить мещанство! Поварихи пожалели ни в чем не повинное дерево и забрали его к себе. Словно в благодарность, оно стало расти как на дрожжах, несмотря на искусственное освещение. И вымахало под потолок.

— Странно, что ты сегодня на работе, — говорю я, отправляя в рот первую ложку супа. — По моим расчетам, ты должен быть как минимум в травматологии, а то и вообще в морге.

— Это почему? — обалдевает от такого начала Женька.

— Да потому, что мама должна была тебя убить за вчерашнее.

— За водку, что ли? Так я же не успел выпить...

— Нет, за другое. Зачем за меня встрял в ментовке? Ирму Витальевну полной дурой выставил.

— Не знаю, как-то все само получилось. А мама даже не ругалась потом, я сам удивился, почему.

— Ладно, будем считать, тебе повезло. Но теперь уж она тебя точно грохнет.

— Да за что же, Сергей Игоревич? — Женька отложил вилку, которой ковырял овощной салат, испуганно уставился на меня.

— А то сам не знаешь? Унюхает, что от тебя табаком разит, и прибьет. Ну, может не насмерть, но очень больно.

— Каким таким табаком? — притворяется он очень даже натурально. Но я же, в конце концов, не слепой и галлюцинациями пока не страдаю.

— Каким табаком — тебе лучше знать. Надо полагать, импортным. Ты зачем курить начал, а? Не отворачивайся, в глаза смотри!

Но он все же отворачивается и мгновенно краснеет, как юная курсистка, увидевшая предмет своей первой любви. Я с любопытством наблюдаю, как на его угреватой физиономии мельтешит сложная гамма чувств. Смущение, растерянность, отчаянное напряжение извилин... Похоже, он ищет, как бы это соврать, чтобы вранье выглядело правдой.



— Ничего я не курю, Сергей Игоревич. Мне и не хотелось никогда.

— А кто сигареты покупал в киоске?

— Так вы видели? Из окошка, да?

— Нет, сквозь стену, догадливый ты мой!

— Сергей Игоревич, это я не для себя, честное слово! Меня попросили.

— Кто? Говори быстро! — безжалостно требую я. Эх, напрасно я не пошел в следователи, у меня, похоже, это здорово получается.

— Ну, кто-кто... девушка одна...

— Какая? Имя, фамилия, род занятий — быстро!

— Да это ваша знакомая, ну, что вчера в милиции была. Галина Георгиевна.

Ни фиги себе... Интересно, когда это он успел с ней так близко сойтись, что она уже посылает его за сигаретами?! Я с удивлением ощущаю в груди сильнейший укол ревности. Умом понимаю: идиотизм, глупость, ничего между ними нет и быть не может, стоит только представить их рядом — и уже смешно. Но будь мы с ним не здесь, а в темном переулке, я бы сейчас размазал его по стенке!

Он продолжает торопливо оправдываться, как будто в самом деле совершил по недомыслию какой-то кошмарный проступок. Все, дескать, вышло совершенно случайно: он шел в финансовый отдел за какой-то справкой, а тут навстречу — она. Он хотел пройти мимо, даже специально не поздоровался, но она сама его остановила, спросила: неужели не узнаете? Конечно, узнаю, проблеял он, и хотел идти дальше. Тогда она спросила его имя, а потом сказала: ага, так вы тот самый Грошин, который скоро получит наследство от американского дедушки-миллионера! От новозеландского, поправил Женька, и опять же, по его уверениям, хотел идти за своей справкой. Но Галина Георгиевна (он именно так ее и называл все время, словно подчеркивая свои с ней чисто служебные отношения) начала расспрашивать дальше: сколько ему лет, да какой вуз он закончил, да где живет и с кем... А когда он обмолвился, кто есть его мама, Галина Георгиевна уважительно заметила, что за такой мамой он как за каменной стеной и она ему в этом смысле даже завидует. Под занавес этой содержательной беседы она предложила ему пойти покурить, на что он, естественно, ответил, что не имеет этой злой привычки. Именно тогда она и сказала, что у нее закончились сигареты, а сбегать за ними, увы, некогда. Женьке, как настоящему джентльмену, ничего не оставалось, как предложить свои услуги.

— А что она курит? — задал я проверочный вопрос. Как известно, даже самые гениальные вруны всегда попадают на мелочах.

— Эти, как их, такие тоненькие... «Эссе», по моему. С ментолом.

Надо же, знает. Значит, так все и было. Плохо, брат, говорю я себе, все очень плохо. Если девушка поймала восхищенный взгляд молодого самца, пусть даже он и полное чмо, как Женька, она уже не остановится, пока ничего не подозревающий объект не попадет в ее сети. Зачем им это надо, нам не понять, возможно — чтобы лишний раз ощутить волшебную силу своей красоты, а может быть — просто для коллекции. Да это и не важно... Важно то, что свою роль в ее жизни я, безусловно, переоценивал. И наша вчерашняя размолвка — не пустяк, не случайный эпизод в счастливом и долгом романе. Если я не придумаю что-то невероятное, что-то такое, от чего она снова сойдет с ума, то ждать развязки уже недолго.

Замуж ей, что ли, предложить? Старомодно, согласен, но обычно на девушек это действует благотворно. Их фантазия воспламеняется: белоснежное платье, фата, шикарный лимузин в цветах и воздушных шариках, золотые кольца на бампере, дурацкая кукла на крыше, дождь из лепестков и монет, сыплющийся на счастливую пару, шампанское пенится, норовя удрать из бокалов, бесконечные крики «Горько!!!», завистливые взгляды подружек... Заманчиво, черт возьми!

Правда, некоторые умеют заглянуть и подальше и с ужасом увидеть тоскливые выходные под телевизор, вечную готовку, стирку, глажку, уборку, батарею лекарств возле детской кроватки, бесконечные ночи, когда спишь вполглаза, а проснувшись от детского хныканья, видишь рядом с собой такой знакомый и такой чужой похрапывающий профиль... И все равно, замуж — это очень заманчиво, потому что все иные варианты судьбы, как бы их не расхваливали разведенки и феминистки, все равно проигрыш, тупик, путь к самому страшному для женщины варианту — финальному одиночеству.

— Сергей Игоревич, вы меня что, не слышите?

Женька держит в руке недопитый компот и смотрит на меня удивленно и укоризненно.

— Извини, задумался... Работы шеф навалил невпроворот.

— Я спрашивал: мы сегодня снова пойдем в ресторан, а?

— Что, понравилось?

Он опять краснеет, как кисейная барышня.

— Ну, интересно вообще-то. Я бы хотел все-таки с девушкой познакомиться, вы же обещали научить, как. А вы не знаете, может быть, у Галины Георгиевны есть подруга, тоже такая красивая, как она?

— Поищем, обязательно поищем! Только ты учти: красивые девушки в жены не очень годятся.

— Это почему, Сергей Игоревич?

— Ну, они слишком много о себе воображают. Хлопотно с ними, понимаешь ли.

Женька посмотрел на меня с явным недоверием. Я допил компот и стал методично выуживать из глубины стакана и отправлять в рот разваренные кусочки яблок, изюминки и — вот оно! самое мое любимое! — цельная черносливина с продолговатой косточкой внутри, которую можно смаковать и обсасывать долго-долго.

— Тогда почему все стараются жениться на красивых? — спросил наконец он, когда я уже поднялся и начал убирать на поднос тарелки и блюда с остатками скромной чиновничьей трапезы.

— Ну, как бы тебе объяснить... Вот смотри, допустим, решил ты завести собаку. Но ты же не только для себя ее заводишь, а чтобы и другие видели, какая у тебя славная есть собака. Поэтому ты вряд ли будешь подбирать на улице беспородную шавку, верно? А пойдешь в клуб собаководов, купишь за приличные деньги какого-нибудь эрдельтерьера, спаниеля или там болонку. В зависимости от вкуса, в общем. Ну, если ты полный пижон, тогда выберешь совсем уж экзотическую породу, ну, не знаю — китайскую карликовую собачку. И тогда не она будет вокруг тебя прыгать, а ты вокруг нее. Да еще и уйму денег при этом придется угрохать на ее содержание. Хотя от обычного двортерьера ты получил бы ничуть не меньше любви, преданности и стандартных собачьих услуг. Да он бы молился на тебя за каждую сахарную косточку!

— Собаки молиться не умеют, — сумрачно отметил Женька, явно не догадываясь, к чему я клоню.

— А откуда ты знаешь? Ты что, в прошлой жизни был собакой? Нет — тогда и не говори. Мне вот иногда кажется, что это не мы, люди, имеем домашних животных, а они имеют нас.

Словно в подтверждение моих слов из-за кадки с историческим фикусом, украшавшим когда-то приемную советских градоначальников, ленивой хозяйской походкой вышел Жоржик — рыжий лоснящийся котяра, давно живущий здесь при кухне. Он презрительно покосился на наши с Женькой ноги, фыркнул, зевнул — и прошествовал по проходу в сторону кладовки. Эту наглую усатую морду завсегдатаи столовки хорошо знали. Жоржик регулярно тырил котлеты и антрекоты прямо с тарелок зазевавшихся едоков, его не раз пытались за это побить, но всегда вступалась заведующая. Она души не чаяла в этом «милом котике», и ему все сходило с лап. И ладно бы он голодал — куда там! Я не сомневаюсь, что его миска на кухне всегда была полна, и не абы чем — а самой жирной рыбкой, самой сочной телятинкой и густой сметанкой. Но ворованное этому обжоре почему-то казалось вкуснее.

— Тебе никогда не приходило в голову, — продолжал я развивать свою мысль уже на заднем крыльце, куда мы вышли с противоположными целями, я — покурить, а Женька — подышать свежим воздухом, — что человек, назвав себя царем природы, сильно преувеличил? А на самом деле мы прислуживаем сотням видов животных и растений, размножаем их, кормим-поливаем, создаем все условия для их беззаботного существования, выводим новые виды и сорта, улучшаем породу, ну и так далее. Сколько сил тратим на это!

— Но мы ведь их потом едим, — резонно возразил Женька.

— А можно подумать, в лесу заяц не ест траву, а волк — зайца! Все живое именно для того и существует, чтобы в конечном итоге быть съеденным. Но тот же волк в лесу может и с голоду сдохнуть, если не поймает зайца, а домашней собаке еда достается, можно сказать, даром. Это мы вкалываем, чтобы собаку накормить. Так кто кого имеет?

— Сергей Игоревич, я что-то не понимаю, как все это связано с девушками... Почему красивые не годятся в жены?

— Ну, блин, все тебе надо разжевать и в рот положить! Не умеешь мыслить ассоциативно!

— Зачем вы ругаетесь, чего я такого спросил?

Боже ты мой, где его учили и чему?! Или он такой сразу родился — без воображения, прямой, как лыжная палка? Я бросаю окурки в замызганное ведерко у двери. Пора, однако, возвращаться в свою келью, хватит мне уже нарушать трудовую дисциплину. Судя по тому, какая нешуточная схватка началась за кресло моего шефа, он скоро про это неизбежно узнает — и тогда моя беззаботная жизнь закончится. Нюх Владлен Степанович, похоже, еще не совсем потерял, вон как от того дурацкого анекдота всполошился, поэтому должен почуять опасность. Хотя (тут я натурально стучу себя по лбу) откуда ему знать про амбиции какого-то выпускника местной школы, ставшего «владельцем заводов, газет, пароходов» где-то далеко-далеко от нашего города? Может, надо ему все-таки рассказать про это?

— Сергей Игоревич, это вы так показываете, что я совсем тупой?

Вот черт, этот чудик воспринял мой машинальный жест на свой счет! Еще мамаше нажалуется, а она меня таким высоким доверием почтила, в друзья-наставники сынуле назначила... Как бы от него отвязаться, а?

— Слушай, Женя, ты мне пока просто поверь. Я тебе как-нибудь потом все подробно объясню про психологию красивых девушек.

— Ладно, — послушно кивнул он. — Значит, сегодня мы никуда не пойдём?



— Понимаешь, мне после вчерашней истории надо немного отдохнуть от спиртного. И хорошо бы узнать, что там с Василием Ивановичем и Петькой — отпустили их или как? Жалко все-таки, ребята хорошие.

Тут Женька внезапно отвернулся и стал пристально рассматривать камушки на стене. Казалось, он пытается просверлить ее взглядом.

— Женька, ау! — похлопал я его по плечу. — Ты чего, расстроился?

— Мама утром Владлену Степановичу служебную записку написала, что они меня спаивали, — пролепетал он, упорно глядя в стену. — И в милицию звонила еще из дома, кричала, чтобы в мэрию послали факс про то, как их задержали за дебош в ресторане.

## Глава 26. Проклятое дворовое воспитание

Ровно через две минуты я уже влетел в приемную шефа, сопя и всхрапывая, как загнанная лошадь. Секретарша оторвалась от кипы бумаг, которые она раскладывала по папкам, умело спрятала изумление, искрой мелькнувшее в тусклых поросячьих глазках, и невозмутимо кивнула мне на стул. Мой статус позволял приходить к мэру без предварительной договоренности, но я уж и забыл, когда в последний раз пользовался этой привилегией.

— Магдалина Алексеевна, кто у шефа? У меня к нему сверхсрочное дело!

— Совещается с банкирами. Велено не беспокоить, пока не закончат. Хотите — ждите, если вам так срочно.

— А вы еще не давали ему утреннюю папку? — спросил я, прекрасно зная, что ответ будет, скорее всего, отрицательный: по давно заведенному порядку первая папка с документами ложилась на стол мэра ровно в двенадцать ноль-ноль, если, конечно, он не сваливал куда-нибудь в это время.

— Владлен Степанович все уже подписал.

— А там не было факса из милиции?

— Откуда вы знаете? Лиховцев что, уже успел похвастаться своим последним подвигом?

— Почему последним?

Вместо ответа секретарша вынула из кипы листок и протянула мне. Читать весь текст не было нужды, потому что над нечеткими факсимильными строчками в левом верхнем углу был выведен приговор: «Уволить к чертям! Можно по собственному». А под ним — знакомая подпись мэра, всегда напоминавшая мне почему-то след подвыпившей курицы.

— Если вы, Сергей Игоревич, пришли за Лиховцева и Елисеева просить, то можете возвращаться, — секретарша даже не думала скрывать злорадства. —

Эта парочка давно уже напрашивалась. Владлен Степанович решение не изменит.

— Да я по другому вопросу вообще-то, — соврал я и тут же пожалел о сказанном. Теперь фигурки уйдешь, придется срочно изобретать повод для столь внезапного визита. Чапай, конечно, сам виноват, я его сто раз предупреждал: перестань в конторе по ночам бражничать, ведь заложат, доброжелателей тут хватает. Но вчерашняя история все-таки на моей совести, ведь это я предложил налить водки Грошину! Теперь меня совесть с потрохами сгрызет, если моего приятеля не помилуют.

Я взял со столика журнал «Бизнес и финансы Дальнегогорья» и притворился, что внимательно читаю какую-то статью с кучей графиков и диаграмм. Шестеренки в голове крутились с диким скрежежом, но достойный повод внезапно посетить мэра никак не придумывался. Я с тоской поглядывал на стрелки больших квадратных часов, висевших на стене, и мысленно просил их двигаться помедленнее. Хотя до конца рабочего дня мне все равно не дотянуть...

«По сведениям, полученным из официальных отчетов независимого регистратора, в первом квартале приволжская промышленно-финансовая группа «Аргус-нефтехим» совершила ряд крупных сделок по приобретению коммерческих активов в г. Эрске», — на этом сообщении в колонке «Деловые новости» я невольно задержал взгляд, очевидно, из-за упоминания нашего города. Стал читать дальше, пытаюсь понять, что меня тревожит в этой невинной в общем-то информации. «Сферы вложения капитала «Аргус-нефтехим» в г. Эрске достаточно многообразны: добыча и переработка минеральных ресурсов, торговые сети, банковское дело, производство строительных материалов, заправки и автосервис. Примечательно, что основатель и главный акционер практически всех предприятий промышленно-финансовой группы Л. Бичурин является уроженцем г. Эрска, он окончил там среднюю школу».

Так значит, это не блеф, не вранье — то, о чем сегодня проболталась мне подвыпившая Ирма! Приволжский капиталист Л. Бичурин активно готовит для себя почву, скупает у нас в городе перспективный бизнес. Зачем? Догадаться несложно: чтобы в скором будущем уже из мэрского кресла быстро «отбить» вложенные деньги, раздав своим же фирмам самые выгодные контракты, а потом на протяжении нескольких лет иметь гарантированный навар, исчисляемый как минимум семизначными цифрами. А мне за активное содействие этому гениальному замыслу предлагается аж двенадцать тысяч баксов... Это даже не смешно!

Стоп, дорогой, остужаю я приступ жадности, а чего ты, собственно, хотел? Чтобы тебя тоже взяли в долю и поделились по-братски прибылью от этого властно-коммерческого проекта? Бери, дурачок, эти двенадцать штук и не рыпайся — они тебе ох как пригодятся, когда придется искать применение своим потускневшим от долгого безделья талантам.

Интересно, а какой процент обещан моему «коллег», как его там — Борису Марковичу Моргулису? Надо бы у него поинтересоваться при следующей «случайной» встрече. Правду он все равно не скажет, но зато у меня будет повод поторговаться...

— Можно мне этот номер с собой взять? — ласково спрашиваю я Магдалину Алексеevну. — Я верну через пару часиков.

Она царственно кивает, продолжая разбирать бумаги. Одни аккуратно складывает на край стола, а потом с треском протыкает всю стопку большим черным дыроколом. Другие прячет в роскошную бархатную папку вишневого цвета, на которой золотом выведены инициалы и фамилия мэра. К третьим прикалывает бумажки, предварительно написав на них несколько слов своим округлым почерком, хорошо знакомым всем чиновникам в нашей конторе. Сколько же лет она состоит при шефе, пытаюсь я вспомнить, поневоле любуясь ее отточенными движениями. Поговаривают, он ее с собой притащил из какой-то малозначительной и неудобопроизносимой структуры, которую возглавлял до того, как совершил неожиданный для местной элиты прыжок в мэрокское кресло. Кто-то мне рассказывал в курилке, что Магдалина в молодости была очень даже ничего: стройная, с большой грудью и длинной старомодной косой, и якобы Владлен Степанович частенько с ней засиживался допоздна, осваивая пространство своего нового кабинета. Но за несколько лет в мэрии она сильно раздобрела, щеки округлились, бока налились дрябловатым жирком, а кожа на лице — несмотря на импортную косметику — почему-то пошла мелкими красными прожилками. Да, не красавица у шефа секретарша, но зато исполнительная, как робот, — другую такую вряд ли найдешь во всем нашем городишке.

Тут дверь в кабинет внезапно распахнулась, и на пороге возникли трое господ. Да-да, именно господ — от них так и разлило необъяснимым, но совершенно явным запахом богатства. Дело не в дорогих костюмах и галстуках, в такую униформу можно облачить любого мелкого клерка — но он все равно не будет выглядеть как настоящий, серьезный человек. Наверное, большие деньги меняют что-то во взгляде, в выражении лица. Когда ты каждую секунду осознаешь, что способен купить шахту, завод или дом в Лондоне, но можешь и в одночасье разориться — это, знаете ли, не самый простой груз...

Из-за спин господ вынырнул Владлен Степанович — и я изумился, с какой заискивающей улыбкой он пожимал им руки и говорил что-то ласково-трогательное. Меня он не замечал, так как не мог оторвать восторженный взор от драгоценных визитеров. Когда они покинули, наконец, приемную, мэр нахмурился, но не потому, что заметил меня, — а каким-то своим мыслям.

— Владлен Степанович, если вам некогда, я зайду в другой раз, — решил я обозначить свое существование.

Он смутно посмотрел на мою смущенную рожу, обернулся на секретаршу, которая в ответ на его взгляд сделала какое-то загадочное движение бровями, и решительно махнул рукой: заходи!

Потайная дверца в комнату релаксации была распахнута, оттуда тянуло сигарным дымом и сладковатым ароматом кофе и коньяка. Мэр проследовал напрямик на этот запах и водрузил свой зад на диван. Мне ничего не оставалось, как присесть на краешек табуретки и преданно уставиться на него, ожидая дозволения открыть рот.

— Слышал про такой закон: сегодняшние деньги всегда дороже завтрашних?

Я послушно кивнул, хотя, честно говоря, слышал эту фразу впервые.

— Ну это же объяснимо: инфляция...

— Да я врубаюсь! — покраснев, заорал он. — Но почему завтрашние деньги в два раза дороже, если инфляция всего десять процентов!

Он вдруг вскочил с дивана, схватил со столика пепельницу, в которой лениво дымился сигарный окурок, и с наслаждением плюнул на него.

— Ладно, забудь... Ты чего пришел?

— Владлен Степанович, тут такое дело...

— Короче.

— Мне стало известно, кто на выборах ваш главный конкурент. Информация абсолютно достоверная.

Он глянул на меня так, как, наверное, Малюта Скуратов смотрел на вздернутых на дыбу бояр, заподозренных в измене. И, похоже, не разглядел ничего подозрительного, потому что опять потянулся к столику и налил две полные рюмки коньяка.

— Бери. Пей. Рассказывай.

Я едва устоял от соблазна выпить до дна и все ему выложить — и про Ирму, и про Бобышкина, и про таинственного консультанта. Помешало проклятое дворовое воспитание: обещал молчать — засунь язык в жопу и молчи. А я Бобышкину, этому ничтожеству, сдуру-таки пообещал... Поэтому сейчас я только пригубил ароматную обжигающую жидкость. И протянул мэру раскрытый журнал, который прихватил из приемной.



— Вот, почитайте в «Деловых новостях»: приволжский олигарх скупает в нашем городе бизнес.

Владлен Степанович быстро пробежал текст и беспечно махнул рукой:

— Не убедил. Мало ли кто у нас выгодные ниши для бизнеса хочет захватить. Обычное дело.

— А вы обратили внимание, что этот Бичурин родом из нашего города?

— Тем более не убедил. Может, у него тут просто родственники живут. Он их приглядывать поставит за своими активами, это по-любому надежнее, чем доверять непонятно кому. Сам-то, поди, не собирается переезжать сюда из своего Приволжска. Там и масштабы другие, к Москве поближе. Да и связи налажены, как говорится — все давно схвачено.

— Владлен Степанович, вы, конечно, очень логично рассуждаете, но у меня есть целых три источника, которые подтвердили, что Бичурин метит на ваше место. Только не спрашивайте, кто это: я, дурак, дал слово, что буду про них молчать.

— А какого хрена они с тобой про это вообще говорили?

— Предлагали мне на этого гражданина поработать. Мол, у вас все равно шансов почти никаких...

— Ну, а ты?!

— Честно?

— А как еще, твою мать!!!

— Обещал подумать.

Мэр опять преобразился в Малюту, теперь уже надолго. Смотрел на меня сурово и подозрительно, смотрел, смотрел... Мне даже весело стало. Потом встал, подошел к окошку, еще минуту-другую молчал, глядя на майские сопки, окутанные нежной зеленью лиственниц и берез.

— Ладно, полетишь туда и все выяснишь, — не порочиваясь, сказал он.

— Куда «туда»? — удивился я.

— В Приволжск, куда ж еще.

Мама дорогая, вот это я доболтался! Он что, думает, будто я закончил разведшколу? Что я выясню в этом Приволжске, если никого там даже не знаю?!

— Владлен Степанович, а вы уверены, что я справлюсь?

— Легко. Ты ж сам говоришь, они тебя припахать хотят. Вот и соглашайся, но скажи, что условия хочешь обсудить с самим заказчиком. Отпуск я тебе дам. Ну и денег на расходы, само собой. Без излишеств только, смотри мне!

— А вдруг они разгадают, что я засланный казачок?

— Не будешь дураком — не разгадают. Иди, договаривайся, потом доложишь, что получилось.

— Хорошо, Владлен Степанович, я попробую. Если они согласятся на такой вариант, то сразу полечу и что смогу, то выясню. Только у меня одна просьба.

— Говори.

— Не увольняйте, пожалуйста, Лиховцева. За Елисеева не прошу, а Лиховцева не надо.

— Да я уже все подписал! Давно пора было их выгнать, оба уже меня так достали! Тоже нашел, за кого просить. Слышал такую поговорку: если пьянка мешает работе, бросай работу...

— Я вас очень прошу, Владлен Степанович! Понимаете, вот как раз вчерашняя история — чистое недоразумение. Мы с Лиховцевым вместе в кабаке были, он случайно под раздачу попал. Я больше виноват, честное слово!

— А правда, что Ирма там с ним подралась?

— Правда.

— Вот же змея, а не баба!

— Ну да... Так что насчет Лиховцева?

— Ладно, пусть пока работает. Скажи Магде, чтоб ментовскую бумагу в сейф пока запрятала. Но если из Приволжска пустой вернешься — я этого алкаша в тот же день вытурю. Понял?

— Спасибо, Владлен Степанович!

Я одним глотком допил коньяк и выскочил из кабинета в расхристанных чувствах. Секретарша уже закончила с бумагами. Она не удостоила меня взглядом, поскольку была увлечена своим излюбленным делом — полировала ногти на руках, сдувая с них микроскопические пылинки. Я подошел к ее столу вплотную и, невинно улыбаясь, передал приказ мэра. Она от неожиданности уколола пилочкой палец, негромко охнула и с ненавистью посмотрела на меня. Пожалуй, это было самое приятное событие за весь сегодняшний сумбурный день.

## Глава 27. Козел среднего возраста

— Галчонок, привет! А у меня для тебя сюрприз!

— Что, опять?! Куда ты сегодня угодил — надеюсь, в травматологию?

— Бери круче — сразу в морг.

— Поздравляю, давно пора!.. А если серьезно?

— Я пить бросил.

— Зачем?

— Что значит зачем? — растерялся я.

— Ну ты же этим преследуешь какую-то цель, да? Вот и объясни, какую.

— Понимаешь, прочитал недавно, что алкоголь плохо влияет на способность мужчин к зачатию. И подумал: вдруг мы с тобой затеем ребенка, а я буду стараться вхолостую. Тебе же это не понравится, верно?

В трубке раздался странный звук: то ли сдавленный смех, то ли сдерживаемое рыдание. А может, это в сотовых сетях запуталась какая-нибудь виртуальная птаха...

— Галчонок, ты что молчишь? — решил я спросить после долгой-долгой паузы. — Не рада?

— Ну что ты, я так тронута! Такая жертва с твоей стороны! Как ты на нее решился?

— Я...

— Да ты жалкий враль, вот ты кто! Я тебя вижу насквозь: ты думал, что я тут же растаю — как же, ты ведь типа делаешь мне предложение, даже про ребенка заговорил... Только мне твоя жертва не нужна! Можешь пить сколько угодно! И с кем угодно!

— Хорошо, давай сегодня же напьемся. С тобой вдвоем. И помиримся наконец.

— А мы разве ссорились? Ссорятся только близкие люди — а мы с тобой просто тра-ха-ем-ся. Точнее, трахались.

— То есть ты хочешь сказать...

— Да, именно это: я не знаю, захочу ли еще!

Я замолчал, лихорадочно пытаюсь сообразить: это она всерьез или просто берет меня на пушку — пытается таким образом перевоспитать, подчинить себе, как любят делать многие далеко не самые глупые представительницы их племени. И самонадеянно решил, что надо просто еще немного поиграть в поддавки — и все вернется на круги своя.

— Слушай, Галчонок, ну перестань, пожалуйста. Я же у тебя сто раз прощения попросил за вчерашнее. Давай еще раз попрошу, если мало. Могу прямо сейчас приползти к тебе на коленях.

— Спасибо, не надо. Я очень устала. Если помнишь, ночью почти не спала из-за твоих приключений.

— Значит, просто уснем в обнимку.

— Нет, я сказала! Не вздумай ко мне притащиться, слышишь!

— Что-то ты, моя сладкая, слишком настойчиво меня отшиваешь... А может, ты не одна? Боишься, что я вам кайф поломаю?

— Да пошел ты!

Ну вот, отключилась... Зачем ты вообще ей стал звонить, козел среднего возраста?! Выждал бы пару дней, а потом заявился с цветами и какой-нибудь золотой висюлькой — может, и попал бы в нужное настроение. А теперь вообще непонятно, что делать. Тем более не сегодня-завтра придется лететь в этот чертов Приволжск!

Настроение и так было мерзейшее, а тут еще вспомнился давешний разговор с Бобышкиным. Я направился его искать сразу после того, как вышел из приемной шефа. И нашел, как ни странно, на его рабочем месте — хотя он там обычно и часа в

день не проводит. Увидев меня в дверях, он побледнел так, словно я пришел его арестовывать.

— Павел Викторович, мне надо у вас кое-какие данные уточнить для отчета Владлена Степаныча перед депутатами. — Я постарался придать своему голосу максимальную степень деловитости. — Когда вы освободитесь, сможете зайти ко мне?

Бобышкин затравленно кивнул, достал из нагрудного кармана белоснежный пижонский платочек и вытер вспотевший лоб.

Через пару минут он заглянул в мой кабинет и кивком пригласил выйти. Сам рванул вниз по лестнице так, будто за ним гналась стая гепардов. А когда мы вышли во внутренний дворик и завернули в закуток, укрытый от посторонних глаз мусорными контейнерами, зашипел, как удав:

— Вы зачем ко мне приперлись?! Это же... прямо не знаю, вы же могли выдать меня с потрохами! Что, нельзя было просто позвонить и сказать, что согласны на нас работать?

— А вдруг у вас телефон прослушивается?

— Вы серьезно? Боже мой, я об этом и не подумал! Погодите, а как же мне теперь... Сергей Игоревич, а вдруг они уже давно мои разговоры слушают?

— Все может быть. Ставки, сами понимаете, слишком высокие.

— Почему же вы меня об этом не предупредили?! Это полный капец! Если до Степаныча вдруг дойдет, мне тут и дня больше не работать!

Жалкое зрелище представлял собой в эту минуту мой коллега, он потел, не знал, что делать с руками — то совал их в карманы, то беспорядочно ими размахивал, то зачем-то крутил на лацкане свой знаменитый значок, подтверждающий его членство в загадочной муниципальной академии. И ежесекундно озирался по сторонам, как будто надеялся увидеть кого-то постороннего в этом закутке, хотя подслушивать нас могли разве что крысы, собирающие свою законную дань в пищевых отбросах.

— Да успокойтесь вы, Павел Викторович, это ж я только предположил. Как говорится, береженого бог бережет. Да и с вами мне больше вряд ли понадобится контактировать.

— Почему? Вы что, все-таки отказываетесь с нами сотрудничать?

— Да как вам сказать... — Я покачал головой, как бы раздумывая, стоит ли вообще продолжать разговор. Достал сигареты, долго прикуривал, изображая сомнение. — В общем, проконсультировался я с профессионалами. Они считают, что сумма, которую вы мне предложили, не заслуживает внимания. Она, как бы это изящнее выразиться... оскорбительно скромна. То есть даже близко не соответствует реальной стоимости той услуги, о которой меня просят.



— Так я же вам говорил, Сергей Игоревич, что в моей компетенции несколько увеличить ваш гонорар.

— Ну что вы мне предложите — вместо двенадцати тысяч тринадцать? Или пятнадцать? Это не разговор. Я ведь имею в виду, что сумма должна быть больше на порядок. Но и это не главное: сначала я хотел бы лично встретиться с господином Бичуриным.

Во взгляде Бобышкина проскользнуло недомыслие.

— Зачем это вам? — пролепетал он.

— Что значит зачем? Все вполне логично, Павел Викторович! Должен же я обсудить с ним мои собственные перспективы после того, как он станет мэром.

Бобышкин явно не ожидал такого поворота событий. Тем не менее лицо его просветлело: похоже, он мгновенно высчитал, что и его процент от намечаемой сделки может вырасти на порядок.

— Я этот вопрос самостоятельно решить не могу, Сергей Игоревич, но сегодня же сообщу о вашем предложении кому следует, — бодро заявил он.

— Вот и славно. — Я бросил окурочку под ноги, повернулся и пошел в здание. Бобышкин двинулся было за мной, но я обернулся: — Подождите, нам лучше не мелькать вместе на людях. Зачем давать повод для подозрений?

Он послушно отскочил назад. И остался наслаждаться весенним воздухом, слегка подпорченным пикантными ароматами, ползущими из замызганных контейнеров.

## Глава 28. Нельзя дважды войти в одну реку

Все-таки мы, мужики, тоже загадочные существа, думаю я, неотрывно глядя на ее подъезд. Вот какого черта я здесь торчу битый час, в засаде между кустами сирени, то и дело натываясь лицом на выклюнувшиеся из почек нежные стрелки будущих соцветий? Что хочу выяснить, чего добиться? Неужели всерьез надеюсь, что она бросится мне на шею, если я шагну к ней из темноты? Да может быть, она вообще не придет сегодня, может, у нее по расписанию встреча с другим кандидатом на роль спутника жизни? И мобильник она с собой не взяла специально — чтобы не отвлекаться от такого важного мероприятия. Или она все-таки дома, причем именно с этим кандидатом?! И не берет трубку, потому что видит, кто ей назойливо трезвонит каждые пять минут...

Мрачные предчувствия одолевают меня, я злобно давлу комаров, которые, ошалев от весенней голодухи, таранят мои уши и щеки, словно фанатичные камикадзе. Дверь в Галкин подъезд иногда откры-

вается, и каждый раз сердце мое подпрыгивает, а потом зависает, как будто в невесомости. Дурак ты, Серый, ругаю я себя, дожил до сорока, пора бы уже о внуках подумать, а ты все играешь в романтического юношу, который мечтает о большой и чистой любви. Мало ты за свою бурную биографию вот так же тупо стоял у подъездов, свистел в окошки, лазил на балконы, преодолевал заборы и прочие препятствия?! Мало тебе плевали в твою глупую влюбленную морду?! Когда же ты поймешь, что мудрец верно заметил: нельзя дважды войти в одну реку. Еще вчера вы нежились в теплых ласковых волнах, и радуга вспыхивала в каждой капле, стекавшей с ее ладошек. А сегодня — тучи, ветер и собачий холод, ваши счастливые минуты уплыли по быстрой воде — как бумажные кораблики, и ты в этой реке просто утонешь, если захочешь их догнать и вернуть...

— Как тепло сегодня, скажите, Галя? Может, еще немного погуляем, а?

Невероятным усилием воли я заставляю себя замереть в своем ненадежном укрытии. Сквозь переплетение ветвей вижу два знакомых силуэта. Галка стоит ко мне спиной, а Грошин — лицом, и я вдруг вспоминаю, что точно такое же глуповато-восторженное выражение на этом лице уже видел совсем недавно. Где? Ну да, конечно же в ментовке, куда Галка прибежала среди ночи «брать меня на поруки». В том, что Женька на нее мгновенно сделал стойку, нет ничего удивительного, я его прекрасно понимаю. Но она, она! Что могло ее в нем заинтересовать?! Манерный, инфантильный, жалкий недоумок, слюняк, ничтожество, маменькин сынок! Неужели она этого не видит?

Галка поворачивается — ого, да у нее в руках букет. Розы! Надо же, наш начинающий донжуан сегодня на удивление щедр. Похоже, мои советы идут ему на пользу. Классический выбор, благородные цветы — почти на все случаи жизни. Интересно-интересно, где эти голубки сегодня провели вечер — в кино или в ресторане? До поцелуев у них, кажется, еще не дошло, иначе с чего бы он обращался к ней на «вы»...

— Нет, Женечка, поздно уже, — немного виновато отвечает кавалеру моя ундина. — Завтра на работу рано вставать. Спасибо за приятный вечер, мне все понравилось — и фильм был прикольный, и в суши-баре мы славно посидели... А цветы вообще замечательные. Сейчас брошу их в ванну с теплой водой, чтобы подольше стояли. Обожаю, когда в доме цветы!

— Черенки надо обрезать, тогда розы целую неделю не осыплются. А мама еще какие-то таблетки в вазу бросает, я могу завтра спросить, какие...

— Спросите, конечно. Кстати, мама у вас такая суровая на вид, и в мэрии у нее авторитет — просто невероятный! Она и дома такая?



© Дудякова Анна 2012



— Дома... — замылся Женька. — Нет, дома она добрая, мягкая и мне все-все разрешает. Видите, уже сколько времени, а она даже не звонит, чтобы я домой шел.

— Но все равно, конечно, волнуется. Так что давайте прощаться! Может, стоит такси вызвать, а то ведь вам, наверное, далеко идти?

— Ерунда, не так уж и далеко...

Ну, решится он ее поцеловать или так и отвалит, гадаю я, с изумлением ощущая, как по телу разливается странное наслаждение — от иглы, вонзившейся в сердце. Может, во мне проснулся мазохист? А чем еще объяснить тот факт, что я до сих пор прячусь, как вор, в кустах вместо того, чтобы пинать ногами это нахальное чучело?

— Все, Женечка, спокойной ночи... — В ее голове только глухой не услышал бы приглашение приступить к решительным действиям. Да, плохо дело, совсем плохо! Видно, я здорово сумел ее достать за пару недель нашего романа, если она готова променять мои объятия на слюнявые приставания этого прыщавого задохлика.

Черт возьми, что он делает? Чего наклонился? Руку ей целует, надо же! Прямо как в дурацком сериале про институт благородных девиц, который ежедневно за обедом обсуждают почти все тетки в нашей конторе. А Галка — вот же змеюка подколодная! — букет положила на скамейку и другой рукой гладит его по голове...

Этого зрелища я уже не могу вынести — и иду к ним напролом, как медведь, с треском раздвигая кусты. Галка, узнав меня, тихо ахает, а Грошин мгновенно разворачивается и дает стрекача. Он бежит по двору, смешно подкидывая вверх колени, но все-таки спотыкается, роняет кепку, на секунду тормозит, подхватывает ее с земли и мчится дальше, не оглядываясь. Так и хочется звонко и длинно засвистеть ему вслед, но мне сейчас не до него — я держу Галку за руку, за ту самую руку, которую только что обслюнявил мой незадачливый ученик по амурным делам, попытавшийся превзойти своего учителя.

Она молчит, но не растерянно или виновато — а как мне кажется, с вызовом. Я смахиваю со скамейки ни в чем не повинный букет, он с обиженным шелестом падает на асфальт. Почему-то игла, застрявшая в сердце, при этом звук колет меня еще и в позвоночник.

— Подними сейчас же! — Галка вырывает у меня руку и прячет в карман плаща.

— А может, еще и за кавалером прикажешь сбегать, вернуть его? Заодно извинюсь, что так его испугал, бедняжку...

— Это необязательно. Завтра извинишься.

— Да я его завтра прибью, как только увижу! Скотина такая, ладно бы еще не знал, что ты — моя!

— Была твоя, Сережа, а теперь — своя собственная. — Она сказала это так тихо и грустно, что я понял: вот теперь точно финиш — сказка закончилась. И не в Грошине дело, и не во мне, а просто — так получилось. И ничего уже не исправишь, даже если я сейчас на руках подниму ее на седьмой этаж и заласкаю до самой сладкой истомы.

— Ладно, Галчонок, как хочешь, — боясь разрыдаться, пробормотал я. — Только почему он? Ведь сама потом над собой смеяться будешь!

— А почему бы и не он? — горячо заговорила она, словно старалась убедить не меня, а себя. — Думаешь, у нас в городе завидные женихи табунами ходят? Все как на подбор богатые красавцы с безупречными манерами? Да если хочешь знать, сейчас вообще замуж выйти — как в лотерею миллион выиграть! Нормальные парни карьеру делают, с сексом у них проблем нет — девчонки сами на шею бросаются. Уроды, алкаши и наркоши — не вариант, мне такие даром не нужны. А геев сколько развелось, ты не представляешь! Как вампиры плодятся, честное слово!

— Тише, Галчонок, еще накличешь! Выскочит какой-нибудь сейчас, поцелует меня — и сразу я от тебя отстану.

— Тебе бы все шуточки... А мне через месяц двадцать пять стукнет, но еще даже близко никто не встретился, чтобы не просто погулять, потусить по кабакам и дискотекам, а — всерьез, для жизни, понимаешь?!

— Понимаю, еще бы не понимать. Странно, конечно... ты ведь такая красивая девчонка, яркая.

— Ну да, вот и липнут всякие мачо, у которых только одно на уме, как у тебя.

— Обижает! Я ведь готов и всерьез.

— Да врешь ты все, сам себе нафантазировал. Знаешь ведь, что просто хотел растянуть удовольствие. А обо мне и не думал даже. Ну, признайся хоть сейчас, а, Сереж?

— Не признаюсь!

— Да я ведь не виню тебя, пойми, дуралейкин! Ты хороший, добрый, умный, но завтра станет тебе со мной скучно — и обязательно найдется новая дуручка, а мне ты станешь врать на каждом шагу. Ведь было уже так с тобой, ты же мне про свою вторую жену рассказывал, как безумно любил ее, пока не женился.

Верно, вспомнил я, разоткровенничался как-то, идиот... Она права, тысячу раз права, конечно! И меня оправдывает только одно: половина мужского племени проходит через нечто подобное. А то и две трети, если досконально проверить.

— А Грошин, значит, будет любить тебя до гроба?

— Будет! Ну, не любить, так по крайней мере хорошо относиться. И за другими бабами бегать не станет, просто побоится. И деньги у него всегда будут, они к таким сами в руки идут. Скоро, между прочим, наследство приличное получит. Ты же слышал, конечно: у него за бугром богатый дедушка обнаружился.

— Болтали что-то такое, — осторожно сказал я. — Но это ж еще не факт. Мало ли, может, ошибка какая...

— Получит, не сомневайся, — убежденно отрезала Галка. — Кстати, он уже мне сказал, что сразу квартиру купит и от мамочки своей драгоценной уйдет.

— Так ты из-за квартиры с ним? — догадался я, и сразу игла выскочила из сердца, свежий ночной воздух ворвался в легкие, сладкой волной потек по всем жилочкам. — Ну ты дура! Хоть бы дождалась сначала, пока он новоселье справит.

— А я и не собираюсь раньше ему давать! Просто подержу пока при себе, чтобы другие не перехватили.

Вот же стерва, восхищенно думаю я. Все-таки далеко нам, хозяевам жизни, до наших слабых подруг! Нет у нас в арсенале этого уникального оружия, которым многие из них владеют в совершенстве. Даже слова подходящего не подберешь: коварство, хитрость, прагматизм... все не то! Наверное, такое поведение несложно объяснить: ведь природа именно их вынудила рожать потомство и заботиться о нем независимо от наличия папашки. А я все удивлялся раньше, дурак, отчего они так любят дорогие подарки, особенно золото и бриллианты. Это же инстинкт, как у сороки, которая тащит все блестящее в гнездо. И они тащат — как страховку, как неприкосновенный запас на случай внезапного исчезновения дарителя. И вовсе не случайно превыше других достоинств ценят в нас так называемую надежность — чтобы как за каменной стеной...

— Слушай, Галчонок, — невинным тоном спрашиваю я, — а ты читала, допустим, Тургенева или Куприна? Или хотя бы Александра Сергеевича Пушкина в школе проходила?

— Ну, допустим, читала, и что?

— Значит, знаешь, что бывает такое чувство — любовь? И если девушка выходит замуж не по любви, она потом всю жизнь страдает и мучается.

— Ага, расскажи мне еще про рай в шалаше! Тоже — открыл Америку... Короче, мы с тобой, слава богу, объяснились, ты меня, надеюсь, понял и не станешь устраивать идиотских сцен ревности. Тем более в конторе. Пообещай, что не будешь мне даже звонить без причины, я тебя очень прошу!

— Ладно, Галчонок, обещаю. Тем более я все равно скоро улетаю.

— Куда это, зачем? Надолго? — В голосе ее звенит волнение, а может быть, мне просто хочется это услышать...

— Пока не знаю, как получится. Шеф в командировку отправляет. Надо провернуть одно дело.

— Скажите, какие мы таинственные! Ну вот и отлично, значит, отвлечешься, закрутишь там роман с какой-нибудь местной разведенкой... Ладно, пойду я уже, доброй ночи! А Женю завтра успокой, хорошо? Скажи ему, что случайно возле моего дома оказался... Скажешь?

— Ну уж фигушки, разбирайся с ним сама!

— Хорошо, разберусь, можешь не сомневаться. Ну все, пока, пошла я, спать хочу — просто умираю.

— Давай, что ли, хоть поцелуемся перед долгой разлукой, а?

Я пытаюсь ее обнять, но она вскакивает со скамейки и ныряет в подъезд. Дверь громко стреляет, и выстрел этот летит напрямик в мою несчастную голову. Я долго не могу встать, курю сигарету за сигаретой, иногда смотрю вверх, надеясь разглядеть свет в ее окошке, но вижу только виселицу фонаря и уродливые руки деревьев. И еще нахальную рожу луны, которая — честное благородное слово! — показывает мне синюшный язык.

## Глава 29. Куда кривая выведет

Из ступора меня выводит телефонный звонок. Номер на экране мобильного незнакомый, но голос я узнаю сразу.

— Добрый вечер, коллега! Мне сказали, вы хотите со мной встретиться и кое-что обсудить. Я готов — хоть сейчас. Могу за вами заехать.

— Ну, давайте, — растерявшись от неожиданности, произношу я.

— Говорите куда, вы ведь не дома.

Черт, откуда он это знает? Неужели они и правда за мной следят...

— А почему вы так решили, Борис Маркович?

— Никакой мистики, коллега: просто вы на домашнем трубку не берете. Так куда ехать?

— К перекрестку Горького и Клары Цеткин. Там на углу остановка автобусная. Я туда выйду через пару минут.

— А я приеду максимум через десять. Подождете, надеюсь?

— Обязательно.

Так, значит, у меня есть немного времени, чтобы привести мозги в порядок. Долой печаль и уныние, эка невидаль — юная пейзажка упорхнула из объятий... Вставайте со скамейки, граф, нас ждут великие дела!



Странно только, что этот Моргулис так поздно стрелку набивает. А вдруг он явится не один, а с дюжими молодцами, которые разок-другой врежут мне промеж глаз — для профилактики, чтобы я понял: не торговаться надо с серьезными людьми, а делать то, что они велют. Хотя нет, зря я очкую... Работенку, которую мне предлагают, из-под палки качественно не выполнишь. Кто-кто, а «консультант по любым вопросам» это должен отлично понимать.

Я выхожу на остановку, машинально закуриваю, хотя во рту уже и так мерзко от дыма. Оглядываюсь по сторонам — обе улицы безлюдны, только вдали, возле круглосуточного киоска, маячит пузатый мужик, со звоном складывая в сумку пивные бутылки. Эх, с каким удовольствием я бы составил ему компанию, посидел за столом, заваленном очистками от воблы, побалакал о футболе и мировых проблемах... Была же и у меня когда-то простая человеческая жизнь, мирные домашние радости, пока не ввязался в эти дурацкие политические игрища городского масштаба. Кто меня заставлял соглашаться на мое нынешнее амплуа, весьма ненадежное, как сейчас выясняется? Да никто: просто польстился на хороший оклад и звучную должность, поверил, как последний дурак, в иллюзорную возможность влиять на судьбы города, в котором поселился полжизни тому назад. Можно бы плюнуть на все это и уволиться в никуда, но — увь! — годы расслабленной жизни в статусе законного бездельника атрофировали и волю, и честолюбие, я стал тяжел на подъем, разучился пахать сутками напролет и зарабатывать горбом, а не языком, освоившим главную фигуру речи — «чего изволите»...

Вынырнувший из-за поворота джип на секунду ослепляет меня и мягко тормозит за остановкой. Бесшумно опускается стекло на передней дверце.

— Прошу, коллега, — доносится из темной глубины.

Сажусь — без малейших колебаний... но почему-то на заднее сиденье. Какое-то семнадцатое чувство подсказывает, что это — поворотный момент в моей биографии. Скоро, очень скоро все станет ясно: и чьи в лесу шишки, и куда кривая выведет, и чем сердце успокоится.

Моргулис газует с места в карьер. Смотрит прямо на дорогу, но мне то и дело кажется, что я ловлю на себе его цепкий взгляд. Рулит он уверенно, даже с некоторой лихостью; впрочем, машин на улицах мало, есть где разогнаться.

— Слушайте, а куда мы так летим? — интересуюсь я.

— В «Белую гвардию», если вы не возражаете. Я там заказал кабинку и легкий ужин. Но они закрываются в час ночи, а нам надо многое обсудить.

Любопытное начало, думаю я. И с чего бы мне возражать, если меня приглашают на ужин в самый шикарный ресторан нашего города, где я бывал-то всего один раз — на банкете, который закатил мэр в честь своей победы на прошлых выборах. Ха-ха, веселюсь я, а ведь символично, черт возьми, что в этом же заведении может состояться сделка, которая поставит крест на его политической карьере.

Двери перед нами распахивает бравый портье, одетый, естественно, в золотопогонный мундир с аксельбантами. У него даже сабля болтается на боку, очень похожая на настоящую, возможно, и правда антикварная.

Со стены, прищурившись и дымя папироской, смотрит классик, автор «Белой гвардии». Самый известный его фотопортрет вставлен в изящную бронзовую раму. А справа и слева, в рамках поскромнее, разместились целая галерея полководцев, проигравших ту войну: Деникин, Корнилов, Врангель, Колчак... Ниже, во втором ряду, батальные сцены: летит конница, сверкая шашками, палят пушки, бегут в атаку солдатики с яростными от страха лицами. Ах, боже ж ты мой, как мало изменилось с тех пор в нашей державе! И сегодня мы воюем друг с другом: новые буржуи — с бандитами и налоговой, торгоши — с покупателями, учителя — с детьми, врачи — с пациентами, гаишники — с водителями, а политики — со всем народом, послушным и непокорным... И не видно этой войне ни конца ни края.

— Это правда, что вы всем спиртным напиткам предпочитаете коньяк «Хеннеси»? — учтиво интересуется Борис Маркович, листая винную карту. На столе уже стоят сырная нарезка, ассорти из морепродуктов и фрукты.

— Можно и что-нибудь попроще, — скромничаю я. — Винца какого-нибудь сухонького... А вообще-то я именно сегодня решил на некоторое время завязать с алкоголем.

— И напрасно, коллега, — он осуждающе качает головой. — Помните слова классика: что-то недоброе мне видится в мужчинах, избегающих вина, общества прекрасных женщин и дружеского застолья. За точность цитаты не ручаюсь, но Михаил Афанасьевич был, безусловно, прав.

«Они образованность свою показать хотят» — вспоминаю я цитату из другого классика, но вслух ее, конечно, не произношу. Просто пожимаю плечами: мол, можете видеть во мне что угодно, но ослабить мою бдительность коньяком у вас, гражданин консультант, сегодня не получится.

— А я, признаться, в последнее время оценил вкус виски, — задушевно продолжает он. — Естественно, приличных сортов и хорошей выдержки. Наверное,

это возрастное. Между прочим, британцы утверждают, что виски — напиток стареющих мужчин.

— Борис Маркович, — решительно говорю я, — может, хватит лирики? Заказывайте себе что хотите, а мне — бокал красного вина. И давайте о деле.

— Что ж, как вам будет угодно, — сухо говорит он, но усики его раздраженно топорщатся. — О деле так о деле. Объясните, для чего вам нужна встреча с моим боссом?

Ответить я не успеваю, так как в нашу кабинку заглядывает официант. Моргулис велит принести двойной «Джонни Уолкер» и французское вино, названия которого мне слышать раньше не доводилось. Я в это время накладываю себе полную тарелку креветок, крабов и нежнейшего морского гребешка — не пропадать же добру!

Самое главное в любой игре — умение держать паузу и беречь козыри до решающего момента. Об этом мне неустанно твердил когда-то Генка Мутылин, самый заядлый картежник нашего факультета, и почему-то именно сейчас мне вспомнилось его мудрое наставление. Но, увы, какие козыри у меня на руках, мне сейчас было неизвестно. Поэтому я просто сидел, потягивал вино, мгновенно принесенное официантом, и пытался наслаждаться деликатесами. Начал с крабов, затем с аристократической аккуратностью очистил всех креветок, макая бело-розовые шейки в острый соус и отправляя в рот. Расправившись с ракообразными, приступил к двустворчатым моллюскам. И тут Моргулис не выдержал:

— Вы что, со вчерашнего дня не ели? Хотите, я закажу вам горячее, хоть две порции? А вы пока ответите на мой вопрос.

— Валяйте, заказывайте. Тут, насколько я помню, раньше замечательно готовили перепелов на гриле. Рекомендую и вам, пальчики оближете.

— Спасибо, но я стараюсь на ночь не перегружать желудок, — все более раздражаясь, ответил он. — Вы, кажется, рвались поговорить о деле. Я слушаю.

Больше тянуть не получится, понимаю я, но все-таки выигрываю еще пару минут, тщательно вытирая губы и пальцы влажной салфеткой.

— Ну что ж, давайте о деле. Вы в последние дни так настойчиво предлагаете мне сотрудничество, что я возомнил себя весьма значительной персоной. И поэтому та жалкая сумма, которую, судя по всему, от вашего имени, озвучил Бобышкин, меня никак не может устроить. Это первое, но, конечно, не главное.

— А что же главное? — нетерпеливо спросил он.

— А главное то, что я в некотором смысле идеалист, уважаемый Борис Маркович. Когда я начинал работать на нынешнего градоначальника, я почему-то верил, что он, встав у руля, поведет наш

корабль верным, так сказать, курсом. Надежды мои оправдались мало, но он хотя бы вреда большого не делает. Подворовывает, конечно, но в разумных пределах. А для чего капитанскую рубку решил занять ваш протеже, человек весьма состоятельный, я понять пока не могу. Поэтому, согласитесь, имею право опасаться, как бы под его руководством корабль наш вообще не ушел на дно. Не хотелось бы к этому быть причастным, понимаете? Даже за большие деньги.

— Вы что, всерьез уверены, что поговорите с ним один раз — и сразу все поймете? Это даже не смешно...

— Не знаю, может быть. Но совсем вслепую решение принимать все же не хочется. К тому же есть еще один нюанс. Меня, как вы догадываетесь, интересует и моя собственная судьба. Все-таки я привык, знаете ли, к неплохой зарплате, к своему статусу... Не хотелось бы оказаться на бобах, когда придет новый мэр. Тем более, как мне кажется, мое место при его персоне займет именно вы.

При этих словах Моргулис поперхнулся своим «Джонни Уолкером». Долго откашливался, выпучив глаза; свет настольной лампы падал ему прямо на лицо, и я еще раз убедился, что один глаз у него зеленый, а другой — карий. Странное дело, думал я, разглядывая его в упор, почему он мне отвратителен и симпатичен одновременно? Ничего хорошего я от него не видел, гаденьш, похоже, еще тот, по трупам пройдет не задумываясь, но... что-то есть в нем притягательное! Так тянет взять в руки и погладить летучую мышшь, прекрасную в своем уродстве. Странное сравнение, согласен, но что делать, если он — темная тварь. Откровенно, даже вызывающе темная. Не с кротом же его сравнивать, крот хотя и под землей живет, солнца не выносит — а почему-то видится мне светлым существом...

Между прочим, я еще в школе стал разделять всех, кого встречал, на темных и светлых (кстати, задолго до написания популярного ныне фантастического романа). При этом вовсе не считал темных плохими, а светлых — добрыми и замечательными. Просто пытался разглядеть внутреннюю архитектуру каждого существа. Это трудно объяснить, но, надеюсь, вы поймете, потому что наверняка что-то подобное чувствовали... С животными, кстати, всегда проще — они ведут себя естественнее нас, и разгадать их удается без особого труда. Скажем, собаки — почти сплошь светлые, за исключением, пожалуй, псов жутких бойцовых пород, а кошки — темные, даже если шерсть у них белее снега. Клещи и клопы — темные, а комары — светлые, хотя по сути все они — кровопийцы.

А вот с людьми мне всегда было сложнее: мало кого удавалось правильно определить с первого



© Дудякова Анна 2012

взгляда. Бывало и так, что я годами дружил с кем-нибудь, считая его светлым, а он вдруг выныривал с темной стороны. Видимо, мы, люди, устроены совершенно загадочно. Или просто в разные моменты жизни непроизвольно меняемся.

— Кха-кха!.. Вот не ожидал... кха!.. что вы меня так низко оцените, коллега! Неужели я похож на человека, который мечтает стать мелким провинциальным чиновником?!

Я поднял глаза: Борис Маркович Моргулис смотрел на меня, скривившись в иронической ухмылке. Краска бросилась мне в лицо: и правда, с чего это я решил, что он меня подсаживает? Подумаешь, шишка на ровном месте!

— А что я должен был предположить? Вы собрали обо мне кучу информации, шлетеесь за мной повсюду, взятку вон пытались подsunуть прямо в кабинет... И все это якобы для того, чтобы склонить меня к сотрудничеству. Странная тактика, вам не кажется? Да еще из-за вас я перед Галкой последним лохом выглядел, когда вы мой бумажник в ресторане зачем-то стащили!

— Но ведь я его и вернул, причем очень вовремя. Зато вы сразу поняли, что имеете дело с серьезным человеком, а не с каким-нибудь шарлатаном, верно?

— Ну допустим. — Мне уже начинала надоедать эта болтовня вокруг да около. — Допустим, я вам поверил, зауважал вас как профессионала, и даже соглашусь помогать, тем более от моего шефа я давно уже не в восторге. И что дальше? Ну, обеспечим мы победу вашему заказчику, пускай потешит свои амбиции. Ну, заработаем энную сумму... Это и есть цель вашей странной комбинации?

Пока я выплескивал все это из себя, Борис Маркович допил виски, бросил в рот пару виноградин, пожевал, выплюнул в ладонь невидимую косточку. Вытер губы салфеткой, на уголках которой был вышит золотом двуглавый орел. Едва я умолк, он сразу заговорил — сначала медленно и внятно, а потом все горячее и стремительнее.

— Знаете, всех своих кандидатов на выборные должности я учу начинать ответ на пресс-конференциях так: спасибо за интересный вопрос... А вам это хочу сказать вполне искренне. Вы попали в точку, коллега, поздравляю! Действительно, вопрос о том, в чем заключается моя цель — самый главный. Так что я отвечу подробно, а вы постарайтесь не перебивать, ладно?

Я кивнул, пораженный глубокой страстью, прозвучавшей в его голосе.

— Так вот, вы уже поняли, что я не рвусь остаться в свите человека, которого продвигаю наверх, не ищу тихого местечка с хорошей зарплатой. Вообще

деньги мне довольно легко даются, поэтому от их накопления радости я не испытываю. Предпочитаю тратить в свое удовольствие. В общем, мне не нужны ни высокая должность, ни миллионы на счетах. Для чего же тогда пахать в этой сфере, вполне резонно спросите вы. Ну, допустим, можно рассмотреть еще два стандартных варианта: работа в надежде на славу и работа как развлечение. Первое, как вы понимаете, в нашей профессии недостижимо, ибо мы, как правило, находимся в тени. А вот второе... это уже ближе к истине. Дорогой коллега, как вы думаете, от чего я, выражаясь современным языком, тащусь больше всего? Ну или балдею, торчу, ловлю кайф?

Я пожал плечами. Откуда мне знать: может быть, он получает наслаждение, когда насилует коз или клеймит проигравших конкурентов каленым железом? От такого типа чего угодно можно ожидать...

— Главный кайф для меня, — мечтательно произнес он, не дождавшись ответа, — это видеть, как мой заказчик незаметно сам превращается в послушного исполнителя. Как он не может принять без меня ни одного серьезного решения. Как власть, которую он вроде бы имеет, начинает тяготить его — и он, внешне оставаясь важным и напыщенным начальником, по сути становится моей заводной игрушкой. Ради этого, если честно, я и занимаюсь своей работой.

Он откинулся на стуле, скрестив руки, и испытующе посмотрел на меня. Пухлые губы его подрагивали и были такими неестественно красными, словно он только что выпил одним махом целый стакан свежей крови.

— Можно мне тоже виски? — невпопад спросил я. — Мешать, конечно, не надо бы, но раз уж пошла такая пьянка...

— Давайте, конечно, глядишь, и у вас язык развяжется, — он понимающе улыбнулся. — Я рассчитываю на ответную откровенность.

Он подозвал официанта, заказал пару горячих салатов и сразу четыре порции «напитка стареющих мужчин». Виски подействовал на меня ошеломляюще. Во-первых, все неприятности последних дней показались сушей ерундой. Во-вторых, захотелось сказать моему визави множество теплых, дружеских слов и... так захватить ему в морду, чтобы он умылся кровавыми соплями. А в-третьих, я твердо решил: если Грошин и в самом деле женится на Галке, я подарю им на свадьбу какой-нибудь дорогой и полезный подарок. Например, набор серебряной посуды или целый грузовик туалетной бумаги высшего качества!

— Сергей Игоревич, виски нельзя жрать, как водку! — остановил меня Моргулис, когда я попытался опрокинуть в себя одним махом второй бокал. — Я ответил на ваш вопрос, теперь ваша очередь.



— Так вы же ничего не спрашиваете. — Я с сожалением поставил бокал на стол и бросил в рот дольку киви.

— Вы будете со мной работать?

— Неужели я и правда вам так нужен, а, Борис Маркович? Зачем? Я же не умею, как вы, делать их заводными игрушками...

— Умеете! Вон как четко удержали вашего шефа от провальной глупости. Если бы он стал отбиваться от того анекдота, у него вообще не осталось бы шансов. Какой смысл идти на выборы, если у тебя прозвище, пардон, Жопоголовый...

— Ну, это случайность... Он бы и сам одумался, наверное.

— Не скромничайте, коллега. Я ведь не потому вас уговариваю, что один справиться не сумею. Все проще: зачем затевать войну по всем фронтам, тратить на нее силы и приличные деньги, если можно мирно договориться? Или, в крайнем случае, обойтись малой кровью. То есть видимостью предвыборной борьбы — чтобы народу скучно не было.

— Допустим, я соглашусь. А что потом?

— Страна у нас большая — работы хватит. Я уже несколько лет собираю команду по городам и весям. Есть четкий план: через две-три череды выборов мои люди будут тайно управлять примерно половиной городов нашей державы. А там... там посмотрим.

— Ого! Так у вас не только забавы на уме, Борис Маркович!

— В мои дальнейшие планы я посвящу вас позже, если вы покажете себя в деле. У вас будет альтернатива: или едете со мной работать по регионам, или остаетесь здесь, при новом мэре, в статусе, так сказать, местного смотрящего. Советую первый вариант: и денег больше, и веселее.

Пока он произносил это, я все-таки схватил со стола второй бокал и выдул его залпом — без должного уважения к благородному шотландскому напитку. Вытер губы и отчаянно махнул рукой:

— Считайте, уговорили! Надеюсь, кровью ничего не надо будет подписывать?

— Это сейчас уже не модно, — криво ухмыльнулся он. — Я людей и так вижу насквозь, так что притворяться, врать или вести двойную игру не советую.

— Но я ведь еще не сказал окончательное «да». Сначала в Приволжск все-таки сгоняю, если вы не против. Ужасно хочется познакомиться с будущим капитаном.

— Слетайте, конечно, — милостиво согласился Борис Маркович, поправляя белоснежную салфетку на груди. — А Владлену Степанычу завтра можете доложить, что переговоры прошли успешно, никто не догадался, что вы этот, как его, засланный казачок.

## Глава 30. Маленькие слабости больших людей

Приволжск встретил меня буйным цветением сирени. Вещей у меня с собой не было, кроме книжки, диктофона и смены белья в портфеле, так что я решил прогуляться до гостиницы пешком. Прошелся по набережной великой русской реки, посидел в скромном уличном кафе, выпил там кружку пива и с наслаждением сожрал под нее тарелку крупных свежих раков. Из-за реки иногда налетал порывистый ветер, он нес внутри себя невидимые стайки мелких песчинок, которые вызывали резь в глазах и противно поскрипывали на зубах. За крайним столиком ели мороженое три хорошенькие девушки; у одной из них ветром унесло легкую прозрачную шаль — я ловко поймал ее, когда она пролетала мимо, и отнес хозяйке. Та кивнула мне с такой милой улыбкой, что у меня защемило сердце. Эх, была бы здесь моя Галка, размышлялся я, мы бы с ней устроили забег на длинную дистанцию... Вслед за этой мыслью перед глазами встало постное лицо Женьки Грошина; я нахмурился и краем глаза заметил, что девушка, благодарившая меня, изумленно переглянулась с подружками — мол, что она такое сказала, от чего я сделался мрачнее тучи.

Аппетит пропал, хотя раки были отличные и пиво вполне сносное. Я передумал заказывать вторую порцию, расплатился, уточнил у официантки, в каком направлении искать гостиницу «Центральная», и быстрым шагом пошел по бульвару.

В кармане пискнул мобильник, я достал его и прочел эсмэску: Моргулис, как мы и условились, сообщил номер телефона, по которому мне следует сегодня вечером позвонить, чтобы специальный человек смог доложить о моем прилете господину Бичурину. А дальше мне следовало тупо ждать: на аудиенцию могли пригласить в любое время суток. Если, конечно, она вообще состоится, с сомнением подумал я.

Позвонил я специальному человеку уже из номера, приняв душ с дороги и выпив еще баночку пива, предусмотрительно купленную в киоске возле гостиницы. Глуховатый голос поинтересовался, где я остановился, и пообещал, что за полчаса до встречи за мной пришлют авто. Когда мне следует быть готовым, он не сообщил.

Звонка я дождался только на третий день, ближе к вечеру, когда уже охренел от телевизора и пива с раками. Они тут продавались на каждом углу — и я, изредка позволяя себе прогулку по окрестностям, не мог удержаться, чтобы не купить теплый, волшебно пахнущий пакет. Язык уже саднило от острых шипов, но я все равно разгрызал очередную клешню, смаковал нежное мясо и делал добрый глоток пива. При этом опьянения почти не ощущал — только

приятную тяжесть в желудке и вполне естественные позывы проведать, как поживает унитаз.

— Завтра в семь тридцать утра за вами заедут, ждите в холле гостиницы, — вежливо сказал специальный человек. — Не проспите! Виктор Михайлович превыше всего ценит пунктуальность.

Я заверил, что ни в коем случае не просплю, и побежал в ванную. Глянул на себя в зеркало — мать честная, хорош! Морда опухшая от пива и безделья, тусклая какая-то, да еще на левой щеке выскочил лиловый прыщ, наверное, ветром надуло, когда шатался по набережной. Та-ак, и воротник у рубашки уже далеко не первой свежести, и пиджак весь в пепле и каких-то белесых пятнах... Да я бы на месте олигарха Бичурина такого типа даже в приемную не велел пускать, не то что в святая святых своего кабинета!

До полуночи я честно пытался преобразиться. Первым делом вылил остатки пива в раковину. Потом застирал воротник и рукава у рубашки, сбегал к горничной, выпросил утюг и кое-как их высушил. Долго оттирал пятна на пиджаке и старательно наводил стрелки на брюках. Часа полтора провалялся в горячей ванной, время от времени массируя физиономию. Выбрился тщательнее, чем перед первой своей свадьбой. В общем, после всех этих манипуляций из зеркала на меня посмотрел вполне приличный мужчина средних лет, только прыщ никуда не делся; впрочем, я решил, что так оно даже естественнее — должен ведь быть у человека хотя бы один недостаток.

Как вы думаете, что мне приснилось этой беспокойной ночью, после того, как я проворочался с боку на бок битый час, проклиная скрипучую кровать, колючее одеяло, журчащий бачок в туалете, а главное — неудачно расположенное окно, выходящее аккуратно на гостиничную парковку? Туда беспрерывно подвозили проститутток, заказчики выходили выбирать товар по душе, и все это сопровождалось громкой музыкой, доносящейся из машин, пьяным смехом, взвизгами, ленивой матерщиной и цоканьем каблучков по асфальту.

Не знаю, каким чудом мне удалось-таки отключиться. И пришел ко мне мой младший двоюродный брат Димка, который погиб в двенадцать лет — неудачно упал с чердака в родном деревенском доме, когда мы играли в прятки. Во сне он был почему-то взрослым дядькой, с усами и животом, но я сразу узнал его. «Ты смотри, Серега, — серьезно сказал он, — если крепко выпьешь, в воду не лезь. Знаешь у нас тут сколько таких ухарей?» — «Не буду», — пообещал я. «И матери звони почаще, а лучше — пиши». — «Хорошо», — сказал я деревянными губами, глядя, как он разворачивается и открывает калитку в их

сад, весь пронизанный солнцем, в бело-розовой пене лепестков. Он уходил медленно, не спеша, тяжелый и грузный, почему-то припадая на правую ногу, и не обернулся, хотя мне так хотелось еще раз увидеть его лицо в легких россыпях веснушек и еще раз заглянуть в синие-пресиние глаза.

Странно, а я ведь в последние годы почти не вспоминаю тебя, Димка, подумал я то ли во сне, то ли уже в первые секунды после пробуждения. И едва опустил ноги с кровати, как нудно закурлыкал будильник в сотовом телефоне.

В холл я спустился ровно в семь двадцать, успев по-солдатски быстро умять в ресторане яичницу, бутерброд с сыром и выпить чашку кофе, без которого давно уже не могу полноценно начать новый день. Почему-то в назначенный час никто не появился. Я выждал пятнадцать «театральных» минут, выкурил за это время целых три сигареты и выпил еще порцию кофе, которую взял в автомате. Попробовал позвонить специальному человеку — его мобильник был отключен. Неужели я вчера спяну перепутал время и за мной приедут на час позже?

Не стану утомлять вас описанием того, чем я занимался последующие полтора часа. Если к вам на свидание хотя бы однажды не приходила любимая девушка, вы и сами это легко представите. В конце концов, когда я уже понял, что randevу по каким-то причинам не состоится, и решил сегодня же улететь, если удастся купить билет, в холл вошел здоровенный красномордый парень и внимательно посмотрел на меня.

— Это вас надо отвезти в «Арену»?

— Куда? — не понял я.

— Ну, в наш спортивный комплекс, — объяснил он. И увидев недоумение в моих глазах, произнес такти кодовое имя: — Виктор Михайлович сейчас там, смотрит, как баскетболистки наши тренируются. У них завтра матч за третье место в чемпионате России.

Я радостно закивал: как же я сразу, дурак, не догадался, ведь у больших людей тоже могут быть свои маленькие слабости. Например, понаблюдать, как кидают мячик в корзину двухметровые девахи, забыв при этом, что какой-то залетный консультант места себе не находит, мается добрых полтора часа...

— Только вы сядьте на трибуне так, чтобы он вас заметил, но близко не подходите. Виктор Михайлович не любит, когда ему мешают, — предупредил меня красномордый водитель, когда мы вошли в гулкий спортивный зал, наполненный хаотичным топаньем ног, отрывистыми девичьими криками, стуком мяча об пол и редкими свистками трене-



ра. Я взглянул на игровое поле — и сразу показался себе маленьким и ничтожным. Бегавшие за мячом девушки в сине-красной форме выглядели настоящими великаншами, особенно когда к ним подскакивал тренер, собирал их вокруг себя и начинал что-то втолковывать, энергично махая руками на уровне их пупков. Ему явно не хватало рупора, чтобы быть услышанным.

— А где ваш шеф? — спросил я, с удивлением заметив, что на трибунах совершенно пусто.

Красномордый долго водил глазами по ровным рядам пластиковых кресел, словно Бичурин мог за каким-то из них спрятаться — просто так, из чистого озорства. Наконец невозмутимо сказал:

— Уехал, наверное. Дела, значит, срочные.

— Что же теперь делать?

Он не успел ответить, потому что в эту минуту к нам подскочил тощий человечек в сером ладно сидящем костюмчике. Через руку у него был перекинут шелковый красно-синий шарфик, на котором была изображена какая-то аляповатая эмблема и толстыми белыми буквами выведен девиз: «Волжанки» — только вперед!».

— Сергей Игоревич, это вам, — он почтительно протянул мне шарфик. — Виктор Михайлович велели передать. Можете теперь считать себя фанатом нашего клуба.

— Спасибо, очень приятно, — растерянно сказал я. — Хотя, честно говоря, я не слишком разбираюсь в баскетболе...

— Придется вникать, — строго сказал человечек. — Это замечательный вид спорта, у нас его все очень любят.

— А где же болельщики? — недоверчиво спросил я.

— Завтра на матче будет полный зал. Впрочем, вы сами увидите. Место вам заказано.

— Простите, — я уже с трудом понимал, что происходит, даже закралась мысль, что меня с кем-то путают. — Уважаемый, мне обещали, что Виктор Михайлович тут со мной встретится. У нас важный разговор.

— Неправда, не мог я вам такое обещать, — сердито посмотрел на меня человечек, и только тут я наконец понял, почему его голос кажется мне таким знакомым — ведь именно он и звонил мне вчера вечером!

— Но ведь вы сказали...

— Я сказал только, чтобы вы ждали утром в холле гостиницы, — оборвал он меня, — а про встречу — это, извините, вы уже сами нафантазировали.

— Но я ведь уже три дня тут жду!

— Ничего страшного, отдыхайте, расслабляйтесь. Некогда пока Виктору Михайловичу. Возможно, завтра он вас примет, после матча. Или послезавтра.

Что мне оставалось делать? Плюнуть и уехать несолоно хлебавши? Чтобы Чапая с треском выперли из мэрии, а может быть, и меня с ним заодно — как провалившего важное задание, которое я сам сдуру напросился выполнять? Чтобы увидеть насмешливую ухмылку Моргулиса: мол, я же вам говорил, коллега, не так-то легко будет раскусить этот орешек, что ж вы даже не попытались?

— Передайте Виктору Михайловичу душевное спасибо за подарок! — Я нежно прижал фанатский шарфик к груди и пошел вслед за красномордым водителем.

*Продолжение следует.*



Марианна ТАРАСЕНКО

**Кое-что о Марианне**

*Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске, в младенческом возрасте эмигрировала в Таллин, где благополучно выросла и прожила всю свою сознательную жизнь. По свидетельствам очевидцев, как только научилась говорить, сразу начала всех поправлять и поучать и так допекла этим родителей, что по окончании школы была принудительно отправлена ими на филологический факультет Тартуского университета. Получив диплом по специальности «филолог-русист, преподаватель», продолжала удовлетворять пагубное пристрастие к поучениям, работая сначала учителем в школе, а затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После того, как в начале 1990-х кафедру — за ненадобностью «языка оккупантов» — ликвидировали, еще пять лет проработала в школе. Распрощавшись с педагогической деятельностью, занялась журналистикой, по-прежнему продолжая поправлять и поучать все и вся уже со страниц газет, а в устной форме — коллег, которые относятся к этому снисходительно: как к неизлечимой, но не особо опасной форме душевного заболевания.*

*В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».*

**ГДЕ ВАША «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕСТЬ»?**

**Р**убрику «Пожалуйста, говорите по-русски!» я придумала лет пятнадцать назад для газеты «Вести недели плюс». В силу определенных причин грамотный русский язык (горбачевская гласность нанесла по нему удар, по сравнению с которым померкли даже залпы «Авроры» со всеми вытекающими из них последствиями) стремительно сдавал свои позиции, и надо было с этим что-то делать. Наивно и смешно было полагать, что газета с очень небольшим по российским меркам тиражом, да еще издающаяся не в России, остановит процесс разрушения, но я рассудила так: если каждый русский филолог

сумеет пробудить «лингвистическую совесть» хотя бы в нескольких собраниях по языку, то и это будет хорошо. То есть делай что должно, и будь что будет. Необходимо сказать, что автору очень помогли читатели, предлагая темы для очередных выпусков. Рубрика — признаюсь со свойственной мне скромностью — имела неожиданный успех. И довольно скоро, сначала в Эстонии, а в 2003 году — и в России (СПб.) вышла книга под тем же названием с подзаголовком «Пособие для тех, кто не желает быть смешным».

Сейчас кое-что изменилось. В частности, неправиль-

ные ударения в некоторых словах, о которых я писала, стали нормой. И дело не в том, хорошо это или плохо: язык постоянно меняется и развивается, и сколько бы мы ни выдирали волос, изменить этого нельзя. С другой стороны, появились новые неправильности, которых еще не было в конце 90-х годов тепер уже прошлого века. И пока горячие головы из инстанций, отвечающих за нашу родную речь, не признали за литературную норму и их, наверное, стоит снова попытаться что-то сделать. И если это поможет хоть кому-то, уже будет неплохо.



## ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ ПАРЫ

**И**так, мы продолжаем начатый в прошлом выпуске разговор о паронимах.

Еще одна парочка, павшая в неравном бою с нашей безграмотностью, — это «бездетность — бесплодие» или, если хотите, «бездетный — бесплодный». Порой мы навязываем родному языку нечто совсем запредельное.

Казалось бы, что может быть проще: бездетный — это тот, у кого нет детей, а бесплодный — тот, кто не может плодоносить. То есть пока еще бездетная женщина в дальнейшем может оказаться ух какой плодovitой, а вот человек, страдающий бесплодием, произвести на свет ребенка не может по определению.

Тем не менее в печати все чаще приходится сталкиваться с такими выражениями, как «его жена, страдающая бездетностью» или «лечение бездетности». При этом обратной подмены не происходит: никто не вспоминает о «налоге на бесплодие» и пока что не называет «бесплодными» семьи, в которых нет детей. И сейчас мы можем говорить не о тенденции к слиянию значений этих слов, а о тенденции поглощения значения одного слова другим. Не думаю, что в итоге оно окончательно «поглотится», но новый языковой ляп уже появился.

А еще стало модно путать слова «трудоспособность» и «дееспособность». Посмотрим их значения по словарю.

*Дееспособный.* 1. Способный к действию, деятельности (дееспособный организм). 2. Имеющий право совершать действия юридического характера и несущий ответственность за свои поступки. Сущ. — дееспособность.

*Трудоспособность.* 1. Физическая способность к труду. 2. Способность много и продуктивно трудиться, работоспособность. Трудоспособный — обладающий трудоспособностью.

Внимательно изучив эти определения, мы можем прийти к смелому выводу, что недееспособный по причине травмы головы вполне может оказаться трудоспособным (например, клеить коробки), а нетрудоспособному (допустим, безрукому инвалиду) ничто не мешает иметь светлую голову и совершать действия юридического характера.

Но самое интересное, на мой взгляд, происходит с прилагательными «неприкасаемый — неприкосновенный». Все мы вроде бы учили в школе историю и хотя бы краем уха слышали, что была в Индии такая каста, причем низшая, — неприкасаемые. Относящиеся к ней выполняли самую черную работу, а представителям высших каст дотрагиваться до них было нельзя, дабы ненароком не оскверниться. А слово «неприкосновенный» определяет нечто, что можно расходовать лишь в крайнем случае, — например неприкосновенный запас. Или то, что очень хорошо сохранилось, — например воспоминания. Или то, чего касаться запрещено по причине его исторической ценности, — предположим, рукописи классиков.

В любом случае, слово «неприкасаемый» имеет негативную окраску, а «неприкосновенный» — нейтральную или положительную. Но теперь довольно часто можно услышать, как неприкасаемыми называют тех, к кому нельзя прикасаться именно из пietetа. И словари дают уже и такое определение слова — правда, пока еще с пометкой «разговорное» — «тот, кого нельзя критиковать». И снова происходит подмена понятия: вместо «того, кого нельзя трогать потому, что можно испачкаться» мы получаем «того, кого нельзя трогать потому, что его нельзя пачкать». Лихо? И что теперь делать, если тебя неприкасаемым назовут — плакать или радоваться?



*Петр Семенович Пустовалов — преподаватель русского языка и литературы с шестидесятилетним стажем (МГПИ им. Ленина, Полиграфический институт, московские школы), кандидат педагогических наук, доцент, методист. Отличник народного образования СССР, отличник народного просвещения РСФСР.*

*Автор более пятидесяти литературных статей, восьми учебных пособий для вузов, школ и техникумов. Его работы публиковались в ГДР и Польше. Под руководством П. С. Пустовалова защищено восемь кандидатских диссертаций.*

## КОГДА НАШЕ УХО ГЛУХО...

*Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как...*

А. Толстой

Разговор с читателем о проблемах культуры речи нам хочется начать со слов известного писателя и лингвиста К. Чуковского, который в своей работе «Живой как жизнь», рассматривая проблемы живого русского языка, утверждал: «Мы можем сколько угодно доказывать и себе и другим, что то или иное слово и по своему замыслу, и по своей экспрессии, и по своей грамматической форме не вызывает никаких нареканий. И все же, если человек даже по каким-то особым для него причинам произнесет инструмент (ударение на “у”), средства (ударение на “а”), феномен (ударение на последней “е”), то он скомпрометирует себя в обществе образованных, любящих свой язык людей».

Понятно, что мы не претендуем на открытие Америки, вновь обращаясь к этим вопросам, тем не менее сейчас трудно встретить человека, равнодушно к тому, что происходит с нашим языком, удовлетворенного его состоянием. Так, осенью 2011 года прошла дискуссия на тему «Что нужно делать с русским языком?» («Открытая студия», 5-й канал, 02.11.2011), разговор о языке шел и в передаче А. Архангельского «Тем временем» («Культура», 05.12.2011), и на телеканале «Подмосковье»

(07.12.2011), и в «Московском комсомольце» («Литературная фея», 29.11.2011).

У нас особый интерес вызвала последняя статья, так как материалом для нее послужила беседа корреспондента «МК» с профессором РГГУ, известным лингвистом Максимом Кронгаузом. Процессы, протекающие сейчас в языке, он называет одним емким словом «хаос»: «Главная характеристика хаоса 90-х — тотальное разрушение. Однако языковой хаос — это не только разрушение норм, прорыв бранной лексики и огромное количество заимствований без понимания, как их применять. <...> В речь образованных людей стали проникать слова из ранее закрытых источников. Прежде всего из бандитского жаргона 90-х годов, которого с натяжкой можно назвать языком новых русских».

Эти процессы, несмотря на некоторую стабилизацию в стране, по его мнению, продолжают и сейчас. «Посмотрите, — утверждает он, — в каких муках формируется политический язык! Идет немислимое смешение советских клише, американизмов и русского жаргона, включая бранные слова».

Почему сейчас, когда речь заходит о состоянии нашей языковой и речевой культуры, в словах



не только лингвистов, писателей, деятелей искусства, но и рядовых носителей родного языка звучит нескрываемая боль? На этот вопрос в свое время ответил А. Лосев, философ с мировым именем: «...только в слове мы общаемся с людьми и природой. <...> Если слово не действенно... не реально, не есть фактор самой действительности... тогда существует только тьма и безумие и копошатся в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища».

Нас могут упрекнуть в том, что мы подходим к анализу культуры разговорной речи только с позиции нормированной, литературной. Но хочется напомнить возможным оппонентам точку зрения известного лингвиста Г. Винокура, утверждавшего, что «литературный язык ни в коем случае нельзя понимать как язык только художественной литературы. Это понятие более широкое... Сюда входит язык научной, художественной, публицистической литературы, язык докладов, лекций, *устная речь культурных образованных людей*» (выделено автором. — П. П.).

В этой статье мы сознательно обращаемся как раз к устной речи наших государственных и общественных деятелей, телеведущих, репортеров, чтобы читатель вместе с нами увидел их уровень владения живым разговорным языком. Важно подчеркнуть и еще одно: за последние годы устная речь значительно расширила свои границы и перестала быть связанной только с повседневным общением. Она часто выступает как средство получения разной информации, как форма многогранного общения людей во всех сферах их деятельности.

Нельзя забывать и о том, что любое устное выступление — это живое общение. Оно рассчитано, как правило, на определенного слушателя, который в известной степени становится собеседником выступающего: он реагирует на его выступление, на его лице без труда можно прочесть то или иное отношение к проблемам, выдвигаемым выступающим, даже к его личности. Кроме того, устное слово дополняется интонацией, мимикой, жестами, которыми говорящий сопровождает свои мысли, чувства, переживания. Они же часто помогают ему установить нужный контакт с аудиторией, хотя, по словам Вс. Аксенова, известного в прошлом мастера художественного чтения, «язык жестов не может, следовательно, не должен подменять или даже дублировать язык слова».

Поскольку устная речь требует мгновенного понимания слушателями, она получает и своеобразное лексико-грамматическое оформление и должна в первую очередь быть продуманной и правильной с точки зрения норм и законов данного языка.

Мы не случайно назвали статью «Когда наше ухо глухо...». Всегда ли выступающий перед аудиторией или ведущий репортаж с места событий помнит о том, что к его речи прислушиваются, запоминают отдельные слова или словосочетания, на подсознательном уровне учатся говорить, обогащать свою языковую и речевую культуру?

В свое время многие поточили зубы о словосочетании «мочить в сортире». Казалось бы, оно должно было уже давно кануть в Лету (позубоскалили — и хватит), однако оказалось живучим. Так, 27 декабря 2011 года на канале РЕН ТВ шла передача об актере С. Бодрове. Один из присутствующих в телестудии, делясь своими воспоминаниями о погибшем, заявляет: «Мы все мечтали о такой роли (речь шла о фильме «Брат»). *Мочить* кого надо».

Общеизвестно, что необходимым условием информативной ценности высказывания, его ответственности является проблема выбора слова для наиболее точного выражения мысли, так как слово — это основа основ для понимания сказанного. В связи с этим напомним читателю слова крупнейшего поэта своего времени В. Жуковского, который, прочитав 9 декабря 1806 года манифест о формировании народного ополчения (милиции), писал: «Вообще написан хорошо, но вы забыли, государи мои, что вы говорите с русским народом, следовательно, не должны употреблять языка ораторского, а *говорить простым, сильным и для всех равно понятным* (выделено мной. — П. П.) языком».

К сожалению, телеведущие и журналисты часто употребляют слова без учета их семантики и стилевой принадлежности. Так, в дни празднования Дня Победы ведущий сообщил зрителям: «Повсюду флаги, увенчанные лентами». Смотрим «Словарь...» С. И. Ожегова: «увенчать (венчать) — заканчивать собою что-нибудь» («Колокольню увенчали золотым крестом»); «флаг» — прикрепленное к древку полотнище определенного цвета. Как видим, ведущему удалось «увенчать» полотнище лентами. Чудеса, да и только!

Считаем уместным привлечь внимание читателя к словам А. Толстого, которые мы взяли в качестве эпиграфа к статье: «Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как» (выделено мной. — П. П.).

Обратимся к встрече премьер-министра с «народом» (так преподносили этот материал корреспонденты ряда популярных газет). Итак, берем несколько его высказываний:

- 1) Нужно, чтоб инновация проникала в мозг каждого человека.
- 2) Моральный облик строителя коммунизма — это выдержки из Библии.

3) Мы часто в текущей работе бьем по хвостам.

4) Знаете, вот когда шарик (речь шла о забронзовевших чиновниках) надувается, его распирает, распирает, берешь так иголочку — бум, и нет шарика. Поэтому у общественности всегда есть вот эта иголочка, которой она может воспользоваться.

5) У любого человека крыша съедет.

6) Кто-нибудь посоветовался с союзниками, что нужно делать в Афганистане? Хрена с два.

Считаем, что вряд ли стоит продолжать перечень подобных высказываний. Невольно вспоминаются слова нашего замечательного поэта Ф. Тютчева:

Нам не дано предугадать,  
Как наше слово отзовется.

Замечают ли подобные речевые огрехи слушатели? Конечно. Тамара Бирюкова, председатель Воронежского обкома профсоюза работников народного образования и науки, в письме в «Комсомольскую правду» пишет: «...меня немного расстраивает засыле (выделено мной. — П. П.) в его речи разговорных слов — “крышу снесло”, “надули”. Многие хотят видеть в Путине государственного деятеля-интеллекта». К сожалению, его ухо часто бывает глухо и к языку. Приводя примеры речевых «находок» в речи премьер-министра, мы не хотим, чтобы у читателя сложилось представление о том, что мы стремимся идти в ногу с теми настроениями, которые существуют сейчас в нашей стране. Мы хотим лишь напомнить об особой ответственности государственных и общественных деятелей, известных тележурналистов, репортеров перед слушателями, телезрителями, так как они относятся к особой, так называемой категории публичных людей. К их словам прислушиваются тысячи и тысячи людей, которые вольно или невольно заимствуют у них слова, речевые обороты и т. д. К сожалению, они часто глухи к советам наших хранителей языка, к той боли за язык, за нашу культуру. Как не прислушаться к пророческим словам И. Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!» (Выделено мною. — П. П.) А «всесоюзный староста» М. И. Калинин, в свое время обращаясь к молодежи, советовал ей: «Прежде всего вы должны знать русский язык... Ведь нет такой науки, которую вам не придется изучать в будущем, и нет такой сферы общественной деятельности, где бы не требовалось хорошее знание русского языка».

Уверен, читатель уже заметил, что мы подошли к еще одному источнику появления речевых ошибок:

пишущие и говорящие очень часто обнаруживают незнание элементарных основ грамматики. Так, «властители пера» почему-то упорно игнорируют право имен числительных на склонение. Приходится постоянно слышать: «Около *восемьсот* семей въехали в новые квартиры», «На этом месте около *семиста* лет назад...» и т. д. А 12 декабря 2011 года в передаче «Вести» (Россия-1) корреспондент, не моргнув глазом, сообщает: «Двое женщин скончались». Придется, к сожалению, напомнить ему прописную истину, знакомую даже школьнику: двое — собирательное числительное, употребляется только с существительными мужского рода, обозначающими лиц. Или вот еще пример: «...немножко *ложим* начинки» (канал «Мир», 14.12.2011). Глагол «класть» спрягается так: кладу, кладешь, кладет, кладем, кладете, кладут (надо: немножко кладем начинки).

Невольно вспоминается знаменитое «изречение» М. Горбачева, сделанное им по поводу желания А. Сахарова передать ему текст своего выступления на сессии Верховного Совета СССР (ему не разрешили выступить перед депутатами): «Ну вот. Ложат тут и ложат». Тогда оно вызвало настоящий шок в настроении общества! Вспоминается и случай из школьной практики. «Всезнающий» директор публично отчитал молодого педагога за то, что он не сделал замечания ученику, когда тот проспирягал глагол «лечь»: лягу, ляжешь, ляжет и т. д. Она тут же проспирягала глагол так, как, по ее мнению, надо было: лягу, лягешь, ляжет и т. д.

К сожалению, есть и другие случаи использования законов грамматики родного языка. Так, популярный сатирик М. Задорнов в своей статье («МК», 08.12.2011) продемонстрировал значительную часть всевозможных словообразовательных форм от глагола «сосать»:

1) Власть держится на тех, кто на *подсосу*.

2) Семьи чиновников и бизнесменов, которые на этом *подсосу* имеют возможность гламуриться... голосовали за «ЕР», поскольку существуют на *отсосу* из того же чиновничьего *подсосу*.

3) Короче, все это общероссийское гламурло, москитной стаей *сосущее* налогоплательщиков.

4) Сегодняшние уже *насосались*, а если бы пришли новые, которые мечтают насосаться? (Речь идет о смене власти в стране.) Уж пусть лучше *сосут* старые.

5) Будем надеяться, что многие еще полопаются от *пересоса*.

Читатель легко заметит, что сатирик играет со словом, доводя игру порой до двусмысленности. Какова ее цель? Думаем, что каждый сам сумеет сделать нужный вывод... В 90-е годы XX века В. Костомаров, известный лингвист, педагог, в книге «Жизнь языка» (1994) писал: «Сознательная



охрана культурной традиции обществом, вооруженным радио и телевидением, всеобщим образованием, с осмотрительной осторожностью допускает новшества даже в словарь». Убежден, что многие писатели, журналисты часто забывают об этом на поминании известного лингвиста. Иначе чем можно объяснить появление в речевом обиходе массы слов-уродцев, мутным потоком засоряющих нашу речь? Далеко за примерами ходить не надо. «Мы вернулись в годы, предшествовавшие разгрому НТВ и посадке М. Ходорковского», — пишет известный экономист («МК», 06.12.2011, «Между Интернетом и официозом»); «Будет какая-то *движуха* при этом, много не очень серьезных проектов — ничего в этом катастрофического нет» (Аркадий Дворкович, помощник президента РФ в интервью газете «РБК daily»); «У нас большой *напряг* с реформами» (дискуссия о вступлении России в ВТО, 19.12.2011); «Когда деньги вкладываются в *развлекушку* за границей, то это неприятно (из беседы премьер-министра с журналистами); «Но во всякой этой *добровольно-распрекрасной* схеме есть одна *затыка*»; «... партия вполне может принять участие в *протестных акциях*» («МК», 08.12.2011, статья «Партия сантехников»).

Обратившиеся к этой статье без труда заметят, что мы сознательно не говорим о таких «приобретениях» в лексике, как «бабло», «срубить бабки», «бойфренд», «пофигист», «ксива», «чувак» и другие. Трудно понять, как появляются подобные «шедевры» в речи журналистов, работающих в известных столичных изданиях, на центральном телевидении.

Нельзя не согласиться с криком души, вырвавшимся у журналиста Павла Садкова («КП», 28.12.2011): «Держать какие-то внутренние рамки, не переступать границы и правильно говорить по-русски — святая обязанность телевидения. Мне кажется, за “где купить себе меха — все меха на взденха” кому-то стоит как минимум впаять пятнадцать суток и лишить права разговаривать лет на пять».

Продолжая разговор о борьбе за смысловую точность речи, нам хочется остановиться и еще на одной часто встречающейся в письменной речи ошибке, которую в стилистике русского языка принято называть речевой недостаточностью. Что это такое? Это пропуск в высказывании нужного слова, что нередко как раз и порождает неясность мысли. Опять обратимся к конкретным примерам: «Он (Прохоров) не жадина, реально помогает искусству и не выпячивает это, что приятно...» Присмотримся внимательнее к этой фразе. Сразу отбросим слово «реально», так как помогать нереально вряд ли возможно. Выделяем словосочетание «не выпячивает это». Что скрывается за местоимением «это»: то,

что он не стремится создавать шумиху вокруг этого или же не стремится выпячивать самого себя, подчеркивая свою исключительность? Если бы журналист вспомнил, что при глаголе с отрицанием обычно употребляется существительное (местоимение) в родительном падеже, то эта неясность, о которой мы говорим, была бы устранена: не выпячивает «этого» — стремления помогать искусству.

Другой пример. Премьер-министр, отвечая на вопросы будущих избирателей накануне выборов в Государственную Думу, говорит: «Но давайте сформулируйте ваши предложения. Нужно будет пообсуждать». Налицо опять неясность мысли: что предлагается пообсуждать: проблему в целом или предложения граждан? Мысль стала бы яснее, если бы она была оформлена примерно так: «Сформулируйте ваши предложения, мы их и обсудим потом».

Более распространенной является еще одна речевая ошибка — многословие. На него, как на большое зло, обращали внимание многие ученые, лингвисты, писатели. По словам В. И. Ленина, «излишние слова только ослабляют совершенно достаточное и рельефное выражение мысли». Именно речевая избыточность и является предметом изучения лексической стилистики. Рассмотрим этот вид речевой ошибки на ряде конкретных примеров: «Главное — не брюхо набить, а получить полноценный и вкусный обед, завтрак и ужин, *после которого не урчит в желудке и живот к позвоночнику не прилипает*» («КП», 16.12.2011, статья «Война войной, а обед по расписанию»). Выделенная нами вторая часть сложного предложения является в высказывании лишней, так как словосочетание «полноценный обед» включает в себя все то, о чем говорится во второй части предложения.

Рассмотрим еще одно предложение: «Он вошел стройный, подтянутый, без пузика, характерного для его сверстников, в элегантном, ладно скроенном костюме» («КП», 14.12.2011). Размышляем: если «он стройный, подтянутый», то, бесспорно, у него не может быть «пузика», если на нем «элегантный костюм», то он, вне всякого сомнения, «ладно скроенный» (элегантный — изысканный, изысканный). Таким образом, предложение должно было выглядеть так: «Он вошел стройный, подтянутый, в элегантном костюме». Как видим, от сокращения предложение обрело большую ясность и выразительность.

Читателю, на наш взгляд, будет интересно узнать, как заканчивается репортаж о пребывании голливудского актера в Москве: «Он вошел и крикнул нам на *чисто русском* языке (выделено мной. — П. П.): “Привет, чуваки!”» Что же, как говорится, дожили! Вот, оказывается, как воспринимает язык Пушкина,

Толстого, Достоевского наш корреспондент! При чем пишет об этом репортер чуть ли не с умилением...

Закончить хочется созданием «лексического портрета» одного из известных широкому читателю и зрителю общественных деятелей. В качестве героя мы выбрали ныне популярного оппозиционера Б. Немцова. Для анализа взят его телефонный разговор с единомышленниками, опубликованный в «Комсомольской правде» (22.12.2011).

Для чего мы хотим это сделать? Академик В. Виноградов в своем фундаментальном труде «Русский язык» (1986) приводит слова Георга фон Габеленца: «Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя».

Конечно, мы не ставили своей целью дать всесторонний лингвистический анализ опубликованного материала. Мы остановились лишь на характеристике эмоционально-экспрессивной лексики, находящейся за пределами литературной нормы. Это вульгаризмы, слова с уничижительной оцен-

кой человека, его поведения, просторечие на грани вульгаризмов и т. д. Например: уболтать бабу, кретин, крыса, люди из офисного планктона, хомячки интернетовские, дура, идиотка, унылое говно, промычать на эту тему, чморить, старый пердун, смердящий завистливый старичок (об Э. Лимонове), прочирикать, маразматик, офигеть, вытереть ноги о людей и т. д.

Еще шире в его речи присутствует лексика, относящаяся к воровскому (уголовному) и блатному жаргону: подставить, заткнуться, шмонать, постараться утрямкать, вправить мозги, переломить через колено, найти бабки, дело в бабле, нарываться, тьявкать, чистый опускалово, сознательно топить, прищучить.

Почему такое внимание мы уделяем речи этого человека? Потому что это современный интеллигент, человек с высшим образованием, политик, в свое время входивший в правительство страны.

Дмитрий БОБЫШЕВ



*Окончание.*  
*Начало в № 7–12 за 2009 г.,*  
*№ 1–12 за 2010 г., № 1–6, 7–8, 9, 10, 12 за 2011 г.,*  
*№ 1, 2 за 2012 г.*

## УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

### Зрочки учащихся

Лекции в Педагогическом начались в середине октября, а в Государственном — двумя неделями позже, поэтому первый стал для меня экспериментальной площадкой, где я обкатывал каждую тему, имея в руках лишь книги с закладками для цитирования. Текст с неизбежными эканьями-беканьями рождался тут же, подобно чуть косноязычной Афине из кудлатой головы Зевса. Но общий план был довольно четок: три волны эмиграции, три узловых темы — чужбина, родина, одиночество. Я рассказал об этом плане редактору университетской многотиражки Леониду Колотило, и он напечатал полный анонс курса вместе с фотографией ошастливленного соотечественника и его стихами. Более того, он прислал начинающую журналистку Ларису Фесенко, и она прилежно вела конспекты каждой лекции, публикуя их из номера в номер сначала в «Ленинградском», а затем «Санкт-Петербургском университете», потому что не только газета, но и вуз, и сам город сменили название.

А в Педагогическом Бордовский передал меня своему проректору, тот — декану Наталье Игоревне Батожок, она вписала меня как доцента в платежную ведомость и назначила аудиторию в бывшем доме Дашковой на Первой линии, в минуте ходьбы от Гали.

Сама Галя ни на шаг не отходила от меня, принося на занятия портативный магнитофон, когда-то принадлежавший Ольге. Он все еще работал и напоследок сослужил-таки хорошую службу. А я вещал. На меня глядели лица, глаза... Это и было главное, что запомнилось в студентах: расширенные зрочки, смотрящие с изумлением на заморского гастролера, овеянного слухами и легендами, произносившего совсем уже мифические имена и тексты. Ведь это было еще вчера такое же табу для них, как спецхран в Публичке, как тамиздат, спрятанный на книжной полке в заднем ряду. Словом, запретный плод! Ребята и девчата были с факультета языка и литературы — от первого до последнего курса и, следовательно, разной степени дикости или наслышанности, заходили и старшие школьники, а то и взрослые дяди и тети: преподаватели из Бурятии и даже с Камчатки, которых вдруг насылала в большом количестве деканша Наталья Игоревна. Эти все не только глядели, но и — глазели, разглядывали... А были и временные посетители. Зашла доцент Стрельникова, понаблюдала часок. Ну, это нормально. Пришел писатель-деревенщик Алексей Любегин, мой крестник из дотъездной жизни. Несколько занятий посетила его жена, красивая нервная женщина, и как будто ждала

от меня чего-то. Потом стала приводить молодок на просмотренье... Появлялись из прошлого повзрослевшие крестницы. Даже клоун-любитель — правда, в разгримированном виде, — стал ходить с середины семестра. Это был непризнанный детский сочинитель Дядя Саша (Александр Кравченко), который меня произвел в почетные племянники. Я видел его на Невском во всей клоунской красе: нос помидором, на ногах огромные сабо из пенопласта. Он сидел в детской коляске и продавал свою сказку «Хорошие приключения Экивока и Сюсика-Масюсика» перед Книжной лавкой писателя. Публика его сторонила.

Апофеозом курса стал живой Игорь Чиннов, буквально отловленный и похищенный у Публичной библиотеки, которая его принимала шикарно, с шофером. Я привез Игоря Владимировича на занятие, которое по плану ему же и было посвящено, и отпустил шофера. Студенты внесли его на руках по старинной и весьма крутенькой лестнице, и два часа он говорил неслыханные вещи о Бунине, Адамовиче, Вейдле, Иваске, Одоевцевой, мешая серьезное с пустяками, как это и полагается в талантливой прозе. Венцом его рассказа был эпизод дефлорации Ирины Густавовны «при сотрудничестве с Николаем Степановичем» в сугробе Летнего сада. Галя расшифровала и перепечатала магнитофонную запись, и я потом опубликовал слегка приглаженный монолог Чиннова в нью-йоркском «Новом журнале» № 205, а затем он попал и в более ранние главы этих заметок, когда я не утерпел и слишком далеко забежал вперед (см. главу «Последний мамонт»). Вот здесь ему было бы самое место.

Конечно, импровизации в доме Дашковой выматывали меня психологически. Возбужденный от разглядываний и от собственного словоговорения, я уламывал Галю завернуть в какую-нибудь кафешку. Симпатичный вертепчик под названием «Мальвина» имел вход с угла Среднего проспекта и переулка Репина в квартале от ее дома. Сто граммов коньяку ложились на душу бальзамом, успокаивали нервы. Переулком и через двор с вислой березой и раскрашенной абстрактной раскорякой на клумбе, мимо трансформаторной будки с несмываемой наскальной графикой мы шли к Гале, где она считывала с магнитофона мой вдохновенный бред, перепечатывала на машинке, а я его правил. Получались очень приличные тексты для параллельного курса, уходившие потом на страницы многотиражки. Роман Зиновьевич и Тамара Владимировна Рубинштейн только дивились, глядя на энтузиазм дочери. Но наша многолетняя дружба с ней уже горела иным огнем. Сердце разрулило все по-своему, и такой оборот дела стал одним из трех лучших решений моей

жизни: уехать в Америку, бросить курить и — вот теперь — быть с Галей. Быть с Галочкой, однокурсницей и одноклассницей, филармонической партнершей и выручалочкой при сдаче курсовых проектов, моей confidentкой и первоначальницей, чуть ли не единственной почтовой корреспонденткой, когда я оказался за океаном, с той, что была официальной свидетельницей двух моих неудачных браков... И вот она, словно Фортинбрас в «Гамлете», что шествует туда-сюда в глубине сцены, вдруг выдвинулась и стала главной.

Первое занятие на Университетской набережной состоялось 3 октября в 25-й аудитории с шестью окнами и видом на «воды многие», подсвеченные ранним закатом, и закончилось уже в темноте. Посреди аудитории расплывалась большая лужа, натекшая с потолка, подпираемого деревянным столбиком. А перед лужей и по ее сторонам, опять же, — юные лица, глаза, зрачки... Тут уже эканий-беканий не было: я следовал выглаженному тексту. И все равно — чувство происходящего события меня не оставляло, и оно позднее подтвердилось, отозвавшись в «Британнике», в годовом дополнении к этой энциклопедии. Я пускал лист из американского рабочего блокнота по рядам, чтоб отмечались: двадцать пять, тридцать человек на каждом занятии, большинство — филологи и старшекурсники, но на взгляд раза в полтора больше, потому что кто-то предпочитал оставаться инкогнито. Галя шепотком мне подсказывала: вон там, мол, сидят твои однокурсники, а здесь профессор Иезуитова со свитой. Наблюдает... Потом мне передавали ее скептическую оценку: материал — лишь частично новый, и подается не в объективно-научной, а в эмоциональной манере. Но у студентов-то не было допуска в спецхран, как у нее! А эмоции — да, были. Ведь речь шла о людях и текстах, сросшихся с эмигрантскими судьбами, и я, их удачливый наследник, счастливчик, возвращал в Россию имена и стихи, забытые большинством, а то и вовсе неслыханные...

Прославленный вид в окне хотелось унести с собой вместе с рамой и стеклами, захватив разом все: вспухающие воды Невы, кораблик заодно со шпилем и Адмиралтейством, скругленный угол Сената и Синода с аркой, купол Исаакия с тусклым золотом и розовым гранитом, не забыв небо в просветах и тучах и, конечно же, рвущегося в вечность всадника. В какую-то минуту в глаз попал ослепительный луч — вероятно, отраженный хрустальным окошком верхней башенки на соборе, и это было как благословенье.

Занятия и подготовка к ним шли по налаженному распорядку, и я почти полностью перебрался поближе к работе, на Васильевский остров, а вскоре



получил и первую зарплату — о, весьма скромную, но к ней прилагался талон на водку. Стоило бы этот сувенир сохранить, но я, конечно, оприходовал его в «Спирто-водочных изделиях», выстояв очередь с прочими терпеливцами.

Мы с Галей навещали моих родных, прихватив с собой то какую-нибудь зелень, то лакомство. Однажды на выходе из метро купили у рыбака миног, еще шевелящихся в кульке. Шли через Таврический сад. Он уже мало напоминал сад моего детства: некоторые деревья вытянулись, другие высохли. Но Потемкинский дворец по-прежнему отражался в пруду, а вот дуэт для альты и флейты на пересечении аллей был уже в новинку, так же как и петля на шее Ленина у входа в парк и кровавые кляксы на его жилете, как триколор, развевающийся там, у Смольного, вместо красного полотнища, и, главное, как историческое имя Санкт-Петербург вместо Ленинграда. Последнее было многолетним закланием города, и вот оно снято.

Федосья наотрез отказалась готовить наших миног — в ней все еще говорили староверские запреты, привезенные давным-давно из деревни Тырышкино. Матери тоже не захотелось возиться, но она выдала пару капроновых носков, которые я надел на руки, чтобы выпотрошить под краном этих скользких тварей. А Галя поджарила их в горчичном соусе. Получилась пирушка!

«Осень двигалась навстречу осторожными прыжками» — так обозначил эту пору поэт наших ранних лет. Однако что-то было не так: днем я испытывал то ли раннюю усталость, то ли световое голодание, то ли депрессию.

— Почему так рано темнеет?

— Да у нас же отменили декретное время! — объяснила Галя, и стало все ясно.

Пришла новость из мирового бизнеса, коснувшаяся и меня: обанкротился «ПанАм», казавшийся столь незыблемым. А как же мой обратный билет? В их офисе на Морской двуязычный парень комсомольского вида уверил меня:

— Все в порядке, билет действителен, самолеты летают по расписанию. Только под названием «Дельта».

Еще одно поднебесное происшествие случилось в те дни. Со шпиля Петропавловки исчез градообразующий золотой ангел! Как неосимволиста и даже трансценденталиста, да и просто как бывшего жителя Петроградской стороны это встревожило меня не меньше, чем банкротство авиакомпании. Где же ангел?

Успокойтесь, граждане, его не украли и не сдали в утиль, а просто временно сняли для ремонта и реставрации. В настоящее время его фигура выставле-

на на обозрение в часовне Петропавловского собора. Так сообщила газета «Час пик». Я тут же отправился в крепость и, обойдя собор, обнаружил часовню, о которой прежде и не догадывался. Там действительно были укреплены на стенах две створки трехметрового ангела — левая и правая. Позолота на крылатых близнецах местами отшелушилась и отливала побежалостью. Я перешагнул через бархатный барьер, чтобы прикоснуться к овейному ветром, высотой и временем металлу, но, дотянувшись лишь до пяты, со значением подержался за нее.

Видимо, этого касания оказалось достаточно для поэмы «Петербургские небожители», которую я посвятил Анатолию Генриховичу Найману. Там есть такие строфы:

В эту выпитую чашу  
кто Истории дольет?  
Ангел, вечно влево мчащий?  
— Не летает ангел тот.

А когда-то заповедно  
небо метя парой крыл,  
Ангел Западного ветра  
этот город золотил.

Он, креща в святую веру  
все — от моря до земли,  
позлащав собой и ветер.  
Вниз его теперь свели.

Был красой, грозой и силой,  
шпиль — его былой престол.  
Низведен, утрачен символ,  
обезангелел простор.

Обескрылел и заветрел.  
И топча петровский торф,  
кто живые, те не верьте:  
люди есть, а город мертв.

А вот и канун отъезда. Мы с Галей — на Таврической, чтобы провести прощальный вечер с родными, но улетаю только я. Самолет — в шесть утра, так что ехать в аэропорт нужно в дикую рань, и хорошо бы немного поспать. Но вдруг заходят друзья, чтоб проститься, и я отвинчиваю пробку у квадратной бутылки из «Березки». Это — Сережа Шульц, голубоглазый идеалист и геолог, когда-то писавший стихи, а теперь он еще и краевед, питерский всезнаец, но и путаник тоже. Мы знакомы с незапамятных времен, когда он вздыхал по моей первой жене Наталье, что теперь клятвенно отрицает. Сам женившись, он прославлял радости деторождения и отцовства. И вот

теперь, увы, его подросший сын погиб: сумятица перестройки, подозрительные обстоятельства... Шульц ищет у меня ответа, перебирает подробности, показывает фотографии...

Подсаживается Андрюша Арьев, он теперь большой человек в журнальном мире. Мы выпиваем за старую дружбу, за поэзию... За Георгия Иванова, которого он открыл мне где-то в начале 70-х, дав почитать тамиздатскую антологию Владимира Маркова. Мы произносим друг другу с тех самых пор запомнившиеся стихи: «Эмалевый крестик в петлице», «Ты не расслышала, а я не повторил», «Распыленный миллионом мельчайших частиц» и заканчиваем нараспев дуэтом:

Что-то сбудется, что-то не сбудется.  
Перемелется все, позабудется...  
Но останется эта вот рыжая  
у заборной калитки трава.  
...Если плещется где-то Нева,  
Если к ней долетают слова —  
Это вам говорю из Парижа я  
То, что сам понимаю едва.

Еще и еще раз...

Наконец Андрюшу пристраивают куда-то прилечь, я тоже вмиг засыпаю, и тут же — подъем! Такси подано, Галя везет меня в Пулковско-2. Но что это? У стойки компании «Дельта» — пустота, нет ни служащих, ни пассажиров... Как же так, ведь приехали вовремя: вот мой билет — дата, время отправки, все правильно. Оказывается, расписание переменялось, и мой самолет отлетает завтра в это же время. Вспоминаю с негодованием двуязычного лжеца из офиса. Что же делать? У меня ведь целая цепочка пересадок, по которой я должен попасть вовремя на конференцию в Сан-Франциско. Иначе мне не оплатят грант! Сгоряча принимаю решение: лететь в Хельсинки, чтобы там схватить «Дельту» и попытаться догнать мою цепочку.

— Ну, Галочка, до скорой встречи в Урбанске-Шампанске!

О моей головокружительной трассе через океан и два континента я уже упоминал раньше, забегая вперед. На конференцию я успел вовремя и, стало быть, грант оправдал, хотя и пришлось отдать его в пасть проклятой «Дельте», которая не простила мне смелый маршрут. Другие подробности я опускаю, следуя ходу повествования, вдруг устремившегося к концу. Трасса закончилась у автобусного вокзала в Шампейн.

Вот я и «дома»!

Такси довезло меня до складского ангара на краю заснеженного поля. Там хранились мои жалкие коробки и стояла брошенная «канарейка». Заведется

ли, бедная? С третьей попытки — завелась! Но с тормоза снять ее оказалось невозможно. Заклинило.

Но это — Америка... Здесь работают аварийные службы, есть кому помочь, и дело не в деньгах, если имеются кредиты. Пока чинили машину, меня подобрал Виктор Городинский, библиотекарь и по совместительству дирижер балалаечного оркестра, а его подружка барабанщица Нэнси, славная и добрая девушка, прокатила меня по объявленным в газете адресам. Я тут же снял меблированный подвальчик, которым не погнушался бы и булгаковский Мастер, затем получил из ремонта свою «канарейку» и перевез туда оставшийся на складе скарб. Кухонную утварь и посуду мне выдал (совершенно негаданно!) Русский центр, коллега Наташа подарила старый телевизор, а уютю, гладильную доску и фен для Галочкиных густо-каштановых я купил сам.

Оставалось протереть линолеум матросской шваброй и поставить на стол огромный букет гвоздик с причудливой окантовкой. Свежайшие, они заполнили две комнатенки изысканным ароматом. Теперь можно было ехать в Чикаго, в уже хорошо знакомый международный аэропорт О'Хэйр.

Вот и свершилось! Шестнадцатого января наступившего 1992 года та же «Дельта» доставила Галочку в полной сохранности. Молодец, она не оробела, добралась... И, как всегда, вовремя. На парковке шел снег, темно. Пока выбирались на «Интерстейт-57», стемнело полностью, и вместо плоских равнин по сторонам мерещились высокие стены, как будто мы едем в узком ущелье, ориентируясь лишь на красные огоньки едущей далеко впереди машины. Вот она сворачивает, и я готовлюсь к повороту. Вот исчезла, и мне остается держаться только белеющей в свете фар дорожной разметки. Приходится снизить скорость — поземка змеится через дорогу. Утомленная перелетом, Руби задремывает, склонив голову набок и не догадываясь об опасности езды. А у меня уже началась «двадцать четвертая жизнь кошки», которая, к счастью, продолжается и сейчас. И еще одна остается в запасе.



«Человекотекст» закончен. 2011 г.



Эдвард Лир



## БЕССМЕРТНЫЕ БЕССМЫСЛИЦЫ ЭДВАРДА ЛИРА

**В** 1846 году вместе с выходом в свет анонимной «Книги нонсенса» (A Book of Nonsense) на обширных территориях английской литературы возникло новое государство, провозгласившее свою полную независимость от здравого смысла. Население его сплошь состояло из эксцентричных чудаков, и законы, которым они подчинялись, также располагались вдали от общепринятых норм и традиционных установлений. Поступки их не поддавались объяснению и никоим образом не сопрягались с историческими, политическими либо какими-то иными событиями в мире, а попытки истолковать их как аллегория или извлечь из них некую мораль были заведомо безуспешны. Ибо чудаки эти были чисты и наивны, как малые дети, и не ведали, что такое задние мысли. А повествования об их чудачествах были мастерски заключены в особой формы короткие стихотворения — лимерики — и великолепно проиллюстрированы озорными гротескными рисунками.

Книга сразу же стала бестселлером и вызвала массу толков и домыслов о ее авторе. Но лишь на обложке третьего издания, вышедшего в 1861 году, наконец появилось его имя — Эдвард Лир.

Этот человек родился 12 мая 1812 года в Хайгейте близ Лондона и стал двадцать первым ребенком в семье. Уже в пятнадцать лет он был вынужден сам содержать себя, так как отец его, биржевой маклер, оказался в долговой тюрьме. Юноша зарабатывал на жизнь рисованием и, в частности, выполнил заказ на рисунки попугав в зоопарках. Увидев эти рисунки, граф Дерби пригласил молодого талантливого художника пожить в его имении Ноусли Холл в Ланкашире; там у графа был свой зверинец, к описанию обитателей которого Лир и должен был сделать иллюстрации. Он провел там четыре года, и именно

в этот период были созданы его нонсенсы — именно так он всегда называл свои лимерики. Лир адресовал их юным внучатам графа, чтобы развлечь и посмеяться их, и впоследствии посвятил им свою первую книгу. Относился он к этим стихам как к развлекательным упражнениям; неудивительно, что стихи и рисунки, составившие книгу, целых десять лет пролежали у него в полном забвении. Он и представить себе не мог, каким триумфом обернутся для него эти легкомысленные забавы.

К этому времени он был уже довольно известным рисовальщиком — анималистом и пейзажистом. И именно свое художническое призвание Лир всегда считал главным делом своей жизни. Помимо сборника лимериков («Книга нонсенса» и последующие расширенные ее издания) у Лира вышли «Бессмысленные песни, рассказы, ботаника и алфавит» (1871), «Еще раз нонсенсы, рисунки, стихи, ботаника и т. д.» (1872) и «Смешная лирика, новая книга бессмысленных стихов» (1877).

Читателю может показаться, что автор такого рода книг — искрящийся остроумием, жизнелюбивый человек. Однако, как и большинство выдающихся мастеров юмора, которых природа очень скупно дарила миру, Эдвард Лир на самом деле был грустным человеком. Несмотря на свою литературную славу, утвердившуюся художническую репутацию (сама королева Виктория пригласила его дать ей несколько уроков рисования) и на то, что он был одной из центральных фигур широкого круга друзей — талантливых литераторов и художников, всю свою жизнь он испытывал чувство одиночества и страдал от депрессии и меланхолии. И в своих частых странствиях, которые, как правило, завершались изданием альбома пейзажей или иллюстрированными путевыми заметками, он искал,

по-видимому, не только свежий художнический материал, но и душевное умиротворение. А путешественником он был, несмотря на свою застенчивость, упорным и отважным и успел исходить многие страны на разных континентах. Такую кочевую жизнь он вел начиная с 1837 года, поселяясь на какое-то время, в числе прочих мест, в Риме и Корфу, и завершил свои странствия в Сан-Ремо на Итальянской Ривьере. Здесь в обществе старого слуги и знаменитого кота Фосса, который дожил до восемнадцати лет и умер за несколько месяцев до смерти хозяина, и прошли последние годы Эдварда Лира. Умер Лир в 1888 году.

Лир не был первооткрывателем лимериков. Он даже ни разу не употребил этого слова, называя свои стишки нонсенсами. Более того, как указано в Оксфордском словаре, слово «лимерик» впервые было напечатано лишь в 1892 году! Но именно благодаря Лиру, вложившему в эту форму свою неисчерпаемую фантазию поэта и художника и придавшему ей литературное совершенство, лимерики приобрели всенародную популярность — и среди детей, и среди взрослых. Стремительно росла армия подражателей, все чаще объявлялись конкурсы на лучший лимерик, и все роскошнее становились призы победителям, взлетевшие в 20-е годы ушедшего века до дорогого автомобиля, дома и даже пожизненной ренты — за один пятистрочный стишок!

Но главная заслуга Лира состояла в том, что он обогатил английскую и мировую литературу юмо-

ром нового качества — комизмом бессмыслицы, нонсенса.

Заметим, что этому большому прорыву в искусстве предшествовали малые открытия подобного рода. Достаточно упомянуть нередкие вкрапления безудержной эксцентрики в вековых пластах английского фольклора.

Но такого плотного и последовательно пронесенного через все творчество концентрата безудержной фантазии и по-детски чистого юмора, облеченного в безупречную форму, до Лира литература не знала. И неудивительно, что он стал основателем целого направления в англоязычной литературе. Говоря о нем, нельзя не назвать Льюиса Кэрролла, знаменитым книгам которого о приключениях Алисы, опубликованным в 1865 и 1872 годах, особое очарование придали вошедшие в них блестящие стихинонсенсы, несомненно, вдохновленные творчеством Лира.

Книжки Лира расходились с такой стремительностью и были так популярны, что издавались множество раз, и, тем не менее, как утверждает вступлении к полному собранию нонсенсов Лира, изданному в Лондоне в 1947 году, «легче найти Первое фолио Шекспира, чем первое издание “Книги нонсенса”»: даже Британскому музею приходится довольствоваться третьим изданием (1861 года)».

В предлагаемую читателям «Юности» подборку вошли лимерики из первого сборника нонсенсов Э. Лира с его рисунками.

*Генрих Варденга*

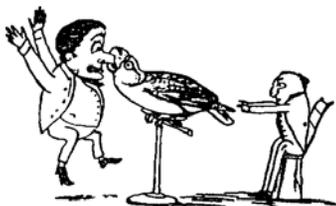
### ЛИМЕРИКИ



Чарли вечно пиликал на скрипке,  
Расплываясь в широкой улыбке;  
Если рот до ушей  
И легко на душе,  
Отчего не пиликать на скрипке!



Одному деревенскому жителю  
Показалось, что жизнь омерзительна.  
Ему дали салат,  
Спели пару баллад,  
И он понял, что жизнь восхитительна.



Жил-был некто по имени Санос;  
Попугай ухватил его за нос.  
Он уж начал томиться,  
Но, узнав имя птицы,  
Успокоился вдумчивый Санос.



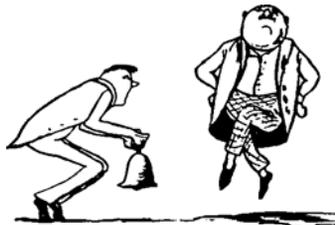
Жил-был Билл, и когда били,  
Презабавно вопил этот Билли;  
С Билли сняли ботинки,  
Дали фрукты, тартинки —  
И все били беднягу и били.



Ну и путаник был старый Эдди,  
Перепутывал он все на свете:  
С кошкой вальс танцевал,  
В шляпу чай наливал,  
Что весьма раздражало соседей.



Когда даму оставили с носом,  
Тот как начал расти, так и рос он.  
Дама стала рыдать,  
Что конца не видать:  
«О! Прощай навсегда, кончик носа!»



В нашем городе жил мистер Валлис.  
Все о нем высоко отзывались:  
Хоть он слыл своевольцем,  
Но под звон колокольца  
Танцевал так, что все восхищались.



Одна госпожа из России,  
О чем бы ее ни спросили,  
Начинала в ответ  
Так вопить на весь свет,  
Что порой было слышно в России.



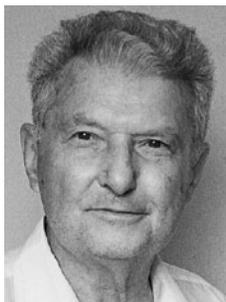
Часто, встав на окно, мистер Брукинг  
Изумленно вздымал к небу руки;  
Услыхав снизу крик:  
«Расшибешься, старик!»  
«Ни за что!» — отвечал честный Брукинг.



Пожилая вдова из Милана  
 Изъяснялась ужасно туманно;  
 На вопрос: «Шляпки взять?»  
 Отвечала: «Как знать!»  
 Эта чудо-вдова из Милана.

*Перевод с английского Генриха Варденги*

Фото Александра Плотникова



*Генрих Варденга — физик, кандидат физико-математических наук. С 1965 года работает в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне (ОИЯИ). С 1992 года — директор Музея истории науки и техники ОИЯИ, с 2008 года — советник по культуре дирекции ОИЯИ. Автор более шестидесяти научных и двадцати научно-популярных статей, книги «Вселенная частиц», трех книг стихов для детей, а также стихов и переводов, которые печатались в периодике и различных альманахах и антологиях. За цикл переводов из грузинской поэзии Генрих Варденга награжден премией журнала «Юность» (2002). Как составитель и переводчик издал несколько сборников английской поэзии малых форм, в том числе «Избранные лимерики Э. Лира» (2005) и «Английские стихи на все случаи жизни» (2011).*



Евгений НИКИТИН



*Джеймс Стивенс (1882–1950) — ирландский поэт, прозаик, автор романов «Дочь поденщицы», «Горшок золота» и других. Родился в Дублине, образование получил в интернате для трудновоспитуемых. Служил клерком в адвокатских конторах, вел поэтические семинары в университетах США. В 1910–20-х годах был тесно связан с ирландским национально-освободительным движением, изучал ирландский язык, фольклор, мифологию. Многие произведения Стивенса навеяны мифологическими и фольклорными мотивами. Его творчество, в котором своеобразно сочетаются романтизм и натурализм, до сих пор малоизвестно русскоязычному читателю.*

## РОЖДЕНИЕ БРАНА

### Глава I

Есть люди, которым совершенно не нравятся собаки. Обычно это женщины, однако в нашей истории речь пойдет о мужчине, который не любил собак, точнее — ненавидел. При встрече с ними он багровел и бросался камнями, пока собаки не скрывались из виду. Однако покровительствующая всем живым тварям высшая сила наделила его косоглазием, так что он всегда промахивался.

Звали его Фергус Фионлиэтт. Он поощрял слуг, относящихся к собакам с неприязнью, а услышав, что один человек утопил щенячий выводок, зачастил к нему в гости и даже попытался жениться на его дочери.

Знаменитый капитан королевской армии Фионн был полной противоположностью Фионлиэтту: он обожал собак и знал о них все. Их привязанности и антипатии; степень повинения, до которой собаку можно дрессировать без превращения в подобострастное существо; их надежды и страхи; что можно от них требовать и что прощать; про лапы, уши, носы, глаза и клыки.

Из трехсот собак Фионна были две, к коим он питал особую привязанность, — его ежедневные и еженощные спутники Бран и Сеолан. Но ни один человек, гадай он хоть двадцать лет подряд, так и не узнал бы, почему Фионн любил этих двух собак и почему никогда с ними не расставался.

У Фионна была тетушка по имени Тюрэн — младшая сестра его матушки. Никто не мог бы взглянуть на нее с печалью или гневом. Ее лицо было свежим, как весеннее утро, голос — живет пения кукушки; изгибы ее фигуры были подобны руслу реки — реки, которая, казалось каждому, течет именно к нему.

При виде ее все женатые мужчины впадали в угрюмство, все холостяки взирали друг на друга свирепыми, налитыми кровью глазами, но ее избранником стал ольстерский джентльмен Иоллан Ичтаку, который попросил у Фионна ее руки.

Фионн знал ольстерцев то ли слишком плохо, то ли слишком хорошо, поскольку перед тем, как дать согласие на брак, сделал оговорку: если семейная жизнь тетушки покажется ему несчастной, Иоллан обязуется вернуть жену ее родным. Поручителями договора стали Силт Мак-Ронан, Голл Мак-Морн и Люгейд. Последнему это удалось особенно нелегко: он сам был влюблен в Тюрэн и предпочел бы не отдавать ее никому. Когда она вышла замуж, Люгейд сочинил стихотворение, начинающееся так: «Померк небесный свет...»

И многие люди в грустном настроении повторяли эти строки.

### Глава II

После свадьбы Иоллан с Тюрэн отправились в Ольстер и зажили там счастливо. Однако закон жизни — перемены: счастье может обернуться несчастьем, на место которого вновь придет радость. С прошлым нужно считаться: оно редко остается позади согласно нашим желаниям, чаще оказываясь впереди и становясь препятствием, о которое спотыкается будущее как раз тогда, когда нам начинает казаться, что жизненная дорога чиста и безоблачна.

У Иоллана было прошлое, которого он не стыдился, — просто считал, что с ним покончено. Хотя



на самом деле все только начиналось, ибо то, что мы именуем будущим, есть вечное повторение прошедшего.

Задолго до Тюрена он влюбился в Укт Дильв — обительницу Волшебного царства Ши<sup>1</sup>. Он часто навещал свою возлюбленную, его приветственный свист был знаком каждому жителю Ши, и многие дамы Волшебного царства сплетничали о нем.

— Опять твой свистит, — говорила в таких случаях ее сестра.

И Укт Дильв отвечала:

— Да, это он — мой смертный, мой возлюбленный, мое сердцебиение, мое единственное сокровище.

Она откладывала в сторону пряжу (или вышивку, или пирог из превосходного пшеничного хлеба с медом) и неслась к Иоллану. И они долго бродили по пахнущей цветущими яблонями и медом стране, взявшись за руки, глядя на сучковатые деревья, на танцующие сверкающие облака... Или стояли рядом, как в полусне-полуяви, лаская друг друга руками и взглядами. Потом Иоллан возвращался в мир смертных, а Укт Дильв — к своим делам в Земле вечной молодости.

— Что он говорил? — спрашивала ее сестра.

— Что я — Горная Ягода, Звезда Познания, Малиновый Цвет...

— Они всегда говорят одно и то же, — надувалась сестра.

— Но они видят и чувствуют по-другому, — возразила Укт Дильв.

Когда Иоллан перестал появляться в Волшебном царстве, Укт Дильв удивилась, а ее сестра высказала сотню догадок — одну хуже другой:

— Он не умер — иначе оказался бы здесь. Дорогая, он просто позабыл тебя.

Наконец в Волшебное царство дошли слухи о женитьбе Иоллана. Когда Укт Дильв услышала эту весть, ее сердце на мгновение перестало биться. Она зажмурилась.

— Вот видишь! — воскликнула сестра. — Столько длится любовь смертного! — добавила она приличествующим сестрам торжествующе-печальным тоном.

Укт Дильв охватили ярость и отчаяние, коих не испытывал ни один житель Ши. Голод и ревность нелегко поддаются контролю. Она решила, что укравшая у нее привязанность Иоллана женщина должна горько пожалеть об этом.

Укт Дильв, владеющая искусством магии, приняла облик посыльной Фионны и, выйдя из Волшебного царства в мир смертных, направилась к жилищу Иоллана:

— Долгих вам лет и крепкого здоровья. Капитан Фионн намерен посетить ваш дом. Также у меня послание для вашей супруги.

Тюрена с посыльной отошли в сторонку. Укт Дильв вытащила из-под плаща ореховый прут, ударила соперницу по плечу, и Тюрена тотчас превратилась в дрожащую собаку с жалобными глазами. Укт Дильв накинула ей на шею цепь и повела к дому злейшего собаконенавистника — Фергуса Фионлиэтта.

### Глава III

По пути Укт Дильв ожесточенно бранила собаку, дергая цепь. Собака жалобно скулила и горестно завывала.

— Ах ты обманщица! Окрутила чужого возлюбленного! — яростно восклицала волшебница. — Как бы понравились ему твои острые уши, вытянутая морда, тощие лапы и серый хвост? Он бы перестал любить тебя, мерзавку! Ты слышала о Фергусе Фионлиэтте, ненавидящем собак?

Тюрена действительно слышала о нем.

— Именно к нему я тебя и веду. Он будет бросать в тебя камни. В тебя никогда не бросали камни? Мерзавка! Воровка! Смертная! Тебя будут хлестать плеткой. Тебе придется выкапывать украдкой старые кости и глодать их, пытаясь справиться с голодом. Будешь выть на луну, дрожать от холода и никогда больше не окрутишь чужого возлюбленного.

Наконец они добрались до дома Фионлиэтта.

— Ты можешь либо войти без собаки, либо остаться снаружи вместе с ней, — предупредил угрюмый охранник.

— Я войду с собакой, или же твоему хозяину придется объясняться с самим Фионном!

Слуга мигом исчез, и вскоре из-за массивной двери появился сам хозяин.

— Ей-богу! — вскричал он изумленно. — Это же собака! Уходи, — заявил он Укт Дильв, — а когда убьешь ее, возвращайся ко мне за подарком.

— Мой господин Фионн посылает вам эту собаку, чтоб вы заботились о ней, пока он не придет забрать ее.

— Странно! Фионн прекрасно знает, что во всем мире не найдется человека, испытывающего меньшую симпатию к собакам, чем я.

— Как бы то ни было, господин, я передала его послание. Вы берете ее или отказываетесь?

— Если б я мог отказаться в чем-то Фионну, то поводом стала бы именно собака, — проворчал Фергус, — однако я не могу отказаться ему ни в чем.

И Укт Дильв, довольная свершившейся мстостью, вернулась в Ши.

<sup>1</sup> Потусторонний мир, населенный мифическим племенем туатов, которых также именовали ши, или сидами.



© Дудякова Анна 2012



## Глава IV

На следующий день Фергус позвал слугу.

— Собака перестала дрожать? — спросил он.

— Нет, сэр.

— Приведи ее. Как прекратить ее дрожь?

— Есть один способ... — нерешительно начал слуга. — Если взять ее на руки, обнять и поцеловать...

— Возьми, — приказал хозяин, — обними и поцелуй; и если после этого зверь будет дрожать хоть самую малость, я проломлю тебе голову.

Слуга нагнулся к собаке, однако она тяпнула его за руку и чуть не откусила нос.

— Я ей не нравлюсь, — извинился слуга.

— Мне тоже! — проревел Фергус. — Убирайся вон!

Бедное животное от страха задрожало в десять раз сильнее прежнего.

— Скоро она упадет и не встанет, а Фионн обвинит меня! — в отчаянии воскликнул Фергус. — Только посмей укусить! — злобно проворчал он и взял собаку на руки.

Та продолжала дрожать. Фионлиэтт прижал ее к груди и мрачно прошелся по комнате. Собака уткнулась носом ему в шею и облизала подбородок.

— Прекрати! — взревел Фионлиэтт. — Прекрати это немедленно! — его лицо стало красным, и он свирепо посмотрел на собаку. В ответ на него уставился светло-коричневый глаз, а язык снова застенчиво коснулся его подбородка.

— Раз ее необходимо поцеловать, — хмуро заметил Фергус, — я это сделаю; ради Фионна я сделал бы и больше.

Он закрыл глаза и прижал свои губы к собачьим.

— Теперь-то она точно не дрожит.

Так оно и было.

Теперь, куда бы Фергус ни направлялся, собака следовала за ним, прижимаясь к его ногам и не сводя с него глаз. Вскоре он называл ее «моим единственным сокровищем», «моей веточкой» и не выпускал из виду ни на секунду. Его постоянно грызла мысль, что какой-нибудь злой человек может бросить в нее камень, и потому он собрал всех слуг и обратился к ним с речью. Фионлиэтт заявил, что эта собака — Королева Животных, Биение Его Сердца и Зеница Ока и предупредил, что любой осмелившийся даже просто косо взглянуть на нее ответит сполна. Он перечислил пытки для злодея, начиная со снятия кожи и заканчивая расчленением; наказание было расписано так подробно, что у слуг застыла в жилах кровь, а служанки попадали в обморок.

## Глава V

Со временем до Фионна дошла новость, что его тетушка не живет с Иолланом. Он сразу отправил к

зятю посыльного с требованием сдержать обещание и вернуть Тюрэн. Иоллан, уверенный, что к исчезновению жены причастна Укт Дильв, попросил дать ему время на поиски. Капитан согласился:

— Передай, что я получу либо Тюрэн, либо его голову.

Иоллан отправился в Волшебное царство и вскоре достиг обители Укт Дильв. Потребовалось немало усилий, чтобы бывшая возлюбленная согласилась встретиться с ним под ветвями яблони.

— Итак, что тебе нужно, нарушитель клятв и предатель любви?

— Приветствую тебя и молю совершить благодеяние. Я в опасности.

— Какое мне до этого дело?

— Фионн может потребовать моей головы.

— Рассказывай, — холодно велела Укт Дильв.

Вскоре Иоллан закончил свой рассказ словами «уверен, это ты спрятала девушку».

— Если я спасу твою голову, — заметила волшебница, — она будет принадлежать мне. А если твоя голова становится моей, то и все тело тоже. Согласен? Поклянись, что если я спасу тебя, ты останешься моим возлюбленным до конца жизни и времен.

Иоллану ничего не оставалось, как поклясться.

Укт Дильв отправилась в дом Фионлиэтта и разрушила чары, вернув сопернице прежнее обличье. Однако на двух щенков, которые успели родиться у Тюрэн, колдовство не действовало, и они остались зверями. Этими щенками были Бран и Сеолан. Их послали Фионну, который заботился о них до конца жизни. Они были так преданны и нежны, как могут быть только собаки, и так умны, как могут быть только люди. К тому же они были кузенами Фионна.

Руки Тюрэн попросил давно влюбленный в нее Люгейд. Они поженились и с тех пор жили счастливо, как и подобает. Он сочинил стихотворение, начинающееся так: «Чудесный день. Ты, милая, — расвета око...»

И многие люди в радостном настроении повторяли эти строки.

Что касается Фергуса Фионлиэтта, он слег от потрясения и умер бы, не пошли ему Фионн другого щенка. Через неделю щенок стал для Фергуса Звездой Фортуны и Биением Сердца; Фионлиэтт выздоровел и тоже жил счастливо.

*Сокращенный перевод Евгения Никитина*

Евгений Никитин — студент четвертого курса переводческого отделения лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.



Феликс ШВЕДОВСКИЙ



Продолжение. Начало в № 4, 7–8, 10 за 2010 г.,  
в № 1, 4, 6, 10 за 2011 г., в № 1 за 2012 г.

## Индийский дневник

18 декабря 1998 г., пятница

Четвертый месяц пошел уже вдали от вас. Дорогая моя Аннушка, как часто я представляю себе тот день, когда войду в нашу квартиру в Москве, а там — вы с Женечкой...

Всё-то нет у меня, родные мои, то времени, то сил, то уединенности, чтобы писать этот дневник. Вот и теперь пропустил целую неделю. Так что это уже не столько дневник, сколько воспоминания. Мемуары.

Сейчас мы в Непале, в горной его части, в городке Тансен, по дороге в Покхару, из которой нам откроется через несколько дней Аннапурна — гряда почти всех высочайших вершин Гималаев, за исключением Эвереста. Аннапурна содержит в себе твое имя...

Мы легко пересекли границу Индии и Непала, получив визу прямо у пограничников. Непал для Индии — это что-то вроде Украины для России. Равнинная часть имеет много общего в культуре и была раньше в составе большой Индии, походившей то ли на Российскую империю, то ли на СССР. После обретения независимости от Индии откололось несколько кусков — Пакистан, Бангладеш, Непал... Правда, горная часть Непала всегда была независимой, так же, как Западная Украина с ее Карпатами.

Среди монахов-учеников Тэрасавы-сэнсэя много украинцев, и им все эти сравнения греют сердце.

Когда мы приехали в Лумбини, оказалось, что нас ждет письмо с приглашением участвовать в фестивале в Капилавасту — том месте, где располагался дворец царевича Сиддхартхи, впоследствии ставшего Буддой. Приглашение не были именным, и поскольку японские монахи, находившиеся в монастыре, не смогли поехать, они отдали приглашение нам. Мы не ожидали, что окажемся на фестивале, и Сэнсэй отнес это к чудесному совпадению, череда которых преследует нас в течение всего уже полугодового Марша мира из места рождения Льва Толстого — Ясной поляны сюда в Лумбини — место рождения Будды Шакьямуни.

Фестиваль организовали местные жители. Незадолго до него в Лумбини проходил буддийский саммит, организованный на международном уровне, при поддержке ЮНЕСКО, объявившей этот год Годом Непала. С точки зрения идей нашего Марша, пересекшего столько стран и, таким образом, ставшего международным, было бы логично поучаствовать в саммите, и мы поначалу думали прервать свое пешее странствование по индийской глубинке, чтобы успеть на саммит, однако предпочли все же пройти до конца весь последний путь Будды перед уходом в нирвану — из Вайшали в Кушинагар. Идти по глухим деревням нам показалось гораздо более важным, чем сидеть в креслах и слушать болтовню буддийских чиновников. Тем более что на саммит решили не приглашать Далай-ламу, чтобы не испортить отношения между Непалом и Китаем<sup>1</sup>. Это уже из рук вон. Без лидера такого масштаба буддийский саммит нельзя считать представительным.

Пустоту всего, что организовано не простыми людьми, а государственными чиновниками, мы испытали на собственной шкуре, когда после фестиваля в Капилавасту нас не пустили на ночлег в государственное буддийское учреждение под громким названием «Японско-непальская вихара», то бишь монастырь. Хотя помещение было абсолютно пустым, нам ответили, что любой ночлег в этом заведении должен быть согласован сверху, то есть в Катманду.

Так что очень хорошо, что вместо саммита в Лумбини с его «высоким» уровнем наш Марш мира

<sup>1</sup> Индия тоже боится Китая, но не до такой степени. Это показал прошедший в ноябре-декабре 2011 года Международный буддийский конгресс в Дели, куда Далай-лама был приглашен, хотя и только на закрытие. В конце концов, Далай-лама живет на севере Индии, так что отношения с Китаем у Индии все равно почти никакие. А Непал — маленькая страна и наверняка опасается, что в один прекрасный день Китай захочет присоединить ее к себе так же, как и Тибет.



Одна из древних ступ Ашоки Сукх. Курукшетра, Индия

завершился фестивалем в Капилавасту, организованным простыми людьми. Мощи Будды — шарира, которую мы несли с собой все эти полгода, — наконец прибыли к себе на физическую родину — в Лумбини. Мало того, они прибыли на духовную родину Будды — в Капилавасту, ибо именно здесь он принял решение оставить семью и свой статус принца, уйти из дворца и стать странствующим отшельником, чтобы обрести просветление — Путь Вечной Жизни для всех живых существ.

В фестивале участвовали два слона. Нам предложили покататься на одном из них, и мы посадили на него Сэнсэя с носилками, на которых мы все эти месяцы несли шариру. Тэрасава-сэнсэй на слоне возглавил стихийный марш, ставший финальным аккордом фестиваля. Учитель направил толпу людей к тому месту, где произошел геноцид рода Шакьев, к которому принадлежал Будда (отсюда и его родовое имя — Шакьямуни, то есть Мудрец из Шакьев).

После того, как Будда обрел просветление, Шакьи ввязались в войну с соседним княжеством Косала. Они были полностью разгромлены и истреблены почти все — за исключением тех Шакьев, что стали монахами-учениками Будды (а их было немало) и потому не участвовали в сражениях. Так что получается, род принес себя в жертву во имя идеи ненасилия, на которой стоит весь буддизм.

Будда лично пытался трижды остановить войну, приходил на поле боя и вставал между готовыми напасть друг на друга армиями. Авторитет Будды был так велик, что всякий раз ему удавалось убедить их договориться о перемирии. Однако в четвертый раз он не успел. Или не захотел успеть — увидев, что только его физическое присутствие останавливает людей, а в душе они продолжают ненавидеть друг друга. И тогда Шакьи, продолжавшие воевать, испили свою карму до дна. Будда понимал, что пройти через эти страдания Шакьям, видимо, было необхо-

димо, чтобы искупить некую вину, заключающуюся в многовековом стремлении стать «чакравартинами» — владыками мира (название «Шакья», кстати, переводится как «лев», то есть «царь зверей»). Ведь сам Будда, согласно предсказанию святого Аситы, данному сразу после рождения царевича Сиддхартхи, стоял перед выбором — стать либо царем, который завоюет весь мир с помощью оружия, либо святым, который покорит весь мир силой любви. Потому Сиддхартхе и надо было уйти из дворца, чтобы полностью отказаться от предначертанной ему царской власти и сделать выбор в пользу просветления. Если бы он стал царем и захватил мир, как, например, Чингисхан, он обрек бы свой род на гораздо более тяжкую карму насилия — и последствия были бы еще страшнее, чем резня, которой закончилась локальная война. Хотя мне сложно представить, что могло быть страшнее того дня, когда все озеро, на берегу которого произошел геноцид Шакьев, было красным от крови.

Символично, что именно у этого озера и завершился наш Широкий марш мира по Евразии «В новый век без войн и насилия». Впервые за весь марш мощи Будды были так высоко благодаря тому, что стояли на слоне, оказавшемся символом святого существа, помощника Будды — бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Ведь, как сказано в буддийском писании «Лотосовая сутра», у слона, на котором путешествует этот бодхисаттва в невидимых духовных мирах, иногда являясь и в наш бранный мир, — шесть бивней. И вот к природным двум бивням слона добавились четыре рукоятки носилок, на которой стояли мощи Будды, и получилось, что у слона шесть «бивней» (пускай и смотрящих в разные стороны)! Воистину, это сам бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость — Самантабhadра проявил себя. Я чуть не сел от такого открытия...

Потом мы два дня отдохали в японском монастыре «Ниппондзан Мёходзи» в Лумбини. Теперь он обнесен забором и имеет вооруженную охрану. С тех пор, как мы были здесь в прошлый раз, в 1996 году, в монастыре произошла трагедия — в июле 1998 года, когда наш Марш мира только-только начался и проводились акции в Москве, индуистские экстремисты застрелили настоятеля, Набатамэ-сенина.

В один из вечеров во время нашего странствия по индийской глубинке Сэнсэй и поведал нам о подробностях этого убийства. Мы сидели у костра, как это заведено у индусов в сельской местности, кто на корточках, кто на любезно принесенных откуда-то стульях, беседовали под звездным небом о высоких материях, и тут Учитель вспомнил, как это было. «Это произошло, когда было так же темно, — сказал он. — В монастыре было двадцать человек, но все спали, и не было забора. Кто-то постучал в дверь

комнаты, где находился монах. Он открыл дверь, за ней — никого. Тогда Набатамэ-сенин вышел на улицу и был застрелен в голову».

Убийца до сих пор не найден, но предполагают, что он связан с королевской семьей Непала, которая исповедует индуизм и настроена резко против буддистов, видя в них угрозу кастовой системе, а значит, и своей власти. Со своими-то местными буддистами они как-то справились, вернули почти всех монахов в мир, а вот иностранных, особенно священников, очень не любят<sup>1</sup>.

На месте смерти Набатамэ-сенина теперь стоят камень и горшочек для благовоний, вокруг посажены цветы. Называется это место на языках хинди и непали почти как по-русски — «смрити». Это был необычный человек. В 1996-м мы общались с ним всего несколько дней, но он запомнился мне кротостью и тихим смехом. Мы тогда съели почти весь его мед и сливочное масло, по которым истосковались за месяц пребывания в Индии...

И вот теперь мы снова в его монастыре, но уже без него, а с охранником, который защищает нас в этой оказавшейся такой опасной для иностранных буддистов стране. Солдат — почти мой ровесник, ему двадцать шесть лет. Очень приветливый, с раскосыми глазами. Вообще Непал — это что-то среднее между Индией и Китаем. Это и в лицах некоторых населяющих его народностей, и в архитектуре, и в музыке. Впрочем, во всей полноте ощутить эту «китайскость» Непала можно только в горной его части, как здесь, в Тансене. А на равнине, в Лумбини, все было как в Индии, за исключением того охранника.

В монастыре я познакомился с еще одним узкоглазым человеком, которого принял вначале за японского монаха, что было совершенно естественно для ордена «Ниппондзан Мёходзи», большинство в котором — японцы. Он был, судя по всему, самым младшим в монастыре, всем молчаливо прислуживал и во время трапезы садился в самом конце стола. Однако мы всегда усаживали его впереди нас, считая этого монаха тоже японцем, а значит, по определению более старшим и уважаемым, чем мы — новички в этом ордене. Но вечером монах зашел к нам в келью, принес в подарок монашескую одежду и присел на краешек кровати пообщаться. Оказалось, что, в отличие от большинства японских монахов ордена, он хорошо знает английский. Полистав наши фотоальбомы, он вдруг спросил меня: «Как нога?»

<sup>1</sup> В связи с убийством Набатамэ-сенина в Непале начались волнения, которые привели через несколько лет к свержению короля. Впоследствии вся королевская семья погибла на одной из вечеринок от рук одного из собственных детей, расстрелявшего всех из автомата и покончившего с собой.



*Широкий марш мира по Евразии с Тэрасовой-сэнсэем на слоне*

И тут я вспомнил: Калькутта, 1996 год. Лежу в гипсе после того, как мою ногу переехал автобус, и заходит ко мне этот монах попрощаться и тоже присаживается на краешек кровати, говорит какие-то простые, но душевные слова, так и так, мол, случаются подобные неприятности в жизни монаха... Он уезжал тогда в центральную Индию, в Варду, чтобы принять участие в марше в поддержку Тибета. Я подумал тогда, что он тоже лама (есть ламы из северных штатов Индии, близких к Тибету, одновременно состоящие в ордена «Ниппондзан Мёходзи»), а он оказался сиккимцем. Сикким, как и Бутан, — это восточный штат Индии. Так же, как и северные штаты Лех и Химачал, он присоединился к Индии уже после обретения ею независимости, опасаясь того, что будет захвачен Китаем. Так Индия, в основном индуистская страна, приросла тибетским буддизмом.

Интересно, будет ли происходить что-нибудь подобное с Россией и сопредельными государствами, бывшими союзными республиками? Наверное, начнет — когда она проникнется ненасильственным духом Индии.

Наше знакомство с сиккимцем продолжилось на следующий день, когда он подкладывал дровишки в печку-временку, составленную из кирпичей. На кирпичях стояли два бака с водой. Из одного бака мы набирали ковшиком воду, чтобы помыться тут же рядом, на земле, а в другой бак забирались сами. Это поистине благодать, особенно вечером, когда становится холодно, сидеть в горячей воде и сквозь пар смотреть на звезды. Называется это «японская баня». Подкладывая дровишки, сиккимец шутил над Алексеем, забравшимся в воду с головой: «Сейчас мы его сварим. Надо бы еще картошечки и лучка». Вообще-то вода не может закипеть, потому что костер горит не прямо под баком, а чуть в стороне, накаляя плиту, на которой стоит бак.

*Продолжение следует.*



Маргарита ШУВАЛОВА



*Маргарита Шувалова родилась в 1969 году в г. Кстово Горьковской области. Училась в Горьковском государственном университете им. Н. И. Лобачевского на факультете физики и микроэлектроники и финансово-экономическом факультете Московского российского нового университета. Работает специалистом Пенсионного фонда по Кстовскому району Нижегородской области.*

*Стихи начала писать с двенадцати лет. Осознанное отношение к поэзии пришло в более зрелом возрасте. Первые публикации в СМИ появились в 1999 году.*

*С 1998 года и по настоящее время — член литературного объединения «Свеча» при Центре писателей Нижегородского края им. П. Штатнова. Член редакционного совета альманаха современной поэзии «Арина» (Н. Новгород). Автор поэтического сборника «Бабочка» (2008). Публиковалась в нижегородских альманахах «Земляки», «Вертикаль», «Нижегородцы», «Арина», «Болдинское братство», «Русский смех», а также в главном поэтическом альманахе страны «День поэзии» (2011).*

*С 2008 года — член Союза писателей России.*



**В**опрос «Что такое поэзия?» глубок и интересен. Безусловно, многим людям на земле есть что об этом сказать. И, пожалуй, никто не даст исчерпывающего ответа. Есть и такие люди, которые не заморачиваются этим вопросом и спокойно в своей жизни обходятся без поэзии, порой при внешнем благополучии, не замечая, насколько они бедны внутренне. В «Мыслях о добре и зле (Жизнь и поэзия)» Св. Николая Сербского есть удивительные по глубине мысли строки: «Облеки свою жизнь в песню. Прошу тебя, облеки жизнь в песню: тогда ты сможешь ощутить гармонию жизни и свою связь с гармонией. Поэзия живет дольше прозы: не потому ли, что она ближе к истине, ближе к жизни? Если же облечешь свою жизнь в песню, и ты станешь ближе к истине, ближе к жизни».

Так что же все-таки такое поэзия? Я не открою, конечно, Америку, если скажу, что поэзия — это

язык души, а поэт — это тот, кто умеет выразить словами то, что словами не выражается. Поэзия — всегда нечто большее, чем просто слова. Даже если принять во внимание, что поэзией могут быть и стихи, и проза, отличаем-то мы поэзию по тому, что она трогает нас за душу. И это, безусловно, от того, что поэзия всегда там, где есть человеческие чувства, причем самые светлые и прекрасные. Поэтому любовь и поэзия всегда были неразделимы. В любое время года, в любом возрасте радость любви и печаль любви — это все равно радость жизни. Поэзия всегда там, где радость жизни. И это та сила, которая несет определенную духовную энергию, заставляющую нас волноваться, превращающую подчас небольшой отрывок текста в ценность, которая хранится веками.

*Маргарита Шувалова*

### Плач о любимом

Я плачу о тебе. Но клясть свою судьбу —  
Пустое дело...  
Отходит только раз, пронзая пустоту,  
Душа от тела.

Но маленькой душе не вырваться из пут  
До дня, до срока.  
Судьба во всем права. Права она и тут.  
И так жестока.

Я мысленно грешу, ищу среди людей  
Лицо родное.  
Мне в чередe смертей  
Не стать женою!  
И слезы — за двоих, и в горестях — одна  
Храню терпенье!  
И выпью чашу бед до рокового дна.  
Без сожаленья!

### Предзимье

Листвы поблекшие медали  
На ситце выцветшем земли.  
О, как же грустен и печален  
Узор их...  
Видится — вдали,

Как две вечнозеленых ели  
Под непогодой сплелись,  
Дрожа дождями, холодеет  
Над ними — сумрачная высь.

Ветров порывистые струны  
Созвучны траурной тоске...  
Октябрь — приятель мой угрюмый  
От вечности на волоске.

\* \* \*

Щечки алы от мороза...  
Снеговáя даль чиста...  
Не соврали бы прогнозы,  
Не слукавили б уста.



Справим теплые одежды,  
Чтобы в санках с высоты,  
Высоты своей надежды  
Падать в снежные холсты.

Чтобы слиться с облаками  
Взбитых санками снегов.  
Заклубится вихрь над нами,  
Выйдут льды из берегов.

Так никто, как мы, не верит,  
В сказку верим только мы.  
Что нам выюги и потери  
В куцах будущей зимы!

\* \* \*

Пережить бы этот холод зимний  
С мороком сомнений и тревог,  
Дотянуть до звонких теплых ливней.  
До любовью осиянных строк,

Что возникнут, может быть, внезапно,  
Захлестнув живительной волной.  
Только бы дожить еще до завтра —  
Не замерзнуть  
    без тебя, родной.

Горькой неизбежностью кручина  
На морозе рвет нещадно плоть...  
Ты покажешь, где растет калина  
В рузских чащах,  
    если даст Господь?

Ты расскажешь о победах ратных  
Русских несгибаемых дружин...  
Плюнув на лета, без слов парадных  
По заветным тропам пробежим...

Стихнет боль в душе от зимней стужи.  
Радости раскроется цветок!  
Знаю, одолеем,  
    верю — сдюжим,  
Доживем до вдохновенных строк.

\* \* \*

Набирается сил,  
Разливаясь теплом по округе,  
Долгожданное Солнце,  
Весну отражая в лучах.  
Ему планы свои  
Растрезвоню, как лучшей подруге,  
В предвкушенье, сулящем  
Уборки серьезный размах.

Смою грусти следы  
С потускневших, неласковых окон,  
Чтобы радужным светом  
Наполнился теплый мой дом,  
Напитались цветы  
Ароматным живительным соком,  
За труды согревая хозяйку  
Любови теплом.

От улыбок цветов  
И лучей неумно-игривых,  
Что Весна раздает всем вокруг  
Просто так, от души,  
В окнах сотен домов  
Неспроста хлопотливые дивы  
В нежном солнца разливе  
Божественно как хороши!

Дарья НУРИЕВА



*Дарья Нуриева (в девичестве Кучинская)*  
родилась в 1988 году в Минске. Студентка музыкального факультета Национального педагогического университета им. Драгоманова (г. Киев). Учительница музыки общеобразовательной школы в российской глубинке.

*В течение нескольких лет была звонарем одного из древнейших киевских храмов, регулярно участвует в колокольных фестивалях России. Вместе с мужем-историком принимает участие в археологических раскопках.*

*Православный публицист, лауреат конкурсов: в 2009 году была награждена почетным знаком св. Татьяны от межвузовской ассоциации «Покров», в 2010 году заняла второе место во всеукраинском конкурсе эссе «Украинцы: великие, известные и неизвестные».*

*Стихотворения публиковались во многих сетевых и печатных изданиях, вошли в поэтические сборники «Имени Твоему», «Царский крест», «Неугасимая свеча», аудиоальбом В. Малышева «Господи, помилуй», печатались в журналах «Голос эпохи», «Великоросс».*

### Lumivaara<sup>1</sup>

Перед первым причастием девушка пела  
В кирхе Лумиваары на Снежной горе.  
В общем хоре чуть слышался голос несмелый —  
Ей пятнадцать исполнилось в том ноябре.

Вейкко скоро семнадцать, но надо молиться,  
Чтобы кончилась долгая эта зима.  
Добровольцы-«кукушки» не певчие птицы,  
Пой, малышка Суоми... саами... сама...

И когда первый снег запячется алым,  
Враг захватит родные твои рубежи,  
Голос выведет воина в царство Вальгаллы,  
Неподвластное красно-коричневой лжи.

А на этой земле ни креста, ни погоста,  
Но хранит свои тайны готический свод.  
На алтарные камни склонилась береза,  
И о будущей жизни кукушка поет...

### Мария

Еще раз, на прощанье, пройдем с тобой рядом  
Над туманной рекой в Мариинском саду.  
Твои тонкие руки сожму сквозь ограду  
И по листьям опавшим, не глядя, уйду.

Может, с этими листьями наши надежды  
Завтра в пепел сгорят на кострах Октября...  
Только кажется мне, уже все было прежде:  
Беснованье толпы, неотмирность Царя,

Целованье Иуды, сомненья Пилата —  
Промелькнули виденья, как будто в бреду,  
А меня на расстрел уводили солдаты,  
И рыдала Мария в масляном саду...

### Прощание

*Князю Дмитрию Вагаеву<sup>2</sup>*

Не ищите меня, сон метельный играет все тише...  
Ветку горькой рябины к сомлевшим губам наклоня,  
Я закрою лицо, чтобы ты моих слез не услышал,  
Чтобы ты не смотрел так тревожно, с тоской на меня.

Оземлилась душа, обманулась несбыточным счастьем  
(под усталой рукой неожиданно дрогнет струна),  
А когда ты уйдешь, оборвется внутри и погаснет...  
Не жалею обо мне — так честней, чем на полутонах.

В опустевшем саду загорится листва киноварью:  
Обещалась тебе — остается рябиной краснеть.  
Акварелью дождя напишу о Хрисанфе и Дарье,  
Только ты не Хрисанф, только я — отзвеневшая медь...

*Карелия*

<sup>1</sup> Lumivaara — Снежная гора (финск.).

<sup>2</sup> Герой романа И. Шмелева «Пути небесные».



Уважаемый редактор любимого мною журнала! Обращается к Вам автор из очень глубокой провинции, настолько глубокой, что даже надежды быть прочитанной почти нет. Но очень хочется быть услышанной, потому как проблема не частная. Да и не одна она в рассказе поднимается. Многие учителя хотели бы быть услышанными. Надоело им быть униженными и выполнять дурацкие распоряжения вместо того, чтобы заниматься делом. Ведь не просто же так они растаскивают на цитаты многое из моего творчества (не хвалюсь ни в коем случае!). Значит, актуально. Хочется, чтобы в стране что-то изменилось, изменилось в образовании, и тогда то, что поднимая в моем рассказе, перестало бы быть актуальным...

*С огромным уважением и надеждой,  
Ирина Казачина*

*О себе. Родилась в 1962 году в Алтайском крае. Окончила Барнаульский государственный педагогический институт, филологический факультет. Из большой любви к Гете выучила немецкий язык. Долгое время преподавала русскую литературу и зарубежную (немецкую) в педагогическом колледже. Писать не торопилась, аккумулировала опыт. Начала поздно. Хотя есть прецеденты и позже, Ингрид Нолль, например (простите за нескромность!). В моем случае, думаю, сыграл совет Жванецкого: «Писать, как и писать, нужно, когда уже не можешь».*

*В настоящее время проживаю в городе Славгороде Алтайского края, однажды прозванного одним известным режиссером «чевенгуром».*

*Публикации: журнал «Балтийский статус», сборник «Согласование времен — 2010». Участвовала в литературном конкурсе «Заветная мечта» в 2007 году, шорт-лист «Согласования времен — 2010», призер «Белой скрижали — 2010».*

*Литературные пристрастия: Гете, Достоевский, Гофман, Кафка, Булгаков, Брехт, Гессе, Воннегут, Пруст, Гайто Газданов, Андрей Платонов, Раймонд Карвер, Мураками, Кундера...*

## РЮМКА ВОДКИ В КРУЖКЕ ПИВА

### НЕБОЛЬШОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ГРОТЕСК

**Ж**асмин Антоновна рано утром отправилась на работу, как обычно сосредоточенная на извечном женском вопросе — произнесли ли она вслух, что уютю выключен или что она его и не включала. Приключения в этот момент тоже пробудились, жаждали деятельности и набросились на Жасмин Антоновну. Они споткнули новыми модельными туфлями о придорожный камень истерзанную догадками и уже решившую вернуться женщину. Жасмин Антоновна упала, ударившись головой о бордюр. Приключения искренне думали, что они помогли

Жасмин Антоновне, избавив ее от проблемы легкой амнезией.

Жасмин Антоновну подняли сердечные прохожие (все-таки в таких туфлях пьяные бабы под ногами не валяются!), привели ее в чувство и предложили вызвать скорую помощь. Жасмин Антоновна даже не допускала такой блажи! Немножко дезориентированная в пространстве, она попросила развернуть ее в сторону школы. Торопящиеся добрые люди спорить не стали, легонько подтолкнули Жасмин Антоновну в спину, задав правильный вектор движения. Чувство долга включило

автопилот, и ноги сами привели в нужное место.

Сами по себе имена-отчества и фамилии ничего интересного собой не представляют, могут быть самыми обычными. Но когда они складываются в определенные комбинации, то могут быть для их обладателя либо полезными, либо, напротив, вредными. Истина, которая давно в литературе обыграна и которой потому никого не удивит. Но это если ты только читаешь, а вот если сам попадаешь в завиток фатальной комбинации, то это уже совсем другое дело. Может, конечно, человек



вторгнуться в эту область, изменить кармическое сочетание, но что из этого выйдет — кто знает. Вон мужик один, например, решил первый раз переименоваться, что-то не получилось у него жизненного счастья ни внутреннего, ни внешнего с новыми инициалами, и пошло: в Июня Летневича, потом решил стать Сентябром Осеннивичем. Когда времена года испробовал, совсем заплутал в дебрях сознания и стал просто Деревом. Так что имя сменить — это непросто. Можно не просто другим человеком стать, а и вообще не человеком даже.

Да, инициалы — это серьезно. Они могут так далеко завести, что потом и не выберешься. Прямо как рюмка водки в кружке пива...

Жасмин, чье имя первоначально предполагалось использовать в одинокую на сцене, была Антоновой, к тому же Эразмовой. К тому же учительницей.

А еще она была одинокой женщиной с сыном-подростком и хомяком. Даже если бы у нее были две престарелые бабушки, семнадцать племянников, пятнадцать кошек, семь собак и три поросенка, она все равно считалась бы одинокой. Потому что не было у нее мужа. Вот сколько перевешивает один-единственный муж. Он дает статус. В конце концов, статус и все перечисленное не идут ни в какое сравнение. Статус оставил Жасмин Антоновне ребенка и фамилию и ушел с бывшим мужем. Кто его знает, куда. Жасмин Антоновна хотела поменять фамилию, потому что ушлые школьники прозвали ее Маразмовой. Потом сопоставила вариант ее девичьей фамилии — Мошонкина — и поостыла. Да и беготни, да и затратно!

Сын-подросток, как и полагается, покуривал, не хотел учиться и все время гулял. Только вечер забрезжит — у него появляется народофильский блеск в глазах, он — в кеды и гулять. И повлиять на эту его страсть Жасмин Антоновна со своим психолого-педагогическим образованием ну никак не могла.

Хомяк был спокойный. Вообще-то Жасмин Антоновна хотела собаку, цимтового чау-чау. Но когда узнала, сколько чау стоит, решила взять хомяка — цвет такой же, и бесплатно. Теперь не жалеет даже.

Жасмин Антоновна, благополучно доставленная ногами на работу, поднялась в учительскую и, как обычно, подошла к доске объявлений. Все так делают. Жасмин Антоновна была еще ко всем ее неприятностям классной руководителем, поэтому всегда себя чувствовала немножко изнасилованной: она постоянно кому-то что-то была должна дать, и обязательно срочно. Но Жасмин Антоновна умудрялась все выполнять самой первой. Вот и сейчас куча объявлений: «Классные руководители, срочно сдать... Уважаемые классные руководители! Завтра медосмотр! Классным руководителям срочно собрать свидетельства о рождении учащихся, снялсы, полисы... Ввиду того, что... срочно сдать... Ввиду того, что на стадион завезли новую резину для беговых дорожек, устанавливается график ночного дежурства по ее охране. Ознакомиться под подпись... Учителю физической культуры помочь классным руководителям составить правильно списки... Классные руководители одиннадцатых классов, предупреждаем, что сегодня последний срок сдачи...» Вдруг глаза Жасмин Антоновны натолкнулись на «Уважаемые классные руководители! В связи с нехваткой в некоторых классах учащихся до положенного количества по новой оплате труда просим вас срочно придти недостающих! Администрация». Жасмин Антоновну бросило в жар. В голове — полная яичница! Женщина-то она еще детородная, но как же, не с хомяком же. Бросить эту работу она никак не может. Пойти некуда, в городке безработица. Да и потом, она же ничего больше не умеет! Значит, остается выполнять распоряжение. Но все равно она первый раз не успеет выполнить его в срок.

Вдруг в голове Жасмин Антоновны появилась трезвая мысль. Вообще-то Жасмин Антоновна никогда в жизни не пила, даже лучше сказать, не выпивала. Вообще. Даже шампанское на Новый год. Даже на свой день рождения. Даже когда статус уходил вслед за мужем, не надралась, как сапожник. Хотя ей химичка Наталья Петровна предлагала. И физичка Ольга Павловна. И соседка Дарья Петровна. И бывшая одноклассница Карина. В общем, много нормальных баб. А Жасмин — ни в какую! Вот просто насмерть стоит, не подводит свои принципы. Жасмин Антоновна не из тех женщин, которые позволяют себе выходить за рамки. Она, например, никогда не кричит, не грубит, всегда вежлива. Всегда: «Извините! Пожалуйста! Спасибо!» И на собраниях никогда не выступает, даже если жизненно необходимо. Она считает достойным интеллигентно молчать, пусть кто-то другой скажет. Вот и сейчас как было бы хорошо, если бы кто-то высказался!

Впрочем (к трезвой мысли, появившейся вдруг в голове Жасмин Антоновны, раз так просто принято говорить, раз есть такой оборот речи), сроки-то в распоряжении не указаны, значит, время есть! Вот только с кем? С трудовиком? Или физруком? Может, со слесарем?

Хотя времени-то и нет. Свободных мужчин только три, а кандидатур без статуса много. Да и с детьми во многих классах проблема. Надо поторопиться. Вообще хорошо бы с первого раза и наверняка. Это к физруку. У него много детей по свету разбросано. И образование высшее. Все-таки хотелось бы себя хоть немножко чувствовать одного поля ягодой. Хотя или это у него такое высшее, или просто мозги были мертвые, когда он его получил. У трудовика тоже, конечно, образование высшее. Но он такой упертый. Кроме табуреток своих ничего больше не знает. В табуретках он, конечно, добился совершенства,

тут сказать нечего. Он с любовью их производит. Он и детям старается эту любовь привить, но она почему-то не прививается. Поэтому, видимо, у трудовика с учениками всегда конфликты. Из-за любви. Жасмин Антоновна прибегла к своему испытанному приему, помогающему ей в затруднительных мозговых ситуациях: обратилась к фауне. Если сравнить с животным, то он мул. А мул вообще-то — гибрид кобылы и осла, как правило, бесплоден. Это в энциклопедии так говорится. Так что вообще ничего может не получиться. Минус трудовику. Ничего, кроме табуреток, он производить не может.

Слесарь всегда здороваётся. Мужчина он без выпендрежа во внешности, приятный и чистый. Но слесарь. Другого поля ягода. Прошлогодня клюква в тундре.

Значит, физрук.

Физруку дети дали кличку Моном. На языке математики это означает «одночлен». Язык подростков придал этому слову свое значение... Пусть уж лучше так. Это они даже лояльно как-то. Вообще-то когда на физрука сильно злились, его по-другому называли. По его фамилии, только несколько интерпретированной. Однажды кто-то на школьной доске объявлений в фамилии физрука буквы пронумеровал, вот так:

2 4 3 1

У в е х

Вот тогда поломали головы над своими фамилиями учителя! Всмотривались, какие комбинации могут получиться. Некоторые даже изменения внесли. Трудовик Федор Алексеевич Кривошеев, например, узрел в начальных буквах своих Ф.И.О. крамольное сочетание и поэтому маскировал его перестановкой фамилии на первое место — Кривошеев Федор Алексеевич.

Жасмин Антоновна пошла к физруку, что называется, забросить удочки. Рыбалку, кстати, она совершенно не выносила, считала ее тупым занятием, никчемным времяпрепро-

вождением. Естественно, удочки забрасывать не умела. Накануне она репетировала разговор сама с собой перед зеркалом несколько раз, оттачивала, так сказать, чтобы не выглядеть наивной простушкой. Она напускала на себя самоуверенности, напрягая подбородок, делала, как ей казалось, томными глаза и произносила нахально-бывало-цинично:

— Здравствуйте, Константин Сергеевич! Как дела? Голова еще цела?

— Здравствуйте, Жасмин. Как всегда, выглядите великолепно!

— Спасибо. Не желаете с великолепной женщиной выполнить распоряжение администрации?

— Сочту за честь!

— Ну и отлично. Где? Когда?

— Это уже как вы пожелаете!

— В восемь в ресторане, потом в гостинице продолжим.

— Ок!

Второй вариант. Жасмин побыстренькому забегает в спортзал. Делает вид, что ей, как всегда, некогда, что на перемене необходимо решить много вопросов, и этот один из них:

— Кость, привет!

— Ага!

— Распоряжение администрации читал?

— Ну.

— К тебе кто-нибудь уже обращался?

— Да нет еще.

— Ну тогда я. Завтра вечером в гостинице устроит?

— Ок!

Если же кто-то уже обращался, то можно так:

— К тебе кто уже обращался?

— Ну да.

— Тогда я следующая. Скажешь, где и когда.

— Ок!

Жасмин стояла перед закрытой дверью и не могла сделать никакого действия. Даже слюну проглотить. Вдруг дверь открылась, и в Жасмин чуть не влетел физрук.

— Здравствуйте, Жасмин Антоновна.

— Здравствуйте, Константин Сергеевич.

— Вы к нам?

— Да. А вы куда-то торопитесь?

— Ну да. Там распоряжение висит классным руководителям помочь. Вам, кстати, тоже. Вы по этому поводу?

— Да. А вы уже определились?

— Ну да, с младших классов начну.

Так что с вами немного позже. Да вы не переживайте, я вас сам найду. Успеем!

Успеет! Как всегда, она самая последняя окажется. И толку! Как от несколько раз использованного пакетика одноразового чая! Жасмин Антоновна прямо увидела этот бедный чайный пакетик, ему уже красить нечем, а его все равно окунают. Неужели с трудовиком?! Очень рискованно! А что же делать?! И она пошла к зеркалу репетировать.

Трудовик хоть и ассоциировался с мулом, лицом сильно походил на ее Степана, хомяка. Нахально-бывало-цинично не подойдет. Томно тоже нет. Надо прямо и четко, как табурет!

— Федор Алексеич, завтра, в половине десятого, в гостинице выполняем распоряжение администрации. Ногти подстричь, уши помыть!

Да, вот так и надо. Хотя зачем мне его ногти и уши? Да пусть будет! Жасмин посмотрела на часы: скоро заканчивалось ее «окно», нужно было поторопиться. Она отправилась к трудовику.

Трудовик уставился своим рыжим лицом на нее и молчал. Сопел и молчал. Рыжие брови, рыжие усы. Вообще-то рыжими бывают еще ирландцы...

— Степан Алексеич!

— Федор.

— Что?

— Федор Алексеевич, — трудовик поморщил маленький для его лица носик.

Жасмин резко развернулась и побрела домой, забыв, что у нее еще один урок. Как же это? «Ведь если я не выполню распоряжение,



меня лишат стимулирующей части, потом не аттестуют на категорию. А мне на следующий год аттестовываться».

Чем закончилась эта история, я не знаю. Можно только предположить. Может быть много возможных вариантов. Например, такой.

Секретарь директора Зоя Венцеславовна, которую из-за труднопроизносимого отчества несмотря на возраст называли просто Зоя, была очень рассеяна, не любила компьютер и потому игнорировала всякие автоматические красные и зеленые подчеркивания в тексте. Она считала это баловством со стороны компьютера. Природа гармонична, и уж если она что-то создала так, как создала, значит, так было нужно. Зою она придумала с ушами. Вообще-то у женщин ушки. А у Зои были уши. Согласитесь, что при таком распределении где-то будет не хватать. Это же закон. Где-то прибавляется, значит, где-то убавляется. И потом, на телефонном аппарате и на клавиатуре Зоино-го компьютера постоянно были крошки — свидетели ее вечной занятости. Ну, натипала она вместо «приводить» «природить» — и что же?! Жасмин Антоновна поняла это

только тогда, когда после ФАКа пришла домой и от отчаяния опрокинула не одну рюмочку коньяка первый раз в жизни. А потом ей стало все равно до этого маленького документального гротеска. Так должно было быть. Или так хотелось бы.

Или...

Жасмин Антоновна не смогла выполнить распоряжение администрации, ее лишили стимулирующей части, а потом и не аттестовали, сославшись на рекомендации страшно-огромно, стозевно и лайя<sup>1</sup>), что все, дескать, в ваших руках, надо только проявлять профессионализм, творческий подход, инновации и повышение квалификации.

Или Жасмин Антоновна пошла на рынок мыть туалеты. А на ее место взяли бывшую парикмахершу, переучившуюся экстернатом за год на учителя английского языка и научившую второклассников говорить *тхе, мотхер, фатхер* и прочие интересные слова.

Бывший ученик-двоечник Жасмин Антоновны, предприниматель, пристроил ее продавцом

<sup>1</sup> Эпиграф к книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

носков и фаянсовых кошечек. И со временем у Жасмин Антоновны стали такими же оловянными глаза.

Или, например, Жасмин Антоновна внимательно посмотрела на своего Степана и решила, что вообще даже не похожи они с ФАКом. Федор Алексеич оказался очень приятным. Они познакомились ближе и стали жить вместе.

Или Жасмин Антоновна выпила рюмку водки с кружкой пива, и тогда история могла еще как-нибудь закончиться, так, что и никакой фантазии даже может и не хватить.

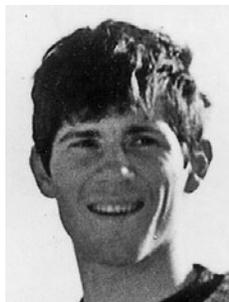
Так что можно выбрать самому в зависимости от вкусов, пристрастий, наличия или отсутствия статуса, денег, социального положения. Но только точно это не был сон.

История эта — не то что бы была, но и не чистой воды выдумка. Процента правды в ней столько, сколько бывает в рассказах матерых учителей, которые юмором пытаются скрыть свое участие в «безумии, но в нем своя система» (позаимствовано из «Гамлета»). В общем, небольшой документальный гротеск.

А страшный зверь минобр тут совсем ни при чем даже, другое дело — рюмка... в кружке...

Алтайский край

## Сергей ШУВАЛОВ



*Сергей Шувалов, 37 лет. Родился в Москве. Окончил школу, поступил в технический вуз. Через несколько лет получил финансовое образование. В настоящее время занимаюсь бизнесом. Увлекаюсь рисованием, спортом. Писать начал давно. Ранее не публиковался.*

## ОЖИДАНИЕ

Конец ноября, холодно. Снега было мало, но тот, что шел, был какой-то злобный, колючий и холодный. Ветер тоже не радовал. Даже в самом центре города он умудрялся дуть с разных сторон. Сво-

ими ледяными потоками он проникал, куда ему вздумается. Я стоял один на автобусной остановке возле метро «Библиотека им. Ленина».

С самого начала все как-то не давалось. Она не хотела оставлять

своей номер, а я просил. Встретаться не хотела, а я опять просил. Я все время был просящим. А тут, как назло, мой лучший друг Коля все подбадривал меня и задал вектор на взятие бастиона. В таких делах, надо

полагать, учитывать мнение друга, даже лучшего, просто недопустимо. Но в данном случае неопределенность ситуации и собственные сомнения все-таки вынудили меня прислушаться к человеку, более спокойно дышащему по поводу всего происходящего.

Мне она тоже сначала очень понравилась. Хотелось сразу, прямо после знакомства, звонить на следующий день, писать СМС. Но следуя рекомендациям все того же Коли, я сделал это через три дня. Он просил через неделю, я не дотерпел. Подумал: забудет. На самом деле я, конечно, просто оправдывал свой звонок. Ну не терпелось мне, и все тут. «Будь что будет!» — подумал я и просто позвонил, вспоминая множество романтических начал со счастливыми концовками, когда люди были сами собою... Черт, был бы я самим собою, я бы еще в вечер знакомства ее бы к себе пригласил. Чего там тянуть. Я так хотел! Это правда. И был самым собой. А тут меня еще неделю ждать заставили. Вот и накопилось.

— Алло, — услышал я на другом конце. Голос был совершенно безразличный. — Кто это?

— Это я, Костя, помните меня?.. Мы познакомились на фуршетке, прием в честь...

Она не дала договорить и также безразлично продолжила:

— Какой Костя? Я не помню... Говорите же!

Меня это окончательно смутило, потому что я не мог объяснить, какой я, так просто и быстро. Если она не помнит, как я выгляжу, то что мне ей объяснять? Мы с ней общались минут пять, не более. Да и как я вообще умудрился взять телефон?.. Повезло...

— Ну тот, который вас хотел пригласить в театр на премьеру, помните? Вы еще мне свой телефон не хотели оставлять, — продолжил я и натянуто-фальшиво рассмеялся.

— Я никогда не хочу оставлять. Знаете, сколько вас, таких желающих...

— Простите, — уже осознавая полный провал, продолжил я. — Но позвольте... Я все-таки посмотрел билеты в театр, премьеры состоится в субботу. — Больше я ничего не мог сказать и закончил: — Давайте пойдем!

Ничего не поменялось в тоне этой особы. Также безразлично и нехотя она ответила:

— Я подумаю. Наберите меня через неделю. Пока.

И повесила трубку.

Через неделю?! Я посмотрел в зеркало и скорчил гримасу. Какой страшный! А потом стал с этим же выражением лица извиваться всем телом и повторять протяжно: «Через неделю-ю-ю-ю-ю, через неделю-ю-ю-ю-ю...» Да я не дождусь! А потом еще, может, премьеру перенести?! Ха-ха! Через неделю!

Спустя пару минут мне стало очень грустно. Я сел на диван и чуть не заплакал. Вот сиди тут на диване неделю и жди. А когда перезвонишь, будешь опять объяснять, кто ты, откуда у тебя ее номер телефона и зачем, собственно, звонишь...

Позвонил Коле. Он сказал, что это совершенно нормально, что все такие знают себе цену. «Подождешь, — сказал, — ничего с тобой не случится. А потом, быть может, все и сложится...» Подбодрил. Я решил ждать неделю.

Так прошел месяц. Премьера уже стала заурядной постановкой. Плюс восемнадцать градусов и шарканье по желтым листьям превратились в минус три и гололед. Она сказала, что не пойдет ни в какой театр, и если я хочу ее увидеть, то мне нужно ждать вот на этой чертовой остановке, потому что между двумя и половиной третьего она будет проезжать мимо, и мы сможем по пути посидеть в ресторане в центре и пообедать.

Предварительно хорошо поехал дома, чтобы не дразнить себя в дорогом ресторане, я направился на место встречи. Стою и жду красную «Хонду-Аккорд». Она еще не знает,

что я не на машине и что я хорошо подкрепился перед рестораном. Хотя за последние полчаса энергия от подкрепления ушла на борьбу с холодом. Машины нет. Я звоню: абонент недоступен. Стою, совсем замерз. Время уже три часа. Звоню Коле. Тот советует подождать хотя бы до темноты. «Мало ли, телефон сел, да и московские пробки...» Я понимаю. Стою и жду дальше. Как, думаю, себя наказать вот за такую одежду? Почему я в майке, а поверх — холодная осенняя обтягивающая куртка? Все просто: теплая одежда всегда мешковата. Она большая и висит. И всегда, почти всегда скрывает достоинства фигуры, если таковые имеются. Ну ладно, думаю, простил бы сам себе эту чертову одежду, но вот почему я стою без шапки и перчаток? Невозможно совсем! Когда мерзнут уши, греются руки, и наоборот.

Красная «Хонда» появилась! Я ее сразу заметил. Вот она, голубушка, едет прямо к остановке. Радости не было предела. Еще раз низкий поклон моему другу Коле и воздушный поцелуй. Как он был прав! А я — выстоял, дождался! Вот она перестроилась и приближается к остановке...

От радости я протянул руки навстречу и высунулся прямо на дорогу. «Хонда» приблизилась, но не остановилась. «Мистика! — подумал я. — Мистика...» Красные огоньки чертовой красной «Хонды» нахально прощались со мной, играючи мигая. А еще даже не стемнело...

Ветер перестал дуть, а снег — кружиться. Потеплело. Только у нас такое возможно: теплеет вечером, холодает днем. Подъехал автобус и остановился. Я почему-то запомнил номер: 347. Девушка бежит к остановке. Очень быстро, смешно бежит, как-то по-женски небыстро, но очень старается успеть. Я заметил: лицо симпатичное, две косички, каблучки и осеннее пальто. «Из-за каблучков и не успеет, — подумал я. — Я бы тоже не успел».



Автобус стал отъезжать, а она только подбежала, запыхавшись. У меня было такое состояние — печали и разочарования, какой-то безысходности... Некуда было идти. Я готов был влюбиться в первую встречную. Хотя такое состояние часто навещало меня в последнее время, но сегодня стало каким-то особенно острым. А вот, собственно, и она, подумал я и про себя улыбнулся.

— Вы на 347? — спросил я. Вот взял и так просто спросил!

— Да... — как-то нехотя ответила она.

— Он часто ходит?

— Вы что, молодой человек, издеваетесь надо мной?! Через 40 минут только.

— Да ну что вы! Понимаете, такая ситуация: я договорился со своим водителем, что он подъедет к этой остановке, а он документы от машины дома оставил! Новенький, волнуется. Вот и стою тут, думаю, что делать.

Она улыбнулась.

— Водитель, говорите? Что-то не похоже по вам, что у вас есть машина, да еще и водитель...

— Вот и прекрасно, что вы так подумали! — воодушевился я. — Вот и мне все это, знаете, как надоело! Банки, водители, секретари, переговоры, совещания, рестораны, транзакции... И черт, как их?.. Деривативы! Хочется побыть хоть немного обычным человеком. Просто погулять, посмотреть вокруг, зайти в какую-нибудь московскую забегаловку и заказать себе порцию русских пельменей. Давайте я поймаю машину и отвезу вас по маршруту 347-го?..

— Нет, спасибо, — как-то резко ответила она. — Лучше я дождусь.

Я машинально поднял руку. Сразу остановилась шестерка. Обычная шестерка с обычным водителем. За ней встали еще машин десять: объехать никто не мог, движение было плотное. Все сигналили, гудели, ругались. Я открыл заднюю дверь и посмотрел на девушку с косичками.

— Поедем? — Не знаю, как я произнес это слово, задавал ли вопрос или повелевал.

Она повернулась, посмотрела на меня и сказала:

— Ладно, оставьте машину, прогуляемся до «Театральной», а там мне по прямой ветке домой.

«Каким бесконечно долгим бывает бесконечно малый отрезок пути!» — так думал я тогда, идя с ней по Манежной площади. Я даже не осмеливался посмотреть на нее. Любовался самым центром Москвы и рассказывал, что знал. А знал я не очень много. Справа — Жуков, слева — отель «Метрополь». До памятника — торговый центр, а до «Метрополя» какой-то вуз. Я догадался: очень много студентов. По виду все умные и тоже с косичками. «Может, МГУ?» — подумал я. Сказал и не ошибся. Она иногда смотрела на меня, молчала и улыбалась.

Вот мы и пришли.

— Ну пока... — сказала она уже у самого метро и улыбнулась.

— Оставь мне свой телефон, — попросил я.

Фраза банальная, ну а что я, окончательно продрогший, мог придумать еще в тот момент?

— Зачем? — спросила она. Я промолчал. — Нет, не оставляю... — заключила она.

— Ну оставь хоть что-нибудь! — уже почти безнадежно воскликнул я.

— Что?! — изумилась она. — На вот, если хочешь, платочек, он чистый.

И снова рассмеялась.

Она протянула платок. Я машинально взял и подумал: будет чем вытирать слезы сегодня вечером.

— Пока... — сказала она снова, повернулась и пошла прочь.

Я опомнился, догнал ее прямо у самого входа в метро.

— Почта есть электронная?

Оставь, я напишу. Связь все равно односторонняя...

Она опять рассмеялась.

— Запомнишь? Kat1979@mail.ru.

— Теперь я знаю, как тебя зовут! — радостно крикнул я на прощанье.

А про себя подумал: «И сколько тебе лет тоже...»

Прошло десять лет. Я писал каждый день. Сейчас ей уже тридцать, а мне тридцать девять. Пару месяцев назад сообщения перестали доходить: видимо, ящик переполнился. Можно подсчитать, сколько их было только от меня одного... Но эти десять лет я жил надеждой, а значит, жил не зря. Это главное. И сейчас не унываю. После двухмесячного ожидания я понял, что надо что-то менять в этой ситуации. Писать уже смысла не было.

Две недели назад я написал письмо в редакцию передачи «Жди меня». Я не надеялся, что из этого что-то получится, да и все мои друзья сказали, что я просто сошел с ума.

И вдруг приходит письмо-приглашение на собеседование. Я его совершенно не ждал.

Королева, 12. Предвкушая чудо, я вошел в комнату 43 на четвертом этаже. Молодой человек лет двадцати восьми с ложным перевязанным шарфом и в дорогих очках в черной оправе внимательно осмотрел меня.

— Константин? — спросил он.

— Да, — несколько растерянно ответил я.

Он же по-деловому сказал:

— Присаживайтесь. Сейчас... Ваша история... — Он начал рыться в стопке толщиной в полметра. — Да-да, вот она... Что же, весьма красиво, романтично. Сами придумали?

— Да вы что, издеваетесь? —

Мне в тот момент даже как-то не по себе стало. — Придумал?!

Не мог я придумать! Все это со мной произошло...

Его совершенно не смутила эмоциональная окраска моей реплики.

— А вот это даже лучше! Прекрасно! Вы нам подходите. Запись в следующий четверг. Ждем вас в 11:20. Кабинет 20 на втором этаже.

Он говорил быстро. Также быстро закончил и протянул руку.

— Подождите! — смутился я — Подождите! Вы ее нашли?!

— Кого? — изумился он.  
— Ну как кого? Девушку!  
— А-а-а, девушку? Кстати, вы знаете, как ее зовут? А фамилию?  
— Нет, — с грустью ответил я, — не знаю.  
— Ну так придумайте! Сможете? Это несложно. Что-нибудь русское такое можно, простое, например, Катя Орлова.  
— Так вы нашли ее? — совсем растерялся я.  
— Слушайте, вы что, шутите? Подберем мы вам девушку! Хотите помоложе? — рассмеялся он. — И не замужем — для пущего эффекта. Я вас не буду знакомить заранее, но обещаю, что она будет красивой. Вам только на встречу настроиться надо. Да... И переписку с собой захватите! Вы же десять лет писали, правиль-

но? Только всю не надо. Выборочно, очень вас прошу. Нда-а, бывают же люди. — Последнюю фразу он пробурчал еле слышно, для себя, и углубился в работу.

Все это почти перевернуло мою жизнь. Я быстро набрал Колю и все рассказал. Пауза...

— Ну если ты писал десять лет одному человеку, то я совершенно не удивляюсь тому, что решил пойти на передачу. Знаешь, ты хуже сексуального маньяка, который хоть меняет жертв и быстро забывает о прошлом. Но с другой стороны, твоему упорству можно только позавидовать.

— Коля ты не понимаешь! Ту они не нашли, будет другая, подставная!

— Во-о, так тебе и правда повезло! Это твой шанс! Ей будет тоже тридцать?

— Да нет, сказали, возраст поменяют, будет более молодая.

— Ну, прекрасно! Как же ты не понимаешь, что это твой шанс? Да с твоим упорством и упертостью, по-моему, единственный.

Настало время записи программы.

Та была симпатичной, и я писал ей десять лет. Эта — красивой, и вечером мы сидели с ней в ресторане за счет передачи. Я наливал шампанское и ел форель. Гладил ее руки и смотрел на прекрасную Москву с высоты птичьего полета.

«Впереди еще вся жизнь! Не надо унывать, — подумал я. — И не стоило надеяться перед рестораном. Что-то меняется, и в лучшую сторону!»

А сейчас лето, жарко: тусуйся на остановках хоть с раннего утра до позднего вечера.

г. Москва

## Ольга ГОЛУБ



*В моем представлении — автор десятков бестселлеров. «Лауреат всевозможных литературных премий. Общественный деятель. Посол мира и дружбы в Зимбабве. Член всех писательских союзов России. Народная артистка Чечни. Заслуженный деятель планеты», — будут писать школьники в своих сочинениях в 2301 году.*

*А пока... Родилась в 1982 году в Алзамае Иркутской области. Первое стихотворение сочинила в четыре года, первый рассказ написала в восемь. Школьное время пришлось на суровые девяностые, время сникерсов и разрухи. В семнадцать лет уехала учиться в Иркутск, где окончила техникум и институт по специальности «экономика». Не покорила Сибирь, перебралась в Москву, которую не покорила и по сей день.*

## БЛАГОДАРНОСТЬ

Экономист Белоручкин возвращался домой после работы. Всегда на троллейбусе ездил, а тут решил своим ходом пройтись, прогуляться, подышать выхлопными газами. Расстегнул пальто, мартовскому солнышку лыбится, лужи перепрыгивает. Душа, наверное, радовалась, сознание отдыхало. Иначе с чего

вдруг вздумалось ему остановиться на мосту, под которым проходила железная дорога?

Рядом с той дорогой росла верба. На нее-то экономист и уставился. В черном грязном снегу стояла она, высоко вскинув ярко-коричневые ветки, усыпанные серебристыми бархатными мурашками. Среди му-

сора и общей весенней неприглядности держалась верба ровно и гордо, словно не замечая ничего вокруг.

Белоручкин затынулся вечерней сыростью и скользнул взглядом под вербный куст. Взглянул и вздрогнул, отпрянул, зашпешил прочь, вернулся и снова вытянул шею с моста. Под кустом, не совсем освободившееся



от серой снежной корки, лежало человеческое тело. То, что тело было человеческим и никаким другим, доказывало наличие пары рук в подгнивших рукавах и ног в такого же состояния гачах.

Экономист дрожащей рукой набрал номер милиции и, подавленный, продолжил путь домой.

Три дня Белоручкин ходил сам не свой. Работать не мог, есть не мог и вообще на душе ощущал царяпины от когтей неприятных мыслей, которые все никак не оставляли его, пугали и гнали в угол. На четвертый день стал приходиться в себя и даже сразу уснул, едва коснувшись головой подушки.

Проснулся ночью от непонятного чувства, открыл глаза и посмотрел на стул, стоявший у окна. Окно прочерчивало силуэт. Силуэт сидел на стуле в скромной позе. Белоручкин жил один, и присутствие постороннего в комнате крайне напугало его. Он судорожно зажег лампу и впился спиной в стену, поджав ноги.

— Ох, простите, — извиняющимся тоном произнес незнакомец, — совсем не хотел вас будить. Думал дожидаться, когда проснетесь, и поблагодарить.

— Вы кто такой? — задыхаясь, спросил экономист.

— Видите ли, я Мерзликин Виталий Станиславович, аудитор из Воронежа.

— И что вы делаете у меня в комнате посреди ночи? Да еще в таком виде? — Экономист натянул одеяло до подбородка.

— Я пришел благодарить вас. А вид такой имею по простой причине... — Гость поправил сырые драные полы пальто. — По причине истления от трехмесячного моего пребывания под снегом. Теперь меня извлекли оттуда и переместили в Сокольнический морг до опознания родственниками. Они приедут завтра утром. Вот я и решил, не свинья же, нужно поблагодарить человека за оказанное неравнодушие.

Белоручкин тихо простонал и потянулся к образку, стоявшему на столике рядом с кроватью.

— Завтра меня переоденут в сухое, отвезут домой и похоронят, как полагается. Спасибо вам.

Гость привстал и хотел сделать поклон, но хозяин вытянул руку с образом.

— Господи, помилуй, Господи, помилуй! — забормотал Белоручкин, наспех крестясь левой рукой.

— Да что вы все тычете этой картинкой в морду? — Гость обиделся и провалился под пол, оставив после себя затхлый воздух.

Экономист уже не уснул и на работу пришел раздраженный и молчаливый. Дома, несмотря на чертовскую усталость, долго читал и уснул глубоко за полночь, прямо за чтением.

На следующий день он вернулся домой поздно, водил даму в театр. Отворил дверь в квартиру, влез в тапочки и поспешил принять расслабляющую ванну. Закрыв глаза и услышал, как кто-то за занавеской откашлялся в кулак. Экономист отдернул шторку и увидел перед собой господина, который приходил позапрошлой ночью.

— Черт побери! — взвизгнул голый Белоручкин, привстал, скатился по скользкой ванне и застыл, обхватив ноги руками.

— Извиняюсь, — виновато протянул господин, — не хотел вас напугать. Просто подумал, что вы на меня в прошлый раз за что-то обиделись, и решил снова заглянуть, узнать, так ли это.

— Да что вам надо от меня? — крикнул экономист.

Мерзликин оттянул ширинку на льняных серых брюках и грустно улыбаясь, произнес:

— Вот, представьте себе, переодели вчера. Выдали рубаху и брюки, а то совсем мерзнуть начал в сыром-то. Думал, заболею еще, чего доброго. Брюки выдали, спасибо, а ремень забыли. Они теперь с меня спадают, совсем не дело поправлять без конца. Стыдно просить, но не одолжите ли вы мне ремень?

Белоручкин, бледный, как ванна, молча указал пальцем на комнату.

— В шкафу? — спросил гость.

Экономист кивнул.

Мерзликин вернулся быстрее, чем хозяин успел выскочить из воды.

— Ну вот, другое дело. Жить легче стало. — Аудитор приободрился на мгновение, но потом вновь загрустил. — Знаете, а за мной не приехали. Вчера весь день ждал родственников из Воронежа. И на вокзал ходил поезда встречать, и в морге бродил без толку. Они, оказывается, заочно по внешнему описанию опознали меня и во избежание лишних трат запросили тело без сопровождения. Сегодня вечером должны отправить домой. Там уж похоронят, как положено. Вы на меня не сердитесь за то, что тогда без спроса к вам пришел?

Белоручкин помотал головой.

— Это хорошо, мне так спокойней будет. А хотите знать, как я оказался вот в этом дурацком положении?

Экономист вновь помотал головой, но Мерзликин продолжил:

— Ехал я на курсы в Москву. И вот, гляжу, подъезжаем. Надел пальто, портфель взял и вышел в тамбур покурить. Только заметил, что дверь в вагон не заперта и подножка опущена. Удивился, конечно, ведь поезд еще во весь галоп несется. Вот так выйдет человек и вылетит ненароком. Попытался дверь-то закрыть, а тут состав возьми да вздрогни на повороте. Ну я и вывалился прямо под мост. Лежал, плакал, домой хотел, а здесь вы, мой спаситель, явились.

Аудитор хотел поклониться, но Белоручкин упал в обморок.

В тот же вечер экономист пригласил даму, которую водил в театр, сожительствовав вместе, ссылаясь на вдруг вспыхнувшее к ней чувство. Дама не стала скромничать и приволоклась часа через полтора с тремя огромными узлами.

Следующей ночью от общения с новой сожительницей у Белоручкина пересохло в горле, и он отправился в кухню хлебнуть квасу.

Свет включил и ужаснулся. На табурете, уткнувшись носом в скатерть, плакал Мерзликин. Заметив хозяина, он выпрямился, утер слезы и тоскливо произнес:

— Знаете ли, никак не могу уехать домой. В морге нет цинковых гробов, а без цинка везти отказываются. Можно заказать гроб на Комсомольской, но для этого требуются деньги, две тысячи. Родственники обещали выслать переводом, но сами понимаете, как у нас переводы ходят, не быстрее, чем пешком. Очень совестно, но не одолжите ли вы мне три тысячи? Я обязуюсь вернуть.

Белоручкин принес нужную сумму и молча положил на стол. Аудитор сделал-таки поклон до пола, и лишь после этого экономист лишился чувств.

В следующую ночь экономист лежал в постели, одной рукой приобняв свою даму, а другой держа сигарету. Мерзликин не пришел.

Не пришел Мерзликин и на другую ночь. Экономист уже стал забывать скверную историю, предполагая, что покойник приобрел гроб на данные ему деньги и укатил, наконец, к себе в Воронеж. Но в третью ночь его спящего, растеребили. Он открыл глаза и увидел над собой синюшную, но довольную аудиторскую рожу.

— Я пришел попрощаться с вами, — прошептал Мерзликин. — Через два часа уезжаю домой. Думаю, к утру следующего дня буду на месте. Еду поездом, но двери там надежные, на полвагона. Туда-сюда ездят, на засов тяжелый запираются. Если дурик

какой не забудет задвижку прищелкнуть, то доберусь. Ну, счастливо вам. Благодарю еще раз и кланяюсь.

Аудитор исчез, а Белоручкин долго еще сидел на кровати, разговаривая сам с собой о цинковых гробах, о вежливых покойниках. Он уверял себя, обращаясь по имени-отчеству, в том, что нужно бы плотнее закрывать двери вагонов, чтобы люди не выпадали в сугробы. Он прощал долги покойника суммой в три тысячи. Он пел песню о вербе, целовал образок, периодически поднимался и заглядывал в шкаф и за шторы. Дама через час наблюдений за сожителем собрала свои пожитки и улизнула. Белоручкина это не расстроило. Тем более что Мерзликин больше и правда не приходил.

## ЖАЛОБА

Уважаемый начальник паспортного стола Ленинского района Валентин Андреевич Трунин! Мужительно извиняюсь за беспокойство и кланяюсь перед вами до пола. Я, Иванов Иван Иванович, очень прошу заменить мне фамилию. Забрать имеющуюся и выдать другую, хоть самую паршивую. Потому как нет больше моих сил существовать с этой проклятой фамилией.

Намедни я писал заявление на замену, но сотрудники вашего стола отказали мне за неимением веских обстоятельств. А вот теперь решите, веские они, основания, или так себе, можно потерпеть до смерти.

Сломался у меня телефон. Как положено, по гарантии отнес в мастерскую. Там сказали прийти через неделю. Отсчитал семь дней, пришел, показываю квитанцию, а они мне выносят кассовый аппарат и перед мордой ставят. Я гляжу — не мое. Говорю свои претензии, мол, телефон сдавал, а не кассу. Они еще раз в квитанцию заглянули, переспросили — Иванов Иван Иванович? Я отвечаю — да. Они в базе порылись и настойчиво

так объявили — кассовый аппарат «Меркурий 115 К», забирайте, дескать, и катитесь. А на кой черт мне кассовый аппарат, когда телефон нужен? Настаиваю на своем, чтобы поменяли на телефон. Те уговаривать принялись, мол, касса дорогая, к тому же маленькая и удобная, бери и вали скорее. Я взял ее в руки, повертел и не согласился уходить без телефона. А эти аферисты злиться начали, главного позвали и врут ему хором — вот придурок, то есть я, притащил в ремонт кассу, а забирать не хочет, требует на телефон обменять. Я и главному их объяснил, что мне нет нужды с кассой ходить, так как по ней позвонить никому нельзя. Главный в створе с шайкой оказался, махнул охранникам, те за воротник вынесли меня на улицу вместе с кассовым аппаратом «Меркурий 115 К».

Отправился я в банк оформлять кредит. А что делать, телефон-то нужен, без телефона никак. Сел на стул в кабинете, паспорт подал. Сотрудник сначала улыбался, когда фамилию мою по базе проби-вал, а потом вернул документ и от-

казал в кредите. Я возмутился: по какому такому праву честному гражданину отказано? А он мне заявляет, что имеются на мне не погашенные долги в других банках. Я схватил паспорт и весь в испарине выбежал на улицу.

Притащился домой в потертых чувствах. Гляжу, в почтовом ящике конверт светится. Достаяю и читаю. А там Иванову Ивану Ивановичу решением суда назначили ежемесячную выплату алиментов гражданке Пыжиковой Анне Игоревне. Порвал я письмо на мелкие кусочки и швырнул в угол. Домой идти расхотелось тут же.

Пошлепал в кафе пропить последние триста рублей с горя. Сел у стойки, рядом «Меркурий 115 К» положил, водки заказал, а в стороне слышу, бармены и официанты хохотом давятся. Я поглядел на них с недоумением, не надо мной ли ржут? Один из компашки взгляд мой перехватил, подошел и говорит, икоту чуть сдерживая... Говорит, что в городе Новосибирске мэром назначили гражданина по фамилии



Титюшкин. И с новой силой ржать принялся, аж захрюкал. Я вздохнул и отвечаю ему, мол, это что, я вот вообще Иванов Иван Иванович. Парень вмиг замолк и побежал к своим. Те тоже гоготать прекратили и на меня уставились. Потом подошли всем скопом, рюмку отобрали и вон выставили. А знаете за что? А за то, что прошлым вечером Иванов Иван Иванович сильно перепраздновал и по неизвестной грусти поколотил охранника, разбил шесть тарелок, четыре вдребезги, две напополам, пять рюмок, оконное стекло и сломал стул. Я легко еще отделался, только треснули разок «Меркурием» по носу и в сугроб головой бросили.

Совсем поник, бреду домой, плачу. У подъезда бабка сидит из квартиры напротив. Поздоровалась

она со мной и бумажку протягивает. Говорит, нашла кусочки возле почтовых ящиков, подумала, что мальчишки порвали, вот собрала их да склеила. Я побелел весь, кинулся ей говорить об ошибке, о фамилии моей несчастной, а та лишь головой качает и улыбается.

А еще давно было, в институт не поступил в Авиамоторный. Работу по математике на двойку написал. А я не мог математику на двойку написать, я ее всегда на пять знал. Мне сказали, что хватит с них одного Иванова, который справился с работой на отлично.

И девушка меня бросала из-за фамилии. Я тогда работал программистом на телеканале одном, а она все просила, устрой да устрой ее корреспонденткой в программу. Не

просто это, но я обещал при первом удобном случае замолвить о ней словечко. И как-то раз встречается она знакомую. А та ей и хвастанула, что приняли ее журналисткой в аккурат на заветный канал. Подруга не дура, поинтересовалась, как той удалось это сделать. Ну а знакомая улыбнулась кокетливо и ответила, мол, Иван Иванович поспособствовал.

В общем, вы понимаете всю петрушку, которая происходит со мной из-за дурацкой фамилии. Слезно умоляю вас, Валентин Андреевич, выдать мне, Иванову Ивану Ивановичу, новую фамилию. А то получил сегодня с утра повестку в военкомат, боюсь, как бы не пришлось по новой кирзачи при- мерять, в мои-то сорок три года.

## РАССКАЗ

С каждым новым моим рассказом друзья и знакомые ищут сходство героев с собой. Подозрительно так и осторожно интересуются, мол, не о моей ли натуре идет речь? Что ты, — улыбаюсь я в ответ, — история выдумана от головы до хвоста. Разве может случиться такой сюжет в настоящей жизни? Тогда их лица расслабляются, а я спокойно выдыхаю.

— Кстати, читала твой рассказ, — отпивая из чашки зеленый чай, констатировала подруга Ирина. Она откинулась на спинку стула и оглядела стены кафе. Я смущенно вжала плечи. — Не обо мне ли он написан?

— С чего ты взяла? — как всегда в подобных случаях, ответила я вопросом на вопрос. Люди, когда они расслаблены, не любят отвечать на вопросы. Это заставляет их мозги напрягаться, и они, сами того не осознавая, заминают тему.

— Мне показалось, что образ героини как будто с меня списан, — мусоля в руке салфетку, отозвалась подруга.

— Только имя и совпадает. Что общего может быть у тебя с полно-

ватой, низкого роста блондинкой? Ты же в потолок упираешься и хной красишься раз в три недели.

— Не суть.

— Тогда что — суть?

— В том, что ей двадцать семь...

— Мало ли двадцатисемилетних Ир на земле живет! — воскликнула я.

— Немало. Но не все Иры любят зеленый чай и не пьют сладких вин.

Я бросила взгляд в окно и не глядя на собеседницу произнесла:

— Еще там героиня кошке хвост оттоптала. Ты бы такого себе не позволила.

— Я собак люблю, а не кошек. Забыла?

Мы обе глупо улыбнулись.

— Не суть, — вновь повторила подруга, — но не всякая Ирина двадцати семи лет, любящая зеленый чай и не пьющая сладкое вино, имеет двоих близнецов.

— Согласна, близнецов списала с тебя. Так и что? Они и в рассказе милые несчастные детки.

— Вот именно, что несчастные. С чего это им быть несчастными?

Я заерзала на стуле, стараясь придумать такой ответ, чтобы собеседница отстала.

— А как им быть счастливыми, если днями они находятся под присмотром бабки, которая только теоретически присматривает за ними? А на деле треплется по телефону и смотрит сериалы, пока ее дочь, то есть главная героиня, бегаёт к олигарху Оглоблину, женатому и воспитывающему троих несовершеннолетних детей мужского пола.

— Бегаёт потому, что имеет с Оглоблина хорошие деньги и подарки. А лишать его детей отца никто не собирается.

— Разве муж героини недостаточно зарабатывает?

— Не так уж и достаточно, — оскорбилась Ирина. — Жене своей он бы никогда шубу не купил, а Оглоблин — пожалуйста.

— Про шубу у меня речи не было в рассказе, — заметила я.

Подруга покрылась румянцем и беззвучно зашевелила губами. Потом хрипло произнесла:

— Вся вторая часть рассказа во-

обще выдумана. Не могла та Ирина ходить с синяком под глазом. Жена Оглоблина лишь слегка задела ладонью нос. И потом, почему бы не написать, что и жене досталось от Ирины. Она ее за волосы потрепала хорошенько.

— Я о чем тебе и толкую! Все выдумано. Все ложь, моя художественная фантазия, не более. И образы у меня собирательные.

— Не знаю, какие такие собирательные, но все равно прошу изменить имена и события в рассказе. А то муж прочтает и подумает, что с меня списано.

— Как же я изменю рассказ, если он уже в журнале вышел? — Я удивленно впила глазами в Ирину. — Не могу я этого сделать.

— Как-нибудь сделай, — растерянно развела она руками.

— Тираж скупить, что ли?

— А хотя бы скупить.

— Это невозможно! — отрезала я. — Не стану я глупостями заниматься.

Ирина расплакалась. Скомкала салфетку и швырнула в пепельницу. Мне стало жаль ее.

Мы попрощались на углу Пушкинской улицы, и я пообещала, что исправлю рассказ так, чтобы муж не подумал, что героиня списана с нее. Подруга воспрянула духом и, расцеловав меня, побежала к метро. Потом окликнула, вернулась и полупшепотом, прикрывая рукою рот, сказала:

— И знаешь что, пусть Оглоблину в конце переедет грузовик. А то какой-то сухой конец получается.

— Оглоблина и так бросает мужа и улетает за границу, — в недоумении ответила я.

— Вот пусть по дороге в аэропорт на нее и наедет грузовик. Ну, все, заболталась я с тобой. — Подруга снова побежала в сторону метро. Я еще

минуту стояла, готовая к тому, что сейчас она вернется с новыми дополнениями к моему уже безнадежному рассказу.

В сметенных чувствах вернулась домой, прокручивая в голове то, как буду героиню Иру перерождать в героиню Лидию Афанасьевну. А олигарха Оглоблина раскулачивать и делать бесплодным.

Когда рассказ вышел в новой версии, позвонил Меркин, работающий в редакции курьером, кинул в трубку «Перезвони» и сбросил вызов. Он всегда так делает, чтобы не платить за исходящие. Я набрала его номер. Сначала он, как полагается, отрапортовал, что у него закончились деньги на балансе телефона, а затем спросил, не с него ли списан герой Оглоблин в новом рассказе. Я ответила, что с него списала главную героиню Лидию Афанасьевну, и отключила телефон.

## СВИДАНИЕ

Дождь спутал все наши планы. Два дня лил, не переставая и разжигая без того убогие дороги. Тучи грязно-серые двигались по макушкам деревьев траурной процессией медленно, и казалось, не будет им конца. Без особой нужды из дома выходить не хотелось. Холод, полуголые тополя, пожухлая картофельная ботва, сырость всегда сопровождают сибирский август и ведут за собою долгую депрессию.

На третий день небо прохудилось, и в его белые разрывы стало заглядывать солнце. Оно уже не так грело, как в июне, поэтому пришлось перебрать теплые вещи, прежде чем ступить за порог дома.

Я укуталась в шерстяную кофту и вышла на обочину дороги, где меня, нерасторопную, уже ждала мама. Ноги сразу промокли несмотря на то, что каждую лужу старалась обходить стороной. Все равно было Малышу, родительскому псу,

увязавшему за нами. Он будто нарочно собирал на себя все лужи. Пробегая вперед метров сто, помечал заборы и бдил, чтобы мы не потерялись из вида.

Идти надо было долго, к тому же в гору. Мне, разбалованной городским транспортом, нелегко дался этот путь. Хотелось спуститься в метро и доехать до нужной станции. Но здесь один на всю деревню автобус ходил только в учебный период, а в остальное время ржавел под навесом кооперативной стоянки, на воротах которой все еще висела трухлявая доска с выцветшей надписью «Автопарк».

Минут через пятьдесят мы наконец обогнули последний дом, за которым простиралась московская трасса. Метрах в трехстах показалось пестрое платье местного кладбища. Всегда нарядное, всегда растущее, оно все ближе подбиралось к деревне.

— В прошлом году разрешили хоронить у дороги. Видишь, сколько

уже лежит, — мама кивнула в сторону нескольких десятков могил. — Вон там — Галя моя.

Галя была хорошей маминной подругой. Она умерла от рака месяцев шесть назад. Мама прижала к груди сумку с гостинцами и белыми астрами и боком протиснулась между оградками.

— Ромку найдем и потом ее проведем, — сказала она, глядя, как я брезгливо держусь за стальные прутья, растущие из земли, чтобы перескочить лужу. Всегда брезговала прикасаться к чему-либо на кладбище, поминать и, пожалуй, дышать. Запах смерти в моем понятии был смешан из сосновой смолы, сырой глины и пихтовых веток. Мама, видя мои мучения, подала мне руку, и мы двинулись под сгущающиеся сосны.

Мальш принялась подъедать с могил печенье и сухари. Сначала пес хватал все подряд, а когда набил утробу, стал разборчивей и выбирал что повкуснее. Наполненные рюмки



обходил стороной, только закусывал. Объяснять ему, что так вести себя нельзя, было все равно что объяснять пню, и мы оставили собаку в покое.

Ромку я знала с детства. Росли в одном дворе. Он был старше меня на год. За ним бегали все девчонки, а кто не бегал, был тайно влюблен. Он был умница и красавец. Был. Пять лет назад погиб в автокатастрофе.

Детьми, помню, играли в «Выжигало», так он всегда целью своего удара мячом выбирал меня. Непременно целился в лицо и с обидой в голосе говорил: «Ну, когда придешь на свидание?» Я ныла и шла домой с опухшим носом.

— Где-то недалеко должно быть, — мама прищуренным глазом вглядывалась в фотографии на памятниках. На нас смотрели сотни глаз, скрип сосен напоминал дыхание. За их стеной то появлялись, то исчезали звуки автомобилей.

Мы разделились, чтобы побыстрее отыскать Ромкину могилу. У него было много друзей, и на похороны пришли почти все. Я с другого конца страны приехать не могла.

— Цветов много у него всегда. Ориентируйся по ним, — давала советы мама. — Памятник мраморный, не помню, розовый или белый.

День был хмурый, а под гущей сосновых лап и вовсе стоял почти полуночный мрак. Я проваливалась в глину, цеплялась за венки, собирала на себя все дождевые капли с

кустов. Мы ходили по кругу, долго и безрезультатно.

— Ничего не понимаю, — удивилась мама. — Точно ведь где-то здесь. Пойду туда посмотрю.

Я осталась стоять на месте.

— Ну что? — спросила я, когда она читала очередную надгробную надпись.

— Нет. Старуха какая-то. Неужели не здесь?

— Не найдем, — выдохнула я. — Ноги уже ледяные и комары одолели.

— Сейчас гляну вон на тот памятник — и пойдем. Что топтаться без толку?

Я согласилась, продолжая стоять на месте. Мама отошла на приличное расстояние, оставив меня одну среди неподвижных мраморных плит и деревянных крестов. Вдруг что-то справа издало звук. Резко обернувшись, я пробежала взглядом по могилам. Тело бросило в дрожь, сердце застучало в виски. Нечто непонятное мелькнуло перед глазами и растворилось.

— Ма-ам, — протянула я. Но мама увлеклась. Она разводила руками, вздыхала и что-то говорила. Я не слышала ее.

— Мам! — крикнула я. Она посмотрела на мой вытянутый в сторону сосны палец.

На ветке сидела серая белка и, замерев, глядела на меня. Зверек не пошевелился даже, когда мама

подошла к дереву очень близко.

Мы с минуту не отрывали друг от друга глаз, потом я медленно шагнула к ней навстречу. Белка сделала несколько движений вниз по стволу, продолжая глядеть мне в глаза. Но потом резко поднялась на самый верх и пропала в зеленых иголках.

— Вот же и Ромка! — воскликнула мама. — Гляди! Розовый мрамор и цветы. Все как говорила. Что ж мы так долго искали-то?

Я зашла за оградку и взглянула на фотографию. В луче света, пробравшегося сквозь потолок деревьев, на меня глядел двадцатилетний мальчишка и задорно улыбался. Какое-то тепло разлилось по моему телу. Я присела на корточки и смахнула листья и иголки с каменной плиты. Мама достала из сумки горсть конфет и высыпала рядом с венками. Я положила астры. Куда-то пропали брезгливость и страх. Мы постояли минут пять, накрошили в кормушку, подвешенную к ветке сосны, хлеба для белки.

— Вот и дождался, Ромка. Пришла я к тебе на свидание. Прости, что оно вот такое вышло.

Уходя, я оглянулась. На сосне вновь сидела белка и смотрела нам вслед.

— Прощай, Ромка! — крикнула я ей и широко улыбнулась.

*Иркутск — Москва*



*Каменев Аллахверди Тимурович. Творческий псевдоним: Йосси Верди. Дата рождения: 1980.17.07. Окончил Университет культуры и искусства в 2001 г., специальность «художественное творчество и экранная драматургия (сценарист)». В 2001 году поступил в Université Paris III — Sorbonne Nouvelle'09. Факультет Littérature générale et comparée. Но не окончил из-за финансовых проблем.*

## ЭЛИЗА

На похоронах знаменитого композитора собралось около пятидесяти человек. Отсутствовал только толстый трубач, коллега покойного. Вскоре он появился и, тяжело дыша, положил на крышку гроба зажим для галстука. По последнему желанию покойного рядом с могилой заиграл маленький граммофон. Над печальным обрядом воспарило произведение Бетховена «К Элизе» в исполнении самого почившего. Начался мелкий противный дождь. Собравшиеся распахнули черные зонты. Одним из них прикрыли от дождя старенький граммофон.казалось, что весь мир сузился до размера этой могилы. На надгробия падали капли дождя, и их шелест сливался с прекрасной мелодией, витающей над некрополем. Застывшие улыбки на фотографиях смотрелись неуместно в этой печальной обстановке.

После похорон все собрались в доме композитора. Полный человек из администрации объявил, что с этого дня дом получил статус музея. Всю церемонию молодой журналист не мог отвести глаз от девушки. Вместо того чтобы снимать композитора, он издал ослеплял вспышкой фотоаппарата ее, укрытую черной вуалью. После того как гости ушли, журналист, глядя на выпуклые, чуть ли не выпирающие из рубашки груди дочери композитора, рассказал, что он, будучи ребенком, учился в классе композитора и по сей день жалеет, что забросил музыку. Девушка, далекая от происходящего, молча смотрела на парня.

Парень, сев за белый рояль, исполнил композицию Бетховена «К Элизе». Исполнение ошеломило девушку. Прервавшись, молодой человек встал из-за рояля и, подойдя к девушке, вытер платком слезу, скатившуюся из ее глаз. Девушку тронуло это проявление сочувствия, и она наградила молодого человека нежным поцелуем. Они вместе закончили исполнение Бетховена — гольшом на рояле. Они стали близки и начали жить в музее.

Через некоторое время парень признался, что не знал ее отца с детства. И добавил, что всего два раза видел его: первый раз — еще ребенком, в какой-то телевизионной передаче, второй — в гробу на похоронах. Признание не смутило девушку. Наоборот, прищурился и усмехнувшись, она прошептала: «Ты и сейчас ребенок, совсем не вырос, оставь это».

Но парень продолжал. Он привык к более свободной жизни, и нежные беседы про ее отца надоели ему. Сказал, что в мире есть и другие композиторы, круче, чем ее отец, и ушел из музея.

Прошло время. Дама не выдержала одиночества, взяла из детского дома девочку, назвала ее Элизой. С этого дня она посвятила свою жизнь ей. Из-за непосещаемости музея Элиза мало общалась с людьми, и единственными ее собеседниками были мать и книги дедушки.

Прошли годы. Элиза выросла и стала официальным работником музея. Однажды на церемонии в честь юби-

лея ее дедушки она исполнила отрывок из его произведения. Принимавшие участие в церемонии чиновники похвалили опрятность и хорошую сохранность архива композитора, ушли и больше не возвращались. Музей снова погрузился в старый покой. Нежные маленькие пальцы Элизы становились больше, срывая по листу календаря, как вдруг заболела мать. Несмотря на заботливые ухаживания Элизы, в один пасмурный день дама скончалась. Официальные лица провели церемонию похорон, выразили соболезнования, объявили Элизу директором музея и исчезли. Элиза все время проводила в одиночестве, в музее, казалось, будто она ждет кого-то.

И, наконец, в один пасмурный день в музей пришел парень, худой, небольшого роста. Познакомился с экспонатами. Дедушкины тетради, ручки, разные музыкальные инструменты, столы разбудили в нем большой интерес. Он внимательно выслушал Элизу и рассмешил ее, надев на голову панаму деда. Девушка очень обрадовалась посетителю. Она спросила, что он думает о музее, и его ответ позабавил Элизу. По словам молодого человека, выходило, что музей — это место, где в спокойной обстановке богатые люди переваривают съеденное, и в шестидесятые годы умная и прогрессивная молодежь Франции выступала с призывами закрыть все музеи.

Он спросил имя девушки и, пройдя за рояль, поразил исполнением композиции «К Элизе». Слушая



красивую мелодию, девушка под- села к парню и, переполненная чувственностью и романтичностью исполнения, прижалась к молодому человеку, ее губы потянулись к его губам, чтобы обжечь их своим жаром. Потом они вместе доиграли неоконченную композицию Бетховена.

Парень работал поваром в кафе рядом, хотя у него не было интереса к этой профессии, которую он выбрал из-за нужды. Теперь молодой человек каждое утро приходил в музей, а не в кафе. Он закрывал за собой дверь на всякий случай, хотя и так никто не приходил. Они очень привыкли друг к другу. Им не надоедало бывать вместе. Парень иногда приносил Элизе из кафе оставшиеся от клиентов блюда, и они кормили друг друга на столе деда. Потом парень стал оставаться на ночь. Элиза с его помощью установила надгробие матери и огородила решеткой.

Так перемешались ночи, дни, недели с месяцами. Однажды парень ушел и не вернулся. Элиза не раз хотела выброситься из окна, но маленькая высота пугала ее, так как она могла стать инвалидом.

В эти трудные для Элизы дни в музей зашел человек в тряпье, пьяный, седой, с нечесаной бородой. Гость как ни в чем не бывало прошелся по комнатам, заглянул на кухню, налил себе холодный чай. Он спросил у Элизы, где ее мать, и новость о смерти потрясла его. Он сел за рояль, провел пальцами по клавишам и зарыдал. После того как гость успокоился, он рассказал, что жил некоторое время в этом доме, писал статьи про ее деда, провел здесь лучшие моменты жизни и не может жить в своей холодной однокомнатной квартире в Турции. Слушая его, Элиза путалась в странных мыслях: хоть бы этот человек завещал ей ту квартиру и умер. Она устроила бы

похороны, так как знает все тонкости таких церемоний. И после этого продала бы ту однокомнатную квартиру и потратила бы деньги. Или за эти деньги выбрала бы себе дом в Европе. Резко встав, Элиза перешла в спальню и, открыв небольшой шкафчик, начала листать журнал купли-продажи в Европе. Цены были очень высокие, в отличие от Турции. Потом она немного подумала, куда ей потратить эту маленькую сумму, наконец, ей на ум пришла неожиданная мысль: на эти деньги можно сделать надгробие для мужчины. Элиза вышла из комнаты, но гость уже был на улице и, качая головой, уходил по дождливому тротуару. Из открытого настежь окна с верхнего этажа она крикнула вслед гостю: «Эй! Я знаю, что делать с этими деньгами!»

Гость исчез в конце улицы под дождем и уже ничего не слышал, как Бетховен.

*Азербайджан*

## Сергей КУРЕНЕВ



*Я, Куренев Сергей Владимирович, родился на Дальнем Востоке, точнее, в Амурской области. Есть там одно местечко, железнодорожная станция Магдагачи. Но родиться не всегда означает проживать. Якутск, Мирный, Сунтары... «Ан-2», «Ил-14», «Ми-4»... Так вот откуда пришло желание стать летчиком или путешественником. В первый класс я пошел все же в родном поселке, как говорили мои взрослые друзья — геологи, буровики, добытчики алмазов, водители-дальнобойщики, — на Большой земле. Восемь классов вместили учебу, занятия спортом и первое самостоятельное путешествие через всю страну на самолете в п/л «Орленок», что на Черном море. Здорово было ощущать себя взрослым, ведь добился всего сам. Мама растила меня одна (низкий ей поклон), и мечтать о морях на зарплату машинистки нам не приходилось. Решение продолжить обучение в суворовском училище принял самостоятельно. Два года в Усурийске стали школой, откуда выходят настоящие мужчины. В виду обстоятельств вместо летного училища оказался в родных краях в качестве токаря в локомотивном депо. В звании лучшего молодого рабочего по профессии уехал поступать в Политехнический институт г. Хабаровска. Почему Политехнический? Все просто — там была хоккейная команда. Хоккей для меня очень многое значил.*

*Студенческие годы были одними из самых счастливых. Много поездок по стране: Курилы, Камчатка, Средняя Азия, Прибалтика, Байкал... Охота, альпинизм, горные лыжи, увлечение бардовской песней... Знакомство с разными людьми. Слеты, фестивали... Учеба? Наверное, все вместе это и было учебой. После окончания института работа на заводе силовых трансформаторов в славном городе Биробиджане. Попытки уйти в бизнес. Запись собственного диска, концерты. Путешествия по миру: Европа, Таиланд, Япония, Китай, страны СНГ... Москва. Литературный институт.*

*Три года назад я сел за руль «Тойоты» в Хабаровске и махнул в свое любимое время года — «Уж небо осенью дышало...» — через всю страну. В Москву приехал абсолютно счастливый человек. Боже, сколько, оказывается, у меня друзей. Чего я искренне и вам желаю.*

## ЭТО Я, СЕРЖАНТ ЛАЗУТИН

Мишка бежал, петляя между воронками. Безжалостно вывернутое нутро земли пахло гарью, порохом и еще чем-то кислотово-сладким, оттого приторным и тошнотворным, как развороченный осколком живот взводного лейтенанта Кузакова, прибывшего в часть сразу после окончания училища. Они не успели придумать ему даже прозвище. Вчера еще гоготали над интеллигентным, стеснительным до невозможности лейтенантом, а сегодня он бесформенным комком лежал на земле, словно уже принадлежал ей, и запах у них был одинаковый, неживой.

Автомат, заброшенный за спину, больно колотил по лопаткам. Легкие, забитые пылью и чадом от горевших в колонне бензовозов, отказывались работать в разряженном воздухе высокогорья. Рвануло рядом, лицо обдало жаром и вонью. Так случилось однажды в детстве, когда он забрался в чужой сад за наливными яблоками и был сбит с ног огромной овчаркой, которая придавила его лапами к земле в ожидании хозяина. Из пасти ее воняло и несло нестерпимым жаром. Этот ужас, словно призрак, вернулся из прошлого и навис над ошалевшим Миш-

кой. Голова наполнилась колокольным звоном, таким тягучим набатом.

— Мама! Мамочка! Спаси! Спаси и сохрани! Спаси и сохрани! Спаси!!!

Издорванные в кровь пальцы с черными обломанными ногтями царапали каменистую почву, тело искало укрытие, молило о пощаде. Встав на колени, он тащился к еще дымившейся воронке, оставляя за собой в осевшей пыли две кровавые дорожки. Сквозь ватную пелену, заложившую уши, Мишка слышал звук. Из тысячи других он узнал его сразу. От него никуда нельзя было деться, он предназначался ему и только ему. На мгновение все замерло: и высокие облака, и белая птица, и травинка со спрятавшейся там букашкой, что оказалась вдруг перед самым Мишкиным носом. А потом надсадно завыло, ударило по глазам чем-то желтым, подхватило куда-то в черноту. Мишка страшно закричал... и очнулся.

Он лежал на второй полке плацкартного вагона. Гремя на стыках, мимо пронеслся встречный товарняк, унося за собой в стылую декабрьскую ночь протяжный, хриплый гудок. Болела голова. На то было две

причины. Одна — результат контузии, полученной во время службы в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане, другая — более тривиальная. Накануне они всей бригадой отметили окончание вахты. Гуляли широко, по-северному. Большой город встретил их щедро — широкими проспектами в праздничной иллюминации, разукрашенными витринами магазинов, гостеприимно распахнутыми дверями ночных клубов и ресторанов, запахом мандаринов и елочных базаров. Билеты на поезда, самолеты, автобусы лежали в карманах, оставалось еще время и вместе с ним сладость освобождения от вериг «сухого закона»...

— Повезло с соседями! — сквозь перестук колес расслышал Мишка низкий женский голос.

— Ой, и не говорите. Повезло так повезло!

— Жрут ее, проклятую, и жрут. Когда только нажрут. Куды она им, окаянная, лезет? — раздался тяжелый вздох.

— Точно, точно, — затараторила вторая, судя по голосу, моложе, подстраиваясь под разговор. — Никакой закон им не писан. И пускают везде, и все им можно, все разрешено. Нормальным людям деваться некуда.



— Да уж попили кровушку эти пьянчуги беспутные, все нервы измотали. Сколько я от водки натерпелась, и здесь покою нет. Никакого порядку... А этим хоть трава не расти, ничего не надо, проводники называются. Запрутся у себя в купе, бельмы закроют, не достучишься. А ты здесь хошь в крик кричи, хошь на стенку лезь, все нипочем.

— Вы знаете, я прошлый раз ехала, у нас проводниками были двое мужчин. Один такой обходительный, все мне чай с лимоном приносил. Скажу вам, порядок был необыкновенный. И чисто, и без всяких безобразий.

— Оно, конечно, бывает. Хотя все одно. Стоит этим кобелям службу оставить, а туда же, и часа не пройдет, как налакаются. Одна порода. Хотели бы — давно уже порядок в вагоне навели. Приструнили кого надо. Так их самих днем с огнем не сыщешь.

Мишка, стараясь разглядеть говоривших сквозь тусклый свет вагонной лампочки, неловко повернулся, чем привлек внимание собеседниц. Внизу замолчали. Поколебавшись минуту, он опустил ноги с полки, оперся на руки и пружинисто спрыгнул на пол. Вагон качнуло, Мишка зацепил рукой столик и, не удержавшись, смахнул с него стоявший на краю стакан. Сконфуженно улыбаясь, он обернулся к притихшим женщинам.

— Здравс-с-сте!

— Здравствуйте, Михаил, — пропела молодая. — Выспались?

— Да есть немного, — заскрипел пересохшим горлом Мишка, стараясь вспомнить, откуда соседкам по купе известно его имя.

Воцарилась неловкая пауза. Мишка пошарил под столиком, нашел стакан и осторожно поставил его на место.

— Пойду покурю.

Уже в тамбуре, глотая стылый воздух, пополам смешанный с табачным дымом, он вспомнил, что при посадке помогал симпатичной шатенке — кажется, ее звали Люд-

милой, — загрузить две тяжеленные сумки. По совпадению их места оказались рядом. Чуть позже к ним присоединилась женщина в возрасте, тучная, с натужным дыханием, одетая словно монашка. Нижняя полка оставалась свободной, а на боковых местах молодая пара оставила свои вещи и куда-то исчезла. До сих пор там никого не было. В памяти смутно проступали обрывки разговоров, вроде он еще ходил в вагон-ресторан за шампанским, что-то покупал у корабейников, угощал проходивших мимо людей. Мишка постоял, прислонившись разгоряченной головой к покрытому морозными узорами стеклу. Боль медленно отступала, скатывалась от затылка к шее и дальше пульсирующими толчками отдавала под лопатку. За окном мелькали фонари, поезд потихоньку сбавлял ход, впереди в зареве огней тянулась какая-то крупная станция.

Он выскочил на свежий воздух как есть, в одной футболке и трико. Мороз ущипнул за уши, ожег лицо холодным дыханием. На перроне стояла обычная в таких случаях суета. Кричали носильщики и встречающие, бойкие молодки предлагали пиво и вяленую рыбу, закутаные в шерстяные платки, так что виднелись только глаза, в валенках и овчинных тулупах бабки соблазняли горячими пирожками и аппетитно дымящейся картошкой со шкварками. Мишка купил пиво, залпом осушил бутылку. Горло на мгновение перехватило, он закашлялся.

— Не хватало еще заболеть.

Но уже через минуту в груди по-тепело, мучившая жажда отступила, и жизнь с изнанки переместилась на привычное место. Мишка купил еще «Жигулевского», рыбки и, довольный, нырнул в теплое нутро вагона. Надежда Васильевна, так звали «монашку», неодобрительно покосилась на него.

— Присоединяйтесь!

— Нет уж! Спасибочки. Один тут все побнил, пока вы спали. Мо-

рочил нам голову да набирался. Надоед хуже горькой редьки. Слава богу, куда-то исчез, малахольный какой-то.

— А я, пожалуй, не откажусь. Уж больно рыбка вкусно пахнет. Нет, нет! Мне немножко, — засуетилась Людмила, заметив, что Мишка ставит перед ней полную бутылку.

— Сколько захотите, столько и выпьете. Это же пиво.

— Пиво, пиво, — загудела трансформатором Надежда Васильевна. — Все одно — алкоголь. У меня первый муж тоже с пива начинал. То праздник, то получка, то после баньки. И все бы ничего. Только смотрю я, раньше и с трех кружек незаметно было, а тут вдруг со стакана в стельку. Так они что удумали, окаянные. Водку смешают с пивом и чумеют, чисто жиганы... А вообще-то давайте и я глоточек сделаю. Уж больно душно.

— А вот, Надежда Васильевна, у меня, — запела Людмила. — Мне-то много будет. Я так, к рыбке. Люблю ее, отец приучил. Он рыбак заядлый, в доме никогда не переводилась. Папа даже коптил ее. Вкуснотища! Он у меня мастер на все руки.

Состав дернулся. С шипением вырвался воздух, заскрипели пружины, фонарь, стоявший напротив окна, медленно поплыл в сторону. Поезд набирал ход. Пиво на «старые дрожжи» ударило в голову, потянуло в сон. Мишка для приличия посидел еще немного с женщинами. Разговор не клеился, былой кураж пропал. Он извинился и полез на полку, даже курить было идти лень. Вагон мирно спал. Тихо переговаривались вновь вошедшие. Из соседнего купе доносился богатырский храп. Касаясь края стакана, звенела ложечка. Под ее дребезжанье Мишка незаметно уснул.

Приснилась ему дочь. Анечка была поздним ребенком, желанным. Мишка души в ней не чаял, поэтому долгие вахты переносил тяжело. Скучал. Во сне дочка тянула к Миш-

ке свои ручонки и так звонко смеялась, что у Мишки зашло сердце. Стало необыкновенно хорошо, будто и не сон вовсе. От умиления он расчувствовался.

— Солнышко мое, папа рядом.

Он протягивал руки, но ловил пустоту, а вместо дочери скалилось что-то бесформенное, непонятное, скользкое, как жаба. Оно надвигалось на Мишку и бубнило, бубнило, бубнило...

Вынырнув из сна, он потряс головой, стараясь избавиться от наваждения. Но бубнеж не проходил, а казалось, даже усилился.

Мишка прислушался, снизу доносилась бессвязная речь, густо пересыпанная бранью, смесью жаргона и армейской лексики.

За тонкой перегородкой, разделяющей купе, дрожащий женский голос кольнул Мишку прямо в сердце.

— Господи! Что за наказание такое. Когда же все это прекратится? У меня ребенок маленький. Никакого покоя.

Он перегнулся вниз. Напротив, подперев голову руками, сидел человек. Лицо было скрыто тенью от верхней полки, да и свет позволял разглядеть разве что спортивный костюм, в который был облачен незнакомец. На столе бутылка водки, граненый стакан и то ли кусок хлеба, то ли пирожок.

— Сволочи! Будут мне еще указывать. Дурь... Чья она, дурь... Наша дурь, чья еще, российская...

Голос показался Мишке знакомым. Хотя вряд ли, откуда? Почудилось, наверное. Чтобы лишний раз не беспокоить окружающих, он негромко окликнул: «Эй, мужик, ты что там разошелся? Народ спит уже, дети...»

Незнакомец оторвал голову от ладоней. Медленно привалился к стенке купе. Минуту помолчал, видимо, изучая Мишку.

— Ты кто такой, чтобы мне замечания делать? Лежишь на полке — вот и лежи, сопи себе в две дырки, мать твою... тоже мне, указчик на-

шелся. — Голос сипел, слова растягивались, будто резиновые, окончания фраз съедались. Было слышно, что хозяин изрядно пьян. Кого-то он напоминал Мишке. Знакомо тянул фразы, временами делая неправильные ударения. Выдерживал паузы. Все это вызывало смутные, едва уловимые образы. Но какие? Мишка никак не мог вспомнить.

— А вот спущусь сейчас вниз, так узнаешь, кто такой...

— Напугал. Ой, боюсь, боюсь. Да пошел ты!.. — прошелся матерком незнакомец.

— Что ты сказал? Ты говори, да не заговаривайся. Я серьезно, не буди лихо...

— Не связывайтесь вы с ним, Михаил, — подала голос Надежда Васильевна. — Он чокнутый какой-то.

— Кто это чокнутый? Что ты там мелешь, карга старая. Всю жизнь просидела на лавочке, кости всем перемывая, а жизни-то и не знаешь, лезешь не в свое дело...

— Мужик! Еще одно слово — и я точно замолчу тебя. Понял? — Мишку уже трясло, он и раньше заводной был, а после Афганистана вспыхивал, как сухой валежник.

— Пошли вы все... — Пьяница забормotal что-то неразборчивое себе под нос. Потом взял стакан, стряхнул остатки на пол. Послышалось бульканье, натужное пыхтение, сдавленный глоток... с шумом втянутый воздух и выдох облегчения... Зашуршала какая-то бумага. Наступила тишина.

Мишка откинулся на подушку. Сердце громко стучало, подрагивали руки. Он попытался успокоиться.

— Надо же, мразь какая! Набрался — так сиди тихо, лови себе белочку. А не можешь пить культурно, нечего начинать.

Сам Мишка никогда не терял голову и не любил таких ухарей. Выпьют на копейку, а хлопот на целый рубль.

Мысли разбегались, в голове шумело. Так было всегда, стоило только понервничать. Завтра будет болеть голова, и все из-за какого-то

психа. Вроде притих. Мишка попытался уснуть. В голову лезла всякая ерунда, он перескакивал с мысли на мысль, пытался ухватиться хоть за одну, но только измучился. К действительности его вернула возня упившегося соседа.

Мишка какое-то время выжидал, но волна гнева нарастала, пока не охватила его целиком.

— Слышь, сморчок, ты опять за свое? — На этот раз он уже не сдерживался. — Вижу, тварь, ты давно по личности не получал. Сейчас сделаю. Научу тебя людей уважать и Родину любить.

— На себя посмотри, сучий потрох...

— Господи! Кто-нибудь, вызовите милицию. Невозможно ведь...

— Где проводники? Где хоть кто-нибудь?!

— Да вызвала я уже, — высунулась из своего закутка заспанная проводница. — На следующей станции ссадят.

— Кто потрох? — гремел Мишка. — Удавлю сволоту. Навек забудешь, как людям хамить.

— Миша, Миша! Успокойтесь, пожалуйста. — Это уже за руки держала его Людочка. — Не стоит он ваших нервов. Поберегите себя. Милиция разбираться не будет. Ссадят обоих, а вам домой надо, к дочке... Ради бога, успокойтесь.

Напоминание о дочке немного охладило Мишку. Он затих, только полка отчаянно скрипела...

Возмутитель спокойствия продолжал бузить, правда, уже тише. Мишка мужественно терпел. Обида переполняла его. Как же так? Он с ним... А они его... Да еще ставят вровень с этим... Нет, так не пойдет. Такие вещи не прощаются.

— Эй, убогий! Ты что там бубнишь? Я тебя спрашиваю? Что замолчал, гнида?

— Да заткнитесь вы сами. Перестаньте его провоцировать, — донеслось из соседнего купе.

— Кто его провоцирует. Я? — изумился Мишка. — Я за таких, как вы, в Афгане кровь проливал, а вся-



кая шушера не только хлебальник открыть, пикнуть не смела.

— Что ты, шенок, знаешь про Афган? — ожил сосед. — Тебя туда разве что за душманами подтирать могли отправить.

— Что? — потемнело в глазах у Мишки.

Он не помнил, как слетел с полки. Хлесть — послышался звонкий удар. Потом еще два, как будто палкой били о свернутый ковер. Раздалось мычание, прерванное очередным ударом.

— Караул! Убивают! — раздался загроможенный женский крик.

— Господи! Ужас какой! Что за страна такая? Господи! Помогите нам! Не оставьте в милости своей!

Мишка проснулся, когда в окно настойчиво стучался морозный денек. Солнце прыгало по верхушкам заснеженных деревьев. Дым из печных труб промелькнувшей мимо деревеньки столбами уходил в небо. Белизна недавно выпавшего снега слепила глаза, заставляла жмуриться. Ледяные прогалы на извилистой речушке горели синим, а поднятые на дыбы поздним ледоходом льдины баловались солнечными зайчиками.

Вагон плавно покачивало. Проводница в форменной рубашке и домашних тапочках разносила чай. Вкусно пахло жареной кури-

цей и колбасой. Пассажиры шуршали пакетами, раскладывая на столах припасенную в дорогу еду. Кто-то стучал о край стола сваренным вкрутую яйцом, раздавался смех. Все дышало уютом и ничего не напоминало о кошмаре минувшей ночи.

Стоп, стоп... Мишка в одночасье покрылся холодным потом. Краска стыда стала заливать его лицо. Неужели было? Неужели не сон? Он осторожно повернул голову, соседняя полка аккуратно застелена одеялом, в изголовье небольшая дамская сумка, рядом полотенце. Он скосил глаза вниз. Прикрыв голову рукой, на нижней полке лежал мужчина в стареньком спортивном костюме. Из-под расстегнутой олимпийки виднелся треугольник десантной тельняшки, испачканной крупными пятнами бурого цвета. Вагон на повороте накренило, мужчина зашевелился, зацокал во сне разбитыми в кровь губами. Рука соскользнула на подушку, и Мишка умер... нет, лучше бы он умер тогда, когда под шквальным огнем находящегося без сознания Мишку тащил на себе командир батальона гвардии капитан Потапов Григорий Алексеевич. Батя. Он вынес Мишку, получив при этом два осколка. Один в легкое, другой под сердце. Все тогда удивлялись, как человек со смертельными ранениями мог тащить на себе дру-

гого, да еще в горячке пристраивать его на борт, требуя немедленной отправки...

Другое было время... Другие люди... Другие люди?

— Как же так, Батя! Как же так? — тряс Мишка за плечи бывшего комбата. Тот только мычал, пытаясь видимо, прийти в себя. — Батя! Батя. Это же я, сержант Лазутин из второй роты. Михаил Лазутин. Помните меня?

\* \* \*

— ...вот так, сержант. — Они сидели в вагоне-ресторане. — Так и вышибли меня из армии, да еще под статью подвели. А майор тот, крыса штабная, генерала уже получил. Давай выпьем, сержант, за ребят, за настоящих ребят.

Они чокнулись. Проходящие мимо пассажиры косились на двух мужчин, молча сидевших друг напротив друга. Казалось, что они далеко отсюда, в одном только им известном месте. В стаканах дрожала водка, дрожала она и в том, что был накрыт подсохшим куском хлеба. Поезд шел по расписанию, стучали колеса, мелькали станции, а двое мужчин все сидели и сидели. Менялось лишь количество водки: то ее было больше, то меньше. И только в одном стакане всегда оставалось неизменно...

*г. Хабаровск*



## АГЕНТУРНЫЙ РОМАН

### От автора

В дождливый октябрьский день 1958 года в кабинете 75-го отделения Москвы автор этих строк принял дела у ветерана уголовного розыска, уходящего в отставку. Охотно передав материалы оперативных разработок на опасных рецидивистов, сыщик наотрез отказался знакомить меня с состоящей у него на связи агентурой:

— Мне теперь все эти секретные игры ни к чему. Я пенсионер. А тебе еще служить, как медному котелку, не менее четверти века. Так что проявляй самостоятельность с первых дней: бери ноги в руки и ступай на территорию. Сам находи моих осведомителей, завязывай с ними рабочие отношения и используй в борьбе с преступностью. — Отставник направился к выходу и, уже стоя в дверях, высказал, по-видимому, давно мучившую его мысль: — Открою тебе одну, может быть, самую важную тайну: если в один прекрасный день посадить разом за тюремную решетку всю нашу агентуру, то преступность в стране исчезнет как по взмаху волшебной палочки.

И, тяжело вздохнув, умудренный опытом сыщик навсегда покинул свой служебный кабинет.

В то далекое время я усомнился в правоте старого сыщика, огульно обвинявшего наших секретных помощников в преступной деятельности. Но с опытом пришло горькое понимание справедливости его

слов: для завоевания доверия криминального окружения агенты вынуждены сами совершать преступления.

Подобное положение стыдливо замалчивают правоохранительные органы всех без исключения стран. И хотя в служебных инструкциях запрещается давать разрешение агентуре на серьезное нарушение закона, оперативные сотрудники предпочитают закрывать глаза на противоправные действия своих тайных помощников. К тому же основная масса совершаемых осведомителями преступлений остается неизвестной оперативным органам, которые не имеют возможности полностью контролировать деятельность своих секретных сотрудников.

В результате создаются объективные предпосылки для всевозможных злоупотреблений в деятельности оперативных подразделений. А даже малейшее отступление от закона зачастую приводит к тяжким последствиям.

Приступая к работе над повестью, я хотел ознакомить широкий круг читателей с проблемами использования секретных сотрудников в борьбе с преступностью, надеясь на установление в будущем более эффективного общественного контроля за столь деликатной сферой правоохранительной деятельности.



## Глава 1. Истоки

В этот февральский вечер 1911 года Петр Аркадьевич Столыпин нервно расхаживал по кабинету, находясь в крайней степени раздражения. Его вывела из равновесия встреча с бывшим премьер-министром Витте, потребовавшим в очередной раз привлечь к ответственности лиц, причастных к покушению на его жизнь в январе 1907 года. Петр Аркадьевич в резкой форме возразил, что не будет заниматься давно выясненным делом, так как единственный виновник Казанцев убит своими соратниками эсерами-максималистами за тайное сотрудничество с охранкой. Но Витте продолжал горячо настаивать на сенаторском расследовании, ссылаясь на выводы экспертов о промышленном изготовлении бомб, якобы переданных Казанцеву сотрудниками охранного отделения, ненавидящими экс-премьера за либеральные взгляды. Кроме того, после гибели осведомителя была найдена его записная книжка с адресами конспиративных квартир, на которых он тайно встречался с чинами полиции. На этом основании Витте обвинял в организации на него покушения начальника отделения охраны полковника Климовича, непосредственно руководящего деятельностью сексота Казанцева.

Дело действительно дурно пахло, но возвращаться через четыре года к неудавшемуся покушению на своего предшественника на посту премьер-министра Столыпин не желал: слишком уж громким мог получиться скандал. При утренней беседе с Витте он вновь подтвердил свою приверженность официальной версии: Казанцев действительно тесно сотрудничал с полицией, но при покушении на Витте действовал исключительно по личной инициативе без ведома своих непосредственных кураторов из охранного отделения.

В ответ обычно сдержанный Витте вспылал и в запальчивости возразил:

— Разве вы не знаете, что председатель «Русского народа» Дубровин, тесно связанный с охранкой, давал указания разведать детальный план моего дома? При этом ссылался на пожелания покончить со мной людей, приближенных к августейшей особе. Теперь, когда лично вы препятствуете ходу сенаторского расследования, я окончательно понял, что истинные виновники покушения на меня до сих пор не предстали перед судом не потому, что их не могли обнаружить, а потому, что правительственные органы не имеют желания их изобличить и судить.

Эти слова сильно задели Столыпина за живое. И он дал резкую отповедь человеку, который вместо активного участия в государственных делах, способствующих процветанию России, настойчиво

ворошил свои давние обиды. Развернулась острая словесная перепалка со взаимными личными обвинениями. И Столыпин в тот момент отлично понимал: его и без того прохладные отношения с Витте окончательно испорчены и вряд ли когда-либо восстановятся.

Петр Аркадьевич привык к неприятию и злобным нападкам со всех сторон. Его одинаково ненавидели как подвергавшиеся репрессиям революционеры, так и консервативные круги, не желавшие допустить в стране реформ, затрагивающих их вековые интересы. Он уже привык к всеобщему непониманию, и вряд ли очередной конфликт с бывшим премьер-министром мог так сильно вывести его из равновесия.

Столыпин перестал ходить по кабинету и присел в кресло. Ему надо было успокоиться и до конца понять причину собственного душевного смятения. И догадка почти сразу пришла в голову: «Я раздражен от того, что вынужден скрывать правду о причастности официальных членов охранного отделения к покушению на Витте. Но не могу же я в угоду одному человеку, пусть и бывшему премьер-министру, компрометировать органы государственной власти, находящиеся на острие вооруженной борьбы с террористами. Вот и опытный начальник полицейского отделения А. В. Герасимов не сомневается, что полковник Климович если и не помогал террористу Казанцеву с поставкой динамита, то наверняка знал о готовящемся покушении. Но ненависть к бывшему премьеру, первым заговорившему о необходимости реформ в России, заставила закрыть глаза на готовящееся преступление. Доказать сие после гибели Казанцева уже практически невозможно, да и не нужно. Я сейчас рассуждаю не как частное лицо, а как глава правительства, обязанный сохранять и укреплять устои самодержавия. А Витте думает только о своих личных интересах и обидах. В письме на мое имя в мае прошлого 1910 года он написал: “Прекратите деятельность организаций, служащих одновременно и правительству, и политическим партиям”. Так Витте деликатно выразился о тайной агентуре, с помощью которой разрушаются планы террористов, предотвращаются убийства видных сановников, охраняются основы государства, наконец, обеспечиваются спокойствие и порядок для успешного проведения реформы в России. Мне иногда кажется, что только я один знаю досконально, что надо делать для блага страны и как добиться ее процветания. Да, все идет не так просто и быстро, как хотелось бы. Но революционеры нетерпеливы, они думают, что одномоментным переворотом добьются всего и сразу, а дворяне надеются уцелеть и сохранить свои

привилегии, ничего не меняя. Когда же те и другие угомонятся и перестанут мешать мне преобразовывать Россию?! Хорошо было Петру I при неограниченной власти брить насильно бороды и вводить новые порядки. Я же ограничен манифестом от 17 октября. Свобода, безусловно, нужна, и я первый ее поборник. Но разве люди умеют пользоваться свободой? Этому надо учиться веками, как учатся другие цивилизованные народы. Я же на всю Россию не могу найти пятидесяти толковых чиновников, способных возглавить губернии и навести там порядок, осуществить реформы на местах. Велика страна, а опереться не на кого.

Согласившись на пост премьер-министра, я поступил мудро, оставив за собой должность министра внутренних дел. Только данное обстоятельство позволяет мне быть в курсе глубинных процессов, происходящих в России, и быстро реагировать, принимая важнейшие решения. А Витте фактически против охранных подразделений и за ликвидацию политической агентуры. Это сущий бред и, по меньшей мере, недалководность. Как такой человек мог стоять во главе правительства?»

Столыпин встал и вновь беспокойно зашагал вокруг стола. Ему нужно было в очередной раз убедить себя в правоте принимаемых решительных мер по обеспечению порядка: «Ведь я же 11 февраля 1909 года, докладывая Государственной Думе о деле Азефа, подробно рассказал о необходимости и приемах агентурной разведки. Прежде всего, я снял обвинение с полиции в провокаторстве: Азеф никогда и никого не подталкивал к террористическим актам. Будучи завербованным еще в 1892 году, он последовательно прошел путь от рядового революционера до члена центрального комитета партии эсеров, формируя полицию и срывая этим кровавые планы террористов. Но он никогда никого не призывал к взрывам и убийствам. Польза от деятельности Азефа несомненна. Сообщенные им сведения помогли предотвратить готовящиеся покушения на иркутского генерал-губернатора Кутайсова, нижегородского губернатора Унтерберга, министра юстиции Щегловитова, великого князя Николая Николаевича. Именно с помощью Азефа было предотвращено крушение поезда, в котором ехал Николай II и его семья.

Приведенные мною факты произвели на депутатов сильное впечатление. А упоминание о связях депутата-октябриста Гучкова с эсерами заставило замолчать особо рьяных крикунов, обвиняющих правительство в причастности к деятельности террористов. Мой вывод, что пока действуют враги государства, будут существовать политический сыск и агентурная работа, нашел в тот день понимание у большинства депутатов. В заключение я сказал, что

сам факт длительного сотрудничества члена партии эсеров с полицией в качестве секретного сотрудника — это позор не правительства, а революционеров. В моем отчете не было ни слова обмана. Да и не должны депутаты, а тем более простые обыватели знать подробности полицейской работы и тонкости сыска. Любой здравомыслящий человек должен понимать, что, копясь в грязи, невозможно не испачкаться. Для достижения святых целей приходится идти на компромисс и допускать совершение тайной агентурой действий, противоречащих закону. А как же иначе они завоюют доверие всех этих бомбистов, не щадящих ни себя, ни сановников?

Хотя, конечно, сотрудники моего ведомства допустили за последние годы ряд серьезных ошибок. Была, в сущности, катастрофой история вербовки директором департамента полиции Трусичевым члена партии эсеров-максималистов Рысса. Арестованный за убийство и экспроприацию, он дал согласие на секретное сотрудничество. Ему был организован побег. Причем для зашифровки вновь завербованного информатора двое жандармов, прозевавших исчезновение арестанта, были осуждены на каторжные работы. Но Рысс повел двойную игру. Он скрыл подготовку взрыва в Аптекарском переулке, а потом и утаил важные обстоятельства готовящегося нападения в Фонарном переулке с целью захвата денег, перевозимых из таможни в казначейство. Целью экспроприации было финансирование очередного покушения на меня в Зимнем дворце. Рысс ввел тогда полицию в заблуждение, скрыв подлинное довольно значительное количество нападающих. В результате революционерам удалось захватить триста шестьдесят восемь тысяч рублей. Погибли охрана и множество безвинных людей, случайно оказавшихся рядом. Семь виновных в этом нападении террористов были казнены. А один из участников нападения Черняк, бежавший из России, был отравлен агентом охраны Викторовым в каюте парохода. Правда, при этом погибли еще трое невинных пассажиров, пльвших в одной с ним каюте. Но это уже издержки сыска.

Была еще одна полицейская неудача: в декабре 1909 года состоящий в агентурной сети некий Петров во время тайной встречи на конспиративной квартире на Астраханской улице взорвал своего куратора — начальника охранного отделения Карпова. Вся эта история с самого начала дурно пахивала. Будучи активным членом партии эсеров, Петров после ареста в тюрьме Саратова написал заявление о согласии сотрудничать с полицией. Нуждающаяся после ареста Азефа в новых источниках информации полиция дала согласие. Санкционировал вербовку лично я. Петрову был организован побег. Но



Петров задумал использовать связь с полицией для покушения на царя. Эсеры, которым Петров честно рассказал о своих связях с полицией, дали ему задание ликвидировать кого-нибудь из высших чинов полиции. И 8 декабря 1909 года жертвой пал полковник Карпов. Хуже всего, что было достоверно установлено попустительством взрыву на Астраханской улице генерала Герасимова, занимающего высокое положение в министерстве внутренних дел. Я тогда не допустил огласки этого грязного дела. Только не хватало скандала в подчиненном мне ведомстве! В условиях острой борьбы и противостояния с террористами я не мог дать повод сомневаться в чистоте моих сотрудников. Управлять страной, проводить реформы, бороться с противниками существующего веками порядка невозможно без сильной власти, использующей в высоких целях все возможные средства, в том числе агентуру. Ведь в целом мои действия оказались вполне оправданными: сейчас в стране наведен порядок, революция подавлена, реформы, полезные для России хотя и медленно, но идут и дают свои живительные всходы. Я не совершил никаких крупных ошибок и мне не в чем каяться».

И, прислушавшись к своей совести, Столыпин вновь убедил себя в правоте принимаемых им решений: «Без агентурной разведки я бы не смог принимать правильных политических решений. Без верного информатора я не смог бы добиться роспуска Государственной Думы, тормозящей все мои решения по реформированию экономики. Очень удачно подвернулась тогда эта история с “наказом” депутатам, написанным от имени солдат столичного гарнизона военной организацией Петербургского

комитета РСДРП. Секретарем этого комитета была некая Екатерина Шорникова, являющаяся нашим секретным сотрудником с конспиративной кличкой Казанская. Она сняла копию “наказа” и передала ее охранному отделению. Я тогда отдал приказ задержать социал-демократических депутатов в момент вручения им этого документа. По заданию охранного отделения Шорникова-Казанская сформировала и направила солдатскую делегацию с “наказом” на квартиру депутата Государственной Думы Озоля, где заседала фракция социал-демократов. Полиция в тот раз опоздала и, не застав в квартире делегацию солдат, не смогла изъять оригинал “наказа”. Но в ее распоряжении осталась копия, снятая заранее нашим агентом Казанской, и я в полной мере использовал этот документ, обвинив фракцию социал-демократов в заговоре и подготовке восстания. В результате мятежная Дума была распущена.

Разве без агентуры я бы смог решить в краткие сроки столь важную задачу по укреплению государственной и самодержавной власти? Нет и тысячу раз нет! Конечно, защищая в Думе Азефа, я о многом не мог сказать откровенно. Но умолчать и соврать — не одно и то же. По крайней мере в сложившейся тогда политической ситуации».

Обретя прежнее душевное спокойствие, премьер-министр присел за стол и начал составлять журнал Совета министров с изложением своего мнения о просьбе Витте возобновить расследование по факту совершенного на него в 1907 году покушения: «Надеюсь, резолюция Его Величества навсегда покончит с претензиями этого господина и поставит в этом деле точку».

*Продолжение следует.*

Надежда ГЛУШКОВА



*Здравствуйте, «Юность»! Отправляю вам новый разговор народного поэта Писугина с главным редактором местной газеты и прошу меня извинить за излишнюю эмоциональность и экспрессивность, наверное, присущую всем неравнодушным россиянам. Сегодня опять чумела и шалела, читая прессу и гуляя по просторам Интернета. Бедный, бедный великий и могучий, что с ним вытворяют «писучие люди»... Однако не без добра — нашла несколько сюжетов для новых сатирических рассказов. Всех благ вам.*

*С уважением, Надежда Глушкова*

ОТ РЕДАКЦИИ

Предыдущая встреча народного поэта Писугина с главным редактором районки состоялась в № 6 за прошлый год. Как замечательно, что стабильность нашей жизни дает молодому автору надежду на новые сюжеты!



## **НОВЫЙ РАЗГОВОР ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «УЛЕТНЫЕ ВЕСТИ» С НАРОДНЫМ ПОЭТОМ ПИСУГИНЫМ**

**В** кабинете редактора газеты «Улетные вести» раздался легкий стук, дверь отворилась, и, широко улыбаясь, в кабинет вошел поэт Писугин:

— Здравствуйте, милая Елена Ивановна! С выздоровлением вас! — не переставая улыбаться, проговорил он.

Редактор гневно взглянула на поэта:

— Здравствуйте, стихоплет Петрович. Радуетесь? Ославили на всю страну и довольны? Вот, почитайте! — Елена раздраженно протянула Писугину несколько номеров газеты и журнал «Юность» № 6 за 2011 г. — Пока я болела, все ваши стихи напечатали, и теперь читатели всей страны смеются над вами и зовут вас рогатым прыщавым поэтом. С чем пришли? Если опять с поэтическими советами и заздравиными одами, то вот бог, а вот порог.

Писугин оживился:

— Леночка, милая моя, успокойтесь, пожалуйста, нет худа без добра. Ведь теперь обо мне и нашей районной газете вся страна узнала, пусть хоть такая, но все равно слава.

Ивановна слегка смягчилась.

— Пока вы болели, — продолжил Писугин, — я поработал над ошибками, поездил по селам нашего района. Много, много еще недостатков у нас, и мы с вами призваны исправлять их. Вы — служебным положением, я — своим поэтическим даром.

Редактор усмехнулась:

— Давайте попробуем.

Поэт открыл тетрадь. Вот для начала путевые наброски:

Есть у нас в районе село Шебартуй.

Там куда ни взглянь, куда ни подуй —

Всюду пьянство, веселье и сабантуй,

А водку не пьешь — сиди дома хлеб жуи.

Редактор презрительно посмотрела на поэта:

— Ну и что, открыл Америку, Колумб доморощенный. Да мне каждый день в редакцию письма приходят от селян, они такое пишут, что вы за всю свою жизнь не срифмуете. Нет, не возьму эти стихи,



я была в Шебартуе, обычное нормальное село, ну немного веселятся люди, значит, все хорошо, жизнь налаживается. Есть еще наброски?

Писугин поморщился:

— Да, конечно есть, целый цикл стихов, и в каждом из них я вскрываю недостатки нашей жизни, как гнойник или прыщ.

Елена встрепелась:

— Опять прыщи? Петрович, ты мне лучше о них не напоминай. Твое счастье, что я заболела и твои дурные стихи о прыщах опубликовали, ладно, забыли, давай продолжим.

Писугин открыл толстую тетрадь, полистал ее:

— Вот, пожалуй, начну с наших, так сказать, коллег-полицейских, как они замечательно борются с недостатками. — И поэт громко, как он сам говорит — набатно, продекларировал:

В село Арей приехала полиция, порядок навела.

И сразу тихо стало на улицах таежного села.

Спрятались дебоширы и скандалисты,

Исчезли с улиц пьяные мотоциклисты.

Лишь по ночам возле девичьих окон

Стонут, будоража юным девицам сон,

Наглые молодые местные онанисты,

Да вскрикивают в кустах заезжие гомосексуалисты.

Редактор вздрогнула:

— Слушайте, господин Писугин, если я эти стихи опубликую, то на следующий день мой телефон лопнет от звонков возмущенных арейцев.

— Да нет, Елена Ивановна, не беспокойтесь, никто не позвонит. Ведь кого коснулся мой стих? Только онанистов, так они, смею заверить вас, такие тусы.

— А вы откуда знаете? — ехидно спросила редактор.

Писугин быстро-быстро заморгал глазами, опустил голову и густо покраснел:

— Да я это... ну... где-то читал... знаете ли, — промямлил он.

— Ох, лукавишь, Петрович, я же часто редактировала ваши стихи про разлуки с женой, она у вас дома не сидит, то на курорт, то в санаторий, а вы, оказывается, без нее шалите? Ух, проказник! — И она угрозила поэту пальцем. Писугин совсем сник. Ивановна глянула на съежившегося поэта, и ее сердце кольнула жалость к нему. — Да что ты, Петрович, поник, я же шучу! Договорились, эти стихи я возьму, но если что — в ответе будете вы. Кстати, а откуда в Арее заезжие геи?

— Как откуда? — воспрянул духом поэт. — Там же две турбазы на озере и мотель на трассе.

— Ах да, вспомнила! — сказала Елена и согласно кивнула головой. — Читайте дальше.

Поэт, немного волнуясь, продолжил:

— Весной я помог сельским мужикам одного из сел нашего района составить письмо в довольно резкой стихотворной форме с предупреждением на бездействии Тангинской сельской администрации. Вот оно:

Весной у быков пора любви — гон.

Достал на селе всех жителей он.

Бродят быки по селу, ревут и деток пугают,

А сельские власти в беде нам не помогают.

Мы попросили нашу администрацию

Провести буйным быкам кастрацию.

И получили от них отписку в ответ:

«В штате администрации ветеринара нет.

Такие вопросы решайте на месте,

Соберитесь и проведите кастрацию вместе».

Спасибо, понятно, помочь не хотите,

Тогда нам хоть специалиста найдите.

Вон в соседнем селе живут сто два китайца.

Деликатес для них — свежие бычьи яйца.

И ветврачей среди них очень много,

И за работу им денег надо немного.

А вы хотите сделать садиста из забайкальца,

Чтоб он измучил быков, вырезая им яйца.

Вот поэтому мы хотим вас предупредить:

Не надо нас, бедных селян, обижать и злить.

Мы хоть и мирный народ — забайкальцы,

Но у нас сильные, крепкие, цепкие пальцы.

И если вы не найдете специалиста-китайца,

Мы разозлимся, приедем и вырвем вам яйца,

Свершим акт принудительной кастрации

Всем — включая главу администрации.

Елена Ивановна захлопала в ладоши:

— Ай молодец, опозорил на всю страну, теперь работы лишает. Да меня за одну строчку твоих стихов с работы снимут, а тебе — не знаю, как насчет яиц, а язык уж точно если не вырвут, то обязательно подрежут.

— Успокойся, Лена, сельскую власть критиковать можно, а чуть повыше, начиная с районной, — табу, поверь моему опыту. Но если сильно боишься, давай дадим такие нейтральные стихи:

На таланты богато село Дешулан.

Создан там литературный балаган.

Поэт в нем вирши слагает про диких ос,

Прозаик штампует рассказы про сенокос.

Вместо того, чтоб недостатки вскрывать,

Литераторы стали брагу, вино попивать.

Я приехал в село и сказал: «Дешуланцы!

Вы ведь таланты — Музы и Лиры засланцы,

Так бейте глаголом по негативу

И не ищите другую альтернативу».

Редактор пристально смотрела на Писугина, нервно постукивая по столу авторучкой:

— Вы, Петрович, что-то метаться стали последнее время, сначала стали стихи-советы писать, затем лиру какую-то забубенную сочинили, теперь вот стихами решили недостатки вскрывать. Что случилось с вами?

— Мудрею, Ивановна, вот и мечусь. А скажи мне, кто из настоящих поэтов не метался? Молчишь? А я, может, наконец-то прозрел как поэт, поэт-обличитель, как поэт-забияка и, не побоюсь сказать, поэт-воин.

— Воин? — усмехнулась Ивановна. — Да нет, Петрович, ты не воин, ты поэт-драчун.

— Может, и так, — согласился Писугин. — А теперь, моя дорогая Леночка, давай подсластим горькую пилюлю и дадим такие стихи:

Любит полеты наша районная власть,  
То в небе парит, как легендарный Икар,  
То над цветами покружится всласть  
Бабочкой, кушая сладкий нектар.  
За эти полеты мы власть уважаем,  
Безоговорочно только ей доверяем

И много лет ее вновь избираем.

Больше скажу — мы власть обожаем,

И не страшна нам любая напасть,

Пока на районе — улетная власть.

Елена Ивановна охнула и выпучила на Писугина и без того огромные глаза:

— Вы в самом деле хотите, чтобы я напечатала этот бред?

— А что здесь такого? — Поэт недоуменно посмотрел на редактора. — Властям понравится, тем более что эти стихи из моего нового поэтического сборника, кстати, изданного при финансовой поддержке районной администрации и рекомендованного для школьных программ нашего района.

Редактор ничего не ответила и лишь безвольно махнула рукой. Поэт поклонился и вышел. Оставшись одна, Елена Ивановна подошла к окну и долго смотрела куда-то вдаль, сердито шепча: «Бред для школьных программ...» Затем решительно подошла к столу, подвинула тетрадь Писугина и размашисто написала поверх стихов: «В печать под заголовком “Откровения поэта-пилигрима, забияки и драчуна”», дважды подчеркнув слово «драчуна».

*Забайкальский край, Улетовский р-н, с. Арей*



Галка ГАЛКИНА



*Всё ясно. Логика бытия неумолима. Каждому следствию своя причина. Лихорадит космическую отрасль — кадровые проблемы. Падают самолеты — человеческий фактор...*

*Тридцать лет назад, когда гомосексуализм еще считался болезнью и преступлением, а не признаком политической и социальной актуальности, сексологи уделяли основное внимание гигиене половой жизни вообще и морально-психологическому ее аспекту в частности...*

*Коррупция — объективный показатель неэффективности государства. Глубина проникновения коррупции в государственные структуры отражает степень слияния государства и общества, и чем выше эта степень, тем менее эффективно государство и менее цивилизованно общество...*

*Характерная особенность сексуальной коррупции заключена в отрицании интимной природы половой жизни человека...*

*Дамы и господа! Те из вас, кто не хочет деградировать вместе с перманентно деградирующим обществом, скажите «НЕТ!» коррупции — откажитесь от внебрачных половых связей!*

*Крепостный К. У.,  
по электронной почте, 29 декабря 2011 г., 12:00*

### Галка ГАЛКИНА:

Дорогой Крепостный К. У.! Вот Вы говорите: «Всё ясно!», но хотелось бы подробнее остановиться на гомосексуализме как на одном из решающих факторов коррупционной составляющей.

Нет никаких сомнений, что в античности, а также в эпоху Возрождения, государство уделяло большое внимание гигиене половой жизни вообще и морально-психологическому ее аспекту в частности, но гомосексуализм и там процветал. Особенно в среде художественной, если так можно выразиться, интеллигенции.

Она, художественная интеллигенция, пронесла знамя гомосексу-

ализма через века, как дань, если хотите, традиции.

Поэтому гомосексуализм непобедим, как и коррупция. Мафия, как известно, бессмертна. Так стоит ли бороться с ними?

К тому же Вы тут пишете: «Откажитесь от внебрачных половых связей!»

Но каждый уважающий себя гомосексуалист скажет Вам: однополые браки у нас запрещены законом, поэтому внебрачных связей у нас и нету. Скажет и рассмеется в лицо!

Нет, дорогой Вы наш товарищ и соратник по борьбе с гомосексуализмом! Путь отказа от внебрачных по-

ловых связей очень непрост и долгов. Не каждому такая ноша по плечу. Не все доживут до того светлого мига, когда не будет ни гомосексуализма, ни коррупции. Надо идти другим путем!

Каким?

Вот это — вопрос. И вопрос сложный. Для начала надо все хорошенько обдумать. И, главное, не опускать знамя борьбы с половой распущенностью.

Улучшать морально-психологический климат на местах в коллективах и ширить ряды сторонников гетеросексуализма!

Иного не дано!



**ФАЗА МЕСЯЦА:**

**Видать — благодать!**



**Победные реляции**

- ☺ *Ё-твое!*
- ☺ *Зайцы разрезвились в перелесках!*
- ☺ *Видел кабана, медведь еще тяжел!*
- ☺ *Разрезвились лебеди!*
- ☺ *От кибитки до кибитки пьем акцизные напитки!*
- ☺ *Хорош сом, всех истомил...*
- ☺ *Вся муть поднята и взвесь нагнана!*
- ☺ *Снег уходит помаленьку, мы танцуем ледку-енку!*
- ☺ *Грач летит в мое окно, с бодуна мне все равно!*
- ☺ *И мужик летит в окно (из Витебска), а Шагалу все равно!*

**Экстрадеты**

- ☼ *Вот — смотри!*
- ☼ *Конь не в форме!*
- ☼ *Мы разуты и раздеты — виноваты экстрадеты!*
- ☼ *Проблема кинуть что-нибудь в борозду!*
- ☼ *Лещ да сом — вещей сон!*
- ☼ *Нечем бросить в борозду — заготовки преют...*
- ☼ *Председатель приседал — обналичил крупный нал!*
- ☼ *Корнеплод мой, корнеплод, он не хрюкает, не ржет!*
- ☼ *Тех, кто брезгует свеклой, гнать поганой метлой!*
- ☼ *Помни, механик, и кнут и пряник!*



© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

**SMS'КА, ПОСЛАННАЯ В ПОЛЯ АЭРАЦИИ:  
О, борони!**



Годовая подписка на литературный журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию возможна с любого месяца. Нужно только оплатить квитанцию и отправить копию нам! Будем рады встрече с новыми читателями!

### Подписка на год

Извещение	Получатель платежа: <b>НП «Редакция журнала «Юность»</b> Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001										
	Расчетный счет № 40703810138040100906										
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225										
	Корр. Счёт: 30101810400000000225										
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____										
	Телефон: _____ E-mail: _____										
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа:</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td><b>Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.</b></td> <td></td> <td><b>2220,00</b></td> </tr> <tr> <td colspan="3">Плательщик:</td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа:	Дата	Сумма	<b>Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.</b>		<b>2220,00</b>	Плательщик:	
Вид платежа:	Дата	Сумма									
<b>Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.</b>		<b>2220,00</b>									
Плательщик:											

### Подписка на полгода

Извещение	Получатель платежа: <b>НП «Редакция журнала «Юность»</b> Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001										
	Расчетный счет № 40703810138040100906										
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225										
	Корр. Счёт: 30101810400000000225										
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____										
	Телефон: _____ E-mail: _____										
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа:</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td><b>Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.</b></td> <td></td> <td><b>1200,00</b></td> </tr> <tr> <td colspan="3">Плательщик:</td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа:	Дата	Сумма	<b>Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.</b>		<b>1200,00</b>	Плательщик:	
Вид платежа:	Дата	Сумма									
<b>Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.</b>		<b>1200,00</b>									
Плательщик:											

Копию оплаченной квитанции можно отправить в редакцию журнала «ЮНОСТЬ» по факсу: 8(499) 250-40-60, 8(499) 250-40-74, по электронной почте: [unost-reklama@mail.ru](mailto:unost-reklama@mail.ru).  
Телефон для справок: 8(499) 250-40-72/74.